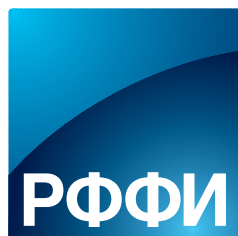

РФФИ

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

2018/1 (90)

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 1 (90) январь – март 2018 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

No 1 (90) January – March 2018

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate III No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Панченко В.Я. На пути к новым высотам	9
--	----------

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хлевнюк О.В.

Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны: историография, источники и перспективы исследований	15
--	----

Герд Л.А.

Русский остров на православном Востоке: Афон в XIX – начале XX века	27
---	----

Кормышева Э.Е.

Диакронические тенденции в развитии древних цивилизаций долины Нила	37
---	----

ЭКОНОМИКА

Рубвальтер Д.А., Либкинд А.Н., Маркусова В.А., Либкинд И.А.

Многоаспектный анализ состояния российских исследований по проблемам образования за 1993–2016 годы	50
--	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Колчинский Э.И.

Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны	63
--	----

Мигунов А.И., Лисанюк Е.Н.

Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов	77
---	----

Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В.

Влияние опыта развода на брачно-семейные установки	88
--	----

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Любомудров А.М.

К 100-летию реформы правописания. Судьба русского языка в публикациях журнала «Народоправство»	97
--	----

Вендина Т.И.

О новом выпуске Общеславянского лингвистического атласа «Личные черты человека» (ареалогический комментарий)	111
--	-----

Кузьмина Е.Б., Васильева О.В., Пурицкая Е.В.

О Словаре лексической прагматики русского языка	123
---	-----

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Мазилов В.А.

Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход	133
--	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю.

Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани)	143
---	-----

Скаков А.Ю., Джопа А.И.

Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии	152
--	-----

Хаирова В.Ш.

- Формирование градостроительной среды безудездного города конца XIX века
(на примере г. Сухиничи Калужской области) 162

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ**Ламин В.А., Журова Л.И., Шипилов И.А.**

- III Всероссийская научная конференция, посвящённая памяти
академика РАН Н.Н. Покровского, «Актуальные вопросы отечественной истории,
источниковедения и археографии» (Новосибирск, 12–14 октября 2017 г.) 171

Горский А.А., Хитров Д.А.

- Пятое Чтения памяти Л.В. Милова (Москва, 9–10 ноября 2017 г.) 177

Никитина М.Г.

- Всероссийская научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории,
культуры и экономики Крыма» (Симферополь, 14–15 декабря 2017 г.) 182

Сапунова В.М.

- Международная научная конференция «Проблемы самоидентификации
этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении
уникальных и исчезающих культур» (Ставрополь, 16–19 ноября 2017 г.) 186

Грякалов А.А., Ноговицин О.Н.

- Международная философская конференция «Русский логос:
горизонты осмысления» (Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.) 191

МИР КНИГИ РФФИ**Бобров А.Г. —**

- Лаврентьевская летопись. Факсимильное издание. СПб.: Росток, 2017. — 352 с.;
Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер.
и исслед. Г.М. Прохорова. СПб.: Росток, 2017 — 752 с. 198

Руднев А.П. —

- Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное издание:
В 2 т. / Ред. томов А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. — 816 с.; Т. 2. — 864 с. 202

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

- «ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 206

CONTENTS

<i>Panchenko V.Ya. On the way to the new heights</i>	9
--	---

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Khlevnyuk O.V.

The system of supreme power in the USSR during the Great Patriotic War: historiography, sources and research prospects	15
--	----

Gerd L.A.

A Russian Island in the Orthodox East: Mount Athos in the 19 th – early 20 th Centuries	27
---	----

Kormysheva E.Ye.

Diachronic trends in the evolution of civilizations in the Nile valley	37
--	----

ECONOMICS

Rubvalter D.A., Libkind A.N., Markusova V.A., Libkind I.A.

Multidimensional analysis of the state of Russian studies on the education issues over 1993–2016	50
--	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Kolchinsky E.I.

Mobilization and reorganization of Russian science and education during the World War I	63
---	----

Migunov A.I., Lisanyuk E.N.

Argumentation theory: competition between modern research approaches	77
--	----

Laktyukhina E.G., Antonov G.V.

Impact of the divorce experience on the marital and family mindsets	88
---	----

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Lyubomudrov A.M.

Dedicated to the centenary of Russian spelling reform. The fate of Russian language in the publications of Narodopravstvo weekly	97
--	----

Vendina T.I.

Latest issue of Slavic Linguistic Atlas “Personal characteristics of a human” (arealogical commentary)	111
--	-----

Kuzmina E.B., Vasilyeva O.V., Puritskaya E.V.

On the lexical pragmatics Dictionary of Russian language	123
--	-----

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Mazilov V.A.

The scientific fact in psychology: a structural-and-level approach	133
--	-----

FIELD RESEARCH

Chernetsov A.V., Bulankina E.V., Strikalov I.Yu.

The array of tools of an ancient Russia jeweler (new finds in Staraya Ryazan)	143
---	-----

Skakov A.Yu., Jopua A.I.

Studies of the recent years at Jantukh burial ground in Abkhazia	152
--	-----

Khairova V.Sh.

- Formation of an urban-construction environment of an out-of-district town
in the late 19th century (as exemplified by Sukhinichi town of Kaluga Region) 162

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA**Lamin V.A., Zhurova L.I., Shipilov I.A.**

- The 3rd Russian national scientific conference dedicated to the memory of member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Pokrovsky "Urgent issues of Russian history,
resource studies and archaeography" (Novosibirsk, October 12–14, 2017) 171

Gorsky A.A., Khitrov D.A.

- The 5th Readings dedicated to the memory of L.V. Milov
(Moscow, November 9–10, 2017) 177

Nikitina M.G.

- Russian national scientific conference "Urgent issues of cross-disciplinary
research in the studies of history, culture and economy of Crimea"
(Simferopol, December 14–15, 2017) 182

Sapunova V.M.

- International scientific conference "Problems of self-identity of ethnic and confessional
groups in the modern world. Their role in retaining unique and endangered cultures"
(Sevastopol, November 16–19, 2017) 186

Gryakalov A.A., Nogovitsin O.N.

- International philosophical conference "Russian logos: horizons of comprehension"
(St. Petersburg, September 25–28, 2017) 191

THE RFBR BOOK WORLD**Bobrov A.G. —**

- The Laurentian Chronicle. Facsimile edition. SPb.: Rostok, 2017. – p. 352;
The Laurentian Chronicle. Text. Translation. Studies / Preparation of the text, translation
and research by G.M. Prokhorova. SPb.: Rostok, 2017. – p. 752 198

Rudnev A.P. —

- Sholokhov M.A. Quiet Flows The Don. Academic edition: In 2 v. /
Editor of the volumes A.M. Ushakov. M.: IWL RAS, 2017. V. 1. – p. 816; V. 2. – p. 864 202

REMINDER TO THE AUTHOR IN JOURNAL OF RFBR

- Humanities and social sciences magazine 206

*В.Я. Панченко,
академик,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

На пути к новым высотам

Намечая планы на будущее, необходимо оглянуться назад и объективно оценить сделанное. Минувший 2017 год был для РФФИ чрезвычайно результативным и насыщенным событиями, он прошёл под знаком юбилея — 25-летия деятельности Фонда.

За четверть века РФФИ проделал непростой путь становления и роста первого в стране государственного научного фонда, оставаясь верным принципам и традициям государственной поддержки российской науки и отечественных учёных.

В сложившейся сегодня системе грантовой поддержки научных исследований Фонду заслуженно принадлежит место флагмана, наиболее опытного среди других фондов поддержки научной и научно-технической деятельности с точки зрения разнообразия видов конкурсов, наиболее известного и имеющего самую разветвлённую сеть зарубежных партнёрских связей.

Авторитет РФФИ в России и за рубежом завоёван благодаря активному участию в конкурсах Фонда десятков тысяч отечественных учёных. Хотелось бы от души поблагодарить их за беззаветное служение науке и многолетнее сотрудничество с РФФИ в качестве членов Совета Фонда, эффективных грантодержателей и высококвалифицированных экспертов. С участием ведущих учёных России в Фонде создана чёткая система экспертизы, которая обеспечивает отбор лучших идей,

способствует выявлению наиболее перспективных научных направлений и концентрации усилий исследователей именно на этих направлениях.

Минувший год прошёл также под знаком объединения РФФИ с Российским гуманитарным научным фондом, от которого перешли не только важные функции поддержки социогуманитарных исследований, но и опыт и традиции взаимодействия с представителями отечественной науки, которые в эти исследования вовлечены профессионально. В качестве основной цели объединения Правительство РФ обозначило увеличение доли междисциплинарных фундаментальных исследований. Процесс слияния прошёл успешно, нам удалось выработать единую концепцию дальнейшего развития РФФИ и общую конкурсную политику.

Благодаря слиянию фондов и увеличению финансирования масштабы поддержки фундаментальных исследований существенно вырастут. Впрочем, они и сегодня весьма внушительны. Ежегодно Фонд проводит более 60 конкурсов, в которых участвуют около 90 тысяч учёных. При поддержке РФФИ каждый год проходят 800 научных мероприятий, осуществляется свыше 500 научных стажировок молодых специалистов, издаётся более 250 научных книг: индивидуальных и коллективных монографий, энциклопедий, словарей разного рода, сборников научных трудов.

Наряду с инициативными проектами Фонд, следуя государственной политике и реализуя свои новые возможности, активизирует поддержку междисциплинарных исследований, которые способны дать ответы на глобальные вызовы современности. В минувшем году стартовали десять междисциплинарных конкурсных программ.

Остановлюсь только на одной из них, касающейся фундаментальных проблем в исследованиях психического здоровья человека и общества. Она формировалась в течение полутора лет. Вырабатывая общие подходы к решению сложнейшей и очень важной для человечества проблемы (расстройствами психического здоровья страдают 12% населения земного шара), психиатры, психологи, социологи, медики, физики организовали две конференции. Намеченная программа включает целый спектр работ — от исследования на самой современной научной базе механизмов функциональных реакций головного мозга и центральной нервной системы до построения различных поведенческих моделей человека.

Подводя итоги 25-летнего пути, Фонд вступил в новый этап своей деятельности, основные задачи которого определены в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», утверждённой Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г.

Новая программа РФФИ «Стратегия» нацелена на поддержку комплексных исследований по приоритетным направлениям, которые обозначены в Стратегии научно-технологического развития (СНТР) до 2035 года. Фактически РФФИ составил свою программу фундаментальных исследований, необходимых для реализации СНТР.

Мы считаем эту задачу крайне важной, поскольку в Стратегии заявлено, что ключевую роль в ответе на глобальные вызовы должна сыграть фундаментальная наука.

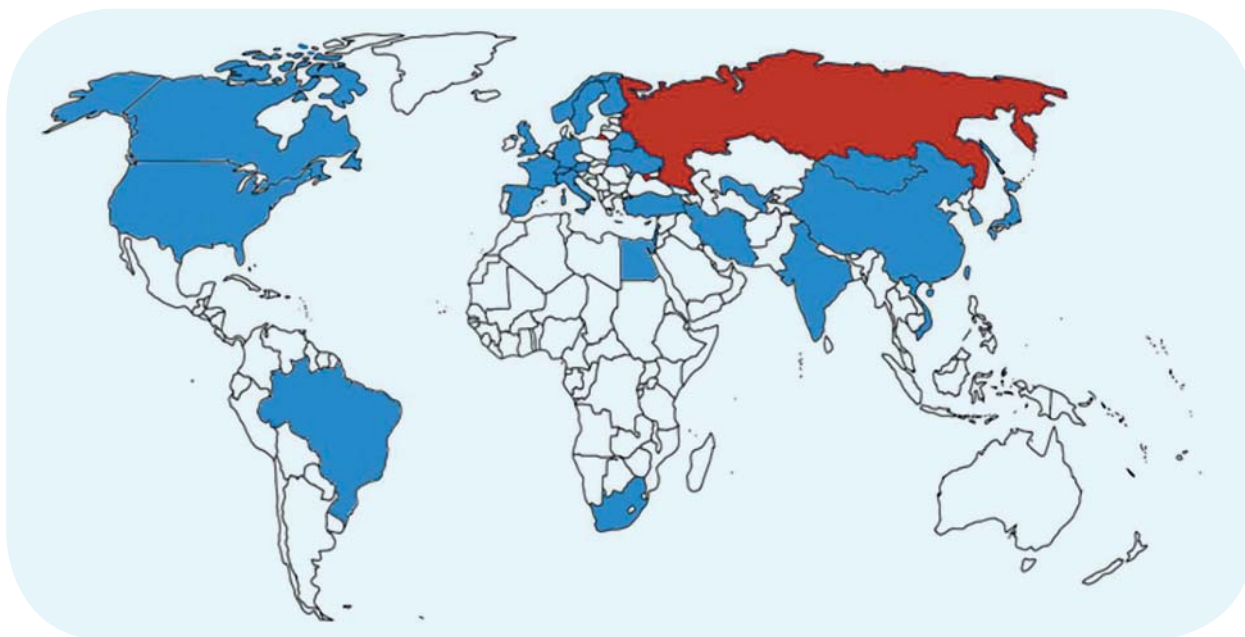
РФФИ проанализировал, какое научное сопровождение имеют обозначенные в СНТР приоритеты. Участников конкурса инициативных проектов нынешнего года попросили указать, к каким приоритетным областям относятся результаты их исследований. В качестве отдельного приоритета была обозначена фундаментальная наука. Она, конечно же, набрала больше всего голосов. Однако и остальные направления тоже не остались без внимания. Так, почти каждый пятый автор проектов работает над проблемами, решение которых призвано обеспечить переход к передовым цифровым, интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, созданию систем обработки больших объёмов данных и искусственного интеллекта.

Ещё один относительно новый вид конкурсов РФФИ — стартовые научные исследования для работы на установках класса Mega-Science (в том числе зарубежных) и уникальных приборах, имеющихся в центрах коллективного пользования. В ходе выполнения таких проектов учёные готовятся к работе на крупных экспериментальных установках: ставить предварительные эксперименты на лабораторном уровне, разрабатывать и просчитывать программы дальнейших действий. Одной из уникальных установок, на которых получают возможность работать российские учёные, является Европейский рентгеновский лазер, открытие которого состоялось в минувшем году в Гамбурге (ил. 1).

Проявляя постоянную заботу о талантливой молодёжи, РФФИ разработал Программу поддержки молодых учёных, включающую семь видов конкурсов для ис-

Ил. 1. Уникальный Европейский рентгеновский лазер в Гамбурге

Ил. 2. География международного сотрудничества РФФИ

следователей, находящихся на разных ступенях профессионального и карьерного развития. Ежегодно в этих конкурсах принимает участие более 15 тысяч человек.

Признанием на государственном уровне эффективности реализуемой Фондом Программы поддержки талантливой молодёжи стал тот факт, что почти все лауреаты Государственных премий России в области науки и техники среди молодых учёных являлись ранее руководителями и исполнителями проектов РФФИ.

Не останавливаясь на достигнутом, Фонд ввёл новые формы поддержки научной молодёжи — конкурсы для постдоков и стажировки в ведущих научных центрах.

В качестве особо важного направления в Стратегии научно-технологического развития выделено международное сотрудничество в научно-технической области. Между тем РФФИ фактически с момента основания придавал большое значение взаимодействию с коллегами из зарубежных фондов поддержки науки. Сегодня в число зарубежных партнёров, с которыми РФФИ имеет соглашения о сотрудничестве, входят ведущие научные фонды и организации около 50 стран, в том числе Китая, Израиля, Индии, Великобритании, Франции, Германии, Египта, Японии, Турции, Южной Кореи, Вьетнама, Тайваня, Финляндии, Норвегии, Австрии, ЮАР, США, Италии, Швейцарии, Монголии, Абхазии, Армении, Белоруссии, Киргизии и других стран (ил. 2).

РФФИ выполняет функции секретариата основного конкурса многосторонних исследовательских проектов рамочной программы БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций и в этом качестве уже организовал совместные конкурсы с фондами входящих в БРИКС стран.

По инициативе РФФИ была создана Евразийская ассоциация поддержки исследований, в которую вошли учёные из Армении, Белоруссии, Вьетнама,

Киргизии и Монголии (см.: Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2).

Обширные международные контакты привели нас к пониманию необходимости участия в научном обеспечении международной политики. В мае минувшего года РФФИ совместно с Лондонским Королевским обществом и МГИМО при участии ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН провёл круглый стол, посвящённый развитию научной дипломатии (см.: Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3). В работе круглого стола приняли участие ведущие учёные РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и других вузов, а также авторитетные британские учёные, сотрудники дипломатических ведомств двух стран. Мероприятие вызвало большой общественный резонанс. И это не случайно. Мы убеждены, что научную дипломатию следует рассматривать как спектр реальных дел, способствующих укреплению и развитию международного научного сотрудничества. Результатом этого сотрудничества становятся не только совместные научные разработки и публикации, но и лучшее знание и понимание исследователями друг друга, укрепление чисто человеческих контактов между ними. Учёные — цвет нации, и научная дипломатия способствует достижению лучшего взаимопонимания между народами и странами. А именно этим и призвана заниматься современная дипломатия в широком её понимании.

В наступившем году тема научной дипломатии будет доминировать в международной деятельности РФФИ. В мае Фонду предстоит провести масштабное международное мероприятие — форум Глобального исследовательского совета (ГИС).

Основанный в 2012 г., ГИС представляет собой неформальное объединение фондов разных стран, финансирующих научные исследования. С момента создания Глобального исследовательского совета Фонд является неизменным участником всех его мероприятий и входит в состав Управляющего совета. По решению Общего собрания ГИС, состоявшегося в июне минувшего года в Оттаве (ил. 3), следующее собрание Глобального исследовательского совета пройдёт 14–16 мая 2018 г. в Москве, а его организатором выступит РФФИ вместе с Научным исследовательским фондом Республики Корея. Для обсуждения запланированы две ключевые темы: «Научная дипломатия» и «Научная экспертиза».

В процессе начавшейся подготовки представители РФФИ организовали и приняли участие в региональных встречах ГИС. В Панаме состоялась встреча научных фондов стран Северной и Южной Америки, в Швеции — европейских фондов, в Замбии — фондов Африки, в Шри-Ланке — фондов стран Азии и Океании, в Саудовской Аравии — фондов арабских стран.

Обсуждения тематики будущего годового собрания ГИС — «Научная дипломатия» и «Научная экспертиза» — велись на основе разработанных в РФФИ концепций подходов к указанным темам. Выступления представителей Фонда задава-

Ил. 3. Участники Общего собрания ГИС в Оттаве (июнь 2017 г.), на котором было принято решение о проведении в Москве очередного заседания

ли тон состоявшимся обсуждениям. Основным итогом встреч стало признание значимости и актуальности предложенной тематики отдельными национальными организациями и их региональными объединениями в целом.

Состоявшиеся в рамках прошедших мероприятий контакты представителей Фонда с их участниками, многие из которых прибыли из стран и от организаций, не имеющих опыта связей с РФФИ, позволили узнать друг о друге «из первых рук» и приобрести первый опыт взаимодействия. В результате прошли переговоры об установлении сотрудничества с научными фондами Израиля, Саудовской Аравии и Чехии — стран, имеющих многих учёных, заинтересованных в совместных исследованиях с коллегами из России.

К предстоящему собранию Глобального исследовательского совета Фонд готовит обширную научную программу, представительную экспозицию изданных при поддержке РФФИ научных трудов, посвящённых исследованию истории и культуры стран — членов ГИС, аннотированный каталог этих книг на русском и английском языках, а также сборник официальных документов ГИС и целый ряд других изданий.

Время выдвигает перед РФФИ новые, масштабные задачи. Но наш 25-летний опыт работы, активная поддержка российских учёных, широкие зарубежные научные связи, мощный потенциал Фонда и квалифицированный коллектив сотрудников вселяют уверенность и оптимизм. Сколь бы сложными ни были задачи, они нам по плечу!

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47+57)

ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-15-26

О.В. ХЛЕВНЮК*

Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны: историография, источники и перспективы исследований

В статье рассматриваются основные тенденции развития системы высшей власти в СССР в период Великой Отечественной войны в связи с трансформацией механизмов принятия решений и единоличной диктатуры. Современные публикации по этой проблеме сосредоточены на изучении формальных структур власти, при этом практики руководства и его качественные характеристики исследованы недостаточно. В статье приводится анализ основных архивных комплексов, которые отражают деятельность советских лидеров и изменения в системе высшей власти на различных этапах войны. Изучение и сопоставление этих документальных фондов будет определять перспективы исследований проблемы.

Ключевые слова: военно-политическое руководство СССР, Великая Отечественная война, ГКО СССР, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР, структуры власти, советские лидеры, порядок принятия решений

Изучение институтов высшей власти в СССР, механизмов принятия решений, стратегических методов и оперативных практик руководства тесно связано с открытием архивов советского периода. Обращение к ранее секретным архивным фондам партийно-государственных структур и совет-

ских лидеров способствовало появлению конкретно-исторических и обобщающих работ о системе власти в СССР. Наиболее интенсивно эти вопросы изучались применительно к довоенным годам. Ряд публикаций посвящён послевоенному «позднему сталинизму». Литература о высшей власти в период Великой Оте-

* **Хлевнюк Олег Витальевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель проекта «Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет Народных Комиссаров СССР» (15-01-00093а).
E-mail: okhlevniuk@hse.ru

чественной войны на этом фоне выглядит особенно малочисленной.

Историография проблемы

До середины 1990-х гг. вопросы военно-политического руководства СССР в годы войны почти не рассматривались в связи с полным отсутствием доступа к архивам и политической цензурой. Основным источником знаний о деятельности высших эшелонов власти были мемуары советских военачальников Г.К. Жукова, А.М. Василевского, С.М. Штеменко и др. На их основе отдельные аспекты проблемы затрагивались в основном в обобщающих трудах по истории войны [1].

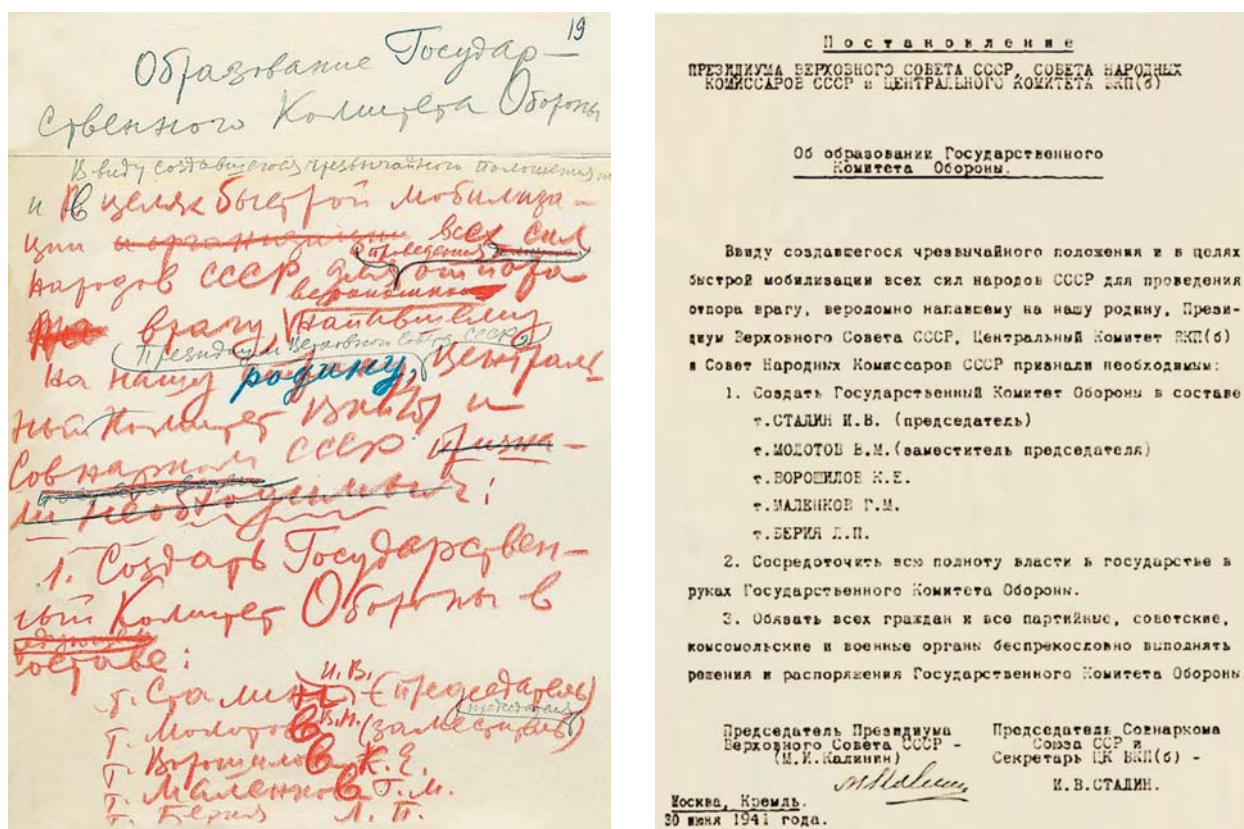
После частичного открытия архивов особым вниманием историков пользуется фонд Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР, переданный из Архива Президента РФ в РГАСПИ и на протяжении последних лет почти полностью рассекреченный [2]. На основании комплекса постановлений ГКО были подготовлены несколько работ о деятельности этого института власти. Основное внимание уделялось формированию структур ГКО и тематической систематизации его постановлений [3]. Специалисты по военной истории продолжают изучение системы руководства советскими вооружёнными силами в годы войны [4]. Некоторые аспекты советской управленческой системы исследуются в работах, посвящённых экономике войны [5]. Традиционно активно развивается историография международных отношений и советской внешней политики в годы Второй мировой войны [6].

Вместе с тем комплексное исследование системы советского военно-политического руководства в годы войны остаётся актуальной и нерешённой задачей. Немногочисленные работы о советской политической системе военного периода имеют общий, историко-политологический характер, ярко отражают дефицит конкретно-исторических исследований по проблеме [7]. Важным сви-

детельством актуальности изучения проблем военно-политического руководства являются обобщающие труды по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Так, в новой 12-томной истории Великой Отечественной войны эта тема фактически лишь намечена и представлена общими положениями и немногочисленными фактами [8]. Яркое выраженный внешнеполитический и историко-дипломатический акцент имеет специальный том о политическом руководстве в другой обобщающей исследовательской серии [9].

Структура органов высшей власти

Отсутствие специальных работ о высшем руководстве СССР в годы Великой Отечественной войны в значительной мере объясняется сложностью темы. В годы войны произошли существенная реорганизация формальных структур партийно-государственного руководства и такие изменения в их взаимодействии, которые во многих случаях затрудняют точное определение самого предмета исследования. Главными проблемами являются слияние и во многих случаях неразделённость высших институтов власти, которые отмечали уже многие участники событий. По свидетельству маршала Г.К. Жукова, ему трудно было определить, на какое заседание он был вызван и в каком качестве на этих заседаниях (как члены Политбюро, ГКО или руководители правительства) выступали те или иные лидеры страны [10]. Заместитель наркома обороны, нарком путей сообщения СССР А.В. Хрулёв вспоминал: «Государственный Комитет Обороны – это кабинет Сталина... Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО. В течение дня принимались десятки решений. Причём не было так, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Ста-

Ил. 1. Подлинник и опубликованный текст постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. о создании ГКО СССР

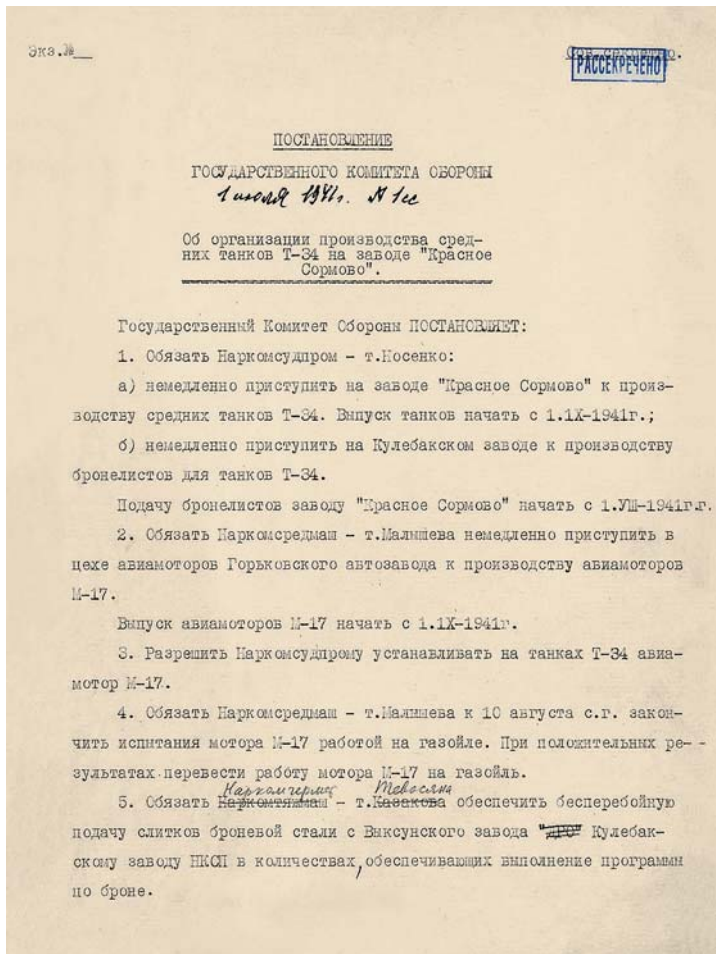
лина» [11]. По свидетельству А.И. Микояна, «официальных заседаний ГКО Сталин не собирал. Вопросы обычно решались оперативно, по мере их возникновения, узким составом Политбюро» [12]. Все эти мемуарные свидетельства подтверждаются информацией, содержащейся в журнале регистрации посетителей кремлёвского кабинета Сталина [13].

Таким образом, высшая инстанция партийно-государственной власти в годы войны с институциональной точки зрения состояла из нескольких тесно взаимосвязанных органов. Первым среди них нужно назвать ГКО СССР, созданный 30 июня 1941 г. как высший орган власти на период войны (ил. 1).

В состав ГКО входили И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия [14]. В дальнейшем состав ГКО менялся. В 1942 г. его членами стали Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян, Л.М. Кага-

нович. В 1944 г. из состава ГКО был выведен К.Е. Ворошилов и введён Н.А. Булганин [15].

Формально высшие органы партийно-государственной власти, прежде всего Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, делегировали ГКО свои права (ил. 2). Однако фактически это не предполагало, что традиционные структуры власти прекратили своё существование. Многочисленные постановления принимались в годы войны от имени Политбюро. Несколько можно судить по журналам посещений кабинета Сталина, Политбюро в этот период продолжало довоенную традицию работы в узком составе так называемой руководящей группы. В неё входили Сталин, Молотов, Микоян, Маленков и Берия [16]. Молотов, Микоян, Маленков, Берия, а также Вознесенский в качестве заместителей председателя СНК СССР (должность, которую занимал Сталин) руководили аппаратом совет-

Ил. 2. Постановление № 1 ГКО СССР

ского правительства, а также курировали деятельность различных наркоматов.

К этой традиционной части высших руководящих структур в годы войны присоединился высший орган военной власти — Ставка Верховного Главнокомандования, образованная постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. В её состав входили Сталин, Молотов, а также маршалы С.К. Тимошенко, С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников, начальник Генштаба генерала армии Г.К. Жуков [17]. Несмотря на важные изменения в военном руководстве (например, отход от дел Шапошникова и назначение в мае 1942 г. начальником Генштаба А.М. Василевского, а затем А.И. Антонова), новый состав Ставки был утверждён только на последнем этапе войны, в феврале 1945 г. Членами Ставки, согласно этому решению, были Сталин, заместители народного комиссара обо-

роны СССР Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Н.А. Булганин, начальник Генштаба А.И. Антонов, народный комиссар Военно-Морского Флота СССР Н.Г. Кузнецов [18]. Только в конце войны из Ставки были удалены члены Политбюро (кроме Сталина) и она по своему составу превратилась в сугубо военный орган.

В целом, как свидетельствует персональный состав высших органов партийно-государственной и военной власти, в годы войны наблюдалась их интеграция в единое целое. Раздельные заседания ГКО и Политбюро фактически не проводились. Это способствовало выработке особой процедуры работы высших органов власти и оформления их постановлений. Имеющиеся документы подтверждают свидетельство А.И. Микояна, что решения руководящей группы, собиравшейся в кабинете у Сталина, «в зависимости от содержания... оформлялись в виде либо постановления ГКО, либо постановле-

ния СНК или ЦК ВКП (б) (имеются в виду постановления Политбюро. — Ред.), а то и совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б)» [19]. Эти структурные и процедурные особенности деятельности высших эшелонов власти в годы войны важно учитывать при их изучении.

Органы оперативного руководства

Реальное разделение функций высших органов власти происходило на уровне их руководящих рабочих комиссий, что хорошо видно на примере деятельности Оперативного бюро ГКО и Бюро СНК СССР. Эти структуры были созданы в конце 1942 г. на этапе стабилизации общей ситуации в стране после поражений первого периода войны [20]. К ведению Оперативного бюро ГКО были отнесены «контроль и наблюдение за текущей ра-

ботой всех наркоматов оборонной промышленности, наркомата путей сообщения, наркомата чёрной металлургии, наркомата цветной металлургии, наркомата электростанций, наркомата угольной промышленности, наркомата нефтяной промышленности, наркомата химической промышленности, а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым» [21].

Остальные вопросы оперативного управления экономикой должны были решаться через Бюро СНК СССР. Членами Оперативного бюро ГКО были назначены В.М. Молотов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, А.И. Микоян. В Бюро СНК вошли В.М. Молотов, А.И. Микоян, А.А. Андреев, Н.А. Вознесенский и Н.М. Шверник. Определённое разделение между этими двумя органами произошло не только на уровне компетенций, но и персонального состава руководителей. 18 мая 1944 г. Политбюро утвердило новое решение, которое более чётко определило полномочия и функции Оперативного бюро ГКО [22].

Оперативное бюро ГКО и Бюро СНК выполняли две основные функции. Во-первых, они осуществляли оперативное руководство экономикой и социальной сферой, принимая многочисленные директивы по текущим вопросам. Во-вторых, готовили и согласовывали наиболее значимые постановления, подлежащие утверждению Сталиным от имени ГКО. Наряду с основными руководящими структурами ГКО и СНК СССР создавались специализированные органы оперативного управления.

Важную роль на начальном этапе войны играли правительственные структуры, отвечавшие за эвакуацию [23]. Транспортный комитет при ГКО СССР, образованный в феврале 1942 г., принимал окончательные решения о планировании, регулировании и увязке работы железнодорожного, морского и речного транспорта [24]. В 1943–1945 гг. при ГКО СССР создаются Трофейный комитет, занимавший-

ся сбором трофейной военной техники и других ресурсов; Особый комитет, координировавший проведение репарационной политики [25]; Специальный комитет, руководивший реализацией советского атомного проекта [26].

Таким образом, исследование системы высшей власти в СССР в годы войны предполагает охват значительного круга институтов и, соответственно, обращение к широкому кругу документов, которые разделены между различными архивными фондами. Решение этой задачи, однако, осложняется как многочисленностью этих документов, так и закрытостью определённой их части.

Изменение характера высшей власти

Важной предпосылкой исследования проблемы является доступность комплексов постановлений и распоряжений Политбюро ЦК ВКП (б), ГКО СССР, Оперативного бюро ГКО, СНК СССР [27]. Сравнительно немногочисленные, но важные документы за период войны находятся в личных фондах советских лидеров, прежде всего в личном фонде Сталина [28]. Рассмотренные в комплексе, эти документы позволяют проследить основные направления и методы деятельности высших органов власти. Они показывают, что постепенно в результате ряда реорганизаций в годы войны сформировалась сложная, но достаточно стройная в структурном отношении система высшего руководства и управления, которая обеспечивала необходимое разделение функций и полномочий различных органов, их взаимодействие и одновременно высокий уровень централизации (ил. 3). Как неоднократно отмечалось в литературе, в военный период Советский Союз достиг максимальной степени мобилизации ресурсов на нужды армии и максимальной степени концентрации высшей власти [29]. Именно благодаря этому, обладая сравнительно ограниченной ресурсной базой, СССР сумел обеспечить веду-

Ил. 3. Сталин осматривает новую технику.
Сентябрь, 1943 г.

щие позиции в производстве основных видов военной техники и вооружений.

Вместе с тем имеющиеся документы позволяют уточнить преобладающие представления о системе высшего руководства в годы войны как исключительно централизованной и нацеленной на сосредоточение в руках единого лидера — Сталина — дополнительных функций и полномочий. Политическое развитие в этот период имело более сложный характер. Нарастание централизации сопровождалось относительной децентрализацией высшего руководства, связанной с изменением характера сталинской диктатуры и распространением практик коллективного руководства.

В предвоенный период Сталин сосредоточил в своих руках всю полноту власти, максимально ограничив делегирование административных, не говоря уже о политических, полномочий другим лидерам. Такая система несла в себе риск роковых политических ошибок и сбоев управления, что и произошло в начале войны. Под дав-

лением этих реальностей и чрезвычайных обстоятельств наблюдалось широкое делегирование функций сверху вниз и обеспечение относительной кадровой устойчивости партийно-государственного аппарата, включая его военную и военно-промышленную составляющие.

Несколько важнейших тенденций свидетельствовали об изменении характера власти. Во-первых, высшее руководство в своей основе оставалось стабильным и не подвергалось репрессиям, как это было до войны. Во-вторых, произошло возвращение на первые роли старых соратников Сталина, прежде всего Молотова, назначенного заместителем председателя ГКО и вернувшего утраченный перед войной пост первого заместителя председателя СНК. Это означало восстановление прежнего баланса сил в высших эшелонах власти, который Сталин менял накануне войны, выдвигая молодых соратников. В-третьих, наблюдалось усиление административного влияния членов ГКО за счёт делегирования им

важных функций оперативного управления. В-четвёртых, складывались новые институты и практики коллективного руководства.

Хотя высшей инстанцией в системе военной диктатуры оставался Сталин, значительная часть вопросов оперативного руководства страной, в том числе военной экономикой, решались без его непосредственного участия. Определённой степенью административной самостоятельности обладали Оперативное бюро ГКО СССР и Бюро СНК СССР. Собираясь на заседаниях этих органов без Сталина, высшие советские лидеры имели возможность быстро принимать решения. На утверждение Сталину посылали далеко не все постановления, согласованные на таких заседаниях. Помимо участия в работе коллективных органов высшей власти, каждый из сталинских соратников самостоятельно решал огромное число «своих» вопросов. Этот принцип лежал в основе системы кураторства – вручения соратникам Сталина полномочий оперативного управления ключевыми отраслями экономики [30]. Отказ от этой модели коллективного руководства, которая сложилась в чрезвычайных условиях, наметился на финальном этапе войны и окончательно произошёл вскоре после её завершения.

Документальные комплексы институтов высшей власти

Вместе с тем общие характеристики системы высшей власти, соотношения централизации/децентрализации, административного и политического влияния Сталина и его окружения нуждаются в более детальной проработке. Имеющиеся исследования лишь в некоторой степени позволяют понять механизмы принятия и реализации решений, степень их выполнения. Эта проблема усугубляется тем, что в годы войны вообще прекратилось ведение каких-либо стенограмм заседаний руководящих структур. Незначительной была переписка между совет-

скими лидерами, которая служит важным источником знаний о логике принятия решений в довоенный период. Историкам приходится полагаться преимущественно на такие материалы, как иницирующие записки и варианты проектов постановлений, отчёты о выполнении директив. Часть таких документов отложилась в комплексах подлинных протоколов постановлений ГКО и Политбюро [31].

Однако значительные комплексы этих материалов остаются недоступными. Только начинается изучение архива Политбюро ЦК ВКП (б), который до недавнего времени был составной частью Архива Президента РФ [32]. Закрыты документы секретариата Оперативного бюро ГКО. Введена в оборот лишь некоторая часть документов Ставки верховного главнокомандования [33]. Пока лишь в незначительной мере исследовались огромные комплексы архива СНК за период войны – Управления делами [34], секретариатов заместителей председателя СНК (они же члены ГКО СССР) [35]. Не реализованы значительные возможности изучения фондов аппарата ЦК ВКП (б) [36].

В целом наличие значительных документальных комплексов высшего партийно-государственного и военного руководства СССР в годы войны создаёт неоднозначную исследовательскую ситуацию. С одной стороны, рассредоточение фондов между различными архивами, отражавшее разделение и сложное взаимодействие самих институтов власти, затрудняет комплексное изучение проблемы. С другой – пересечение функций различных структур, принимавших решения, и разделение их архивов позволяют в ряде случаев заполнить лакуны. Документы, недоступные в одном архиве, могут быть обнаружены в другом, более открытом для изучения. Как показывает опыт, такой метод «вторичного» комплектования документальных источников отчасти позволяет преодолевать препятствия, возникающие в силу закрытости ряда архивов.

Ближайшие перспективы историографии системы высшей власти в СССР в годы войны будут связаны с реконструкцией всей цепи процесса принятия и реализации решений, управленческих практик на фронте и в тылу и их результатов. Для этого потребуются, прежде всего, изучение конкретных случаев реализации крупных военных, экономических, социальных

и других программ и отдельных акций. Только с опорой на такие реальные факты и знания можно представить обоснованные характеристики качества и уровня эффективности системы власти в военных условиях, исследовать изменения качества системы в связи с эволюцией структур и методов военно-политического руководства на различных этапах войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. М., 1973–1982; J.Erickson. *The Soviet High Command 1918–1941: A Military-Political History 1918–1941*. London, 1962; J.Erickson. *The Road to Stalingrad*. London, *Stalin's War with Germany*. Vol. 1: London, 1983; J.Erickson. *The Road to Berlin*. *Stalin's War with Germany*. Vol. 2. London, 1983.
2. РГАСПИ. Ф. 644. Государственный Комитет Оборона СССР.
3. Комаров Н.Я. Государственный Комитет Оборона постановляет...: Документы, воспоминания, комментарии. М., 1990; А.А. Печёнкин. Государственный Комитет Оборона в 1941 году // *Отечественная история*. 1994. № 4–5; П.Н. Кнышевский. Государственный Комитет Оборона: методы мобилизации трудовых ресурсов // *Вопросы истории*. 1994. № 2; Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002; Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти, 1941–1945 гг. Саратов, 2002; Хрусталёв В.Н. Государственный комитет оборона в системе чрезвычайных органов власти СССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – май 1945 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.
4. История военной стратегии России. М., 2000; Кокошин А.А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003; Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.
5. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; M.Harrison. *Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945*. Cambridge, 1996; J.Sapir, *The economics of war in the Soviet Union during World War II* // I.Kershaw, M.Lewin, eds, *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*, Cambridge University Press, 1997. P. 208–223; M.Harrison, J.Barber (eds.) *The Soviet Defence Industry Complex from Stalin to Khrushchev*. Basingstoke and London, 2000; Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011.
6. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М. 2006; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004; Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953. М., 2014; Печатнов В., Магадеев И. (сост.). Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т. 1–2. М., 2015.
7. Overy R. *The Dictators: Hitler's Germany, Stalin's Russia*. London, 2004; Черепанов В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 1: Основные события войны. М., 2011; Т. 11: Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооружёнными силами СССР в годы войны. М., 2015.

9. Великая Победа. Т. 9: Сталин в годы войны. М., 2013.
10. Коммунист. 1968. № 14. С. 97.
11. Куманёв Г.А. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С. 395–397.
12. Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 463.
13. На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.) / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2008.
14. Правда. 1 июля 1941 г. Фактически решение о создании ГКО было утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1317. Л. 19–21).
15. Все эти назначения производились решениями Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1328. Л. 206; Д. 1331. Л. 74; Д. 1427. Л. 131).
16. Именно в таком составе так называемая пятёрка членов Политбюро действовала сразу же после войны.
17. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
18. Там же. Д. 372. Л. 73. Постановление ГКО от 17 февраля 1945 г.
19. Микоян А.И. Так было. С. 464.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 55; Русский архив. Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. 1941 / Под ред. В.А. Золотарёва. Т. 23 (12–1). М., 1997. С. 11–12; С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 102–104.
21. Постановление Политбюро от 8 декабря 1942 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1046. Л. 20, 21).
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1050. Л. 47, 48.
23. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 29), 22 июня 1942 г. – Комиссия по эвакуации при ГКО (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 54).
24. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 49.
25. Там же. Оп. 2. Д. 454. Л. 30–31.
26. Там же. Д. 533. Л. 80–84.
27. Подробнее об этих архивных фондах см.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б): Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог: В 3 т. / Редкол.: Адибеков Г.М. (отв. ред.) и др. М., 2000–2001; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. / Сост. Г.В. Горская и др. Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 2015.
28. РГАСПИ. Ф. 558. (И.В. Сталин), Ф. 82 (В.М. Молотов), Ф. 39 (А.И. Микоян), Ф. 83 (Г.М. Маленков). Личный фонд Л.П. Берии, который играл заметную роль в годы войны в качестве члена ГКО, не формировался.
29. См. сравнительные исследования о развитии государственных и военных систем в противоборствующих лагерях в годы Второй мировой войны: P. Liddle, J. Bourne, I. Whitehead, eds. The Great World War. 1914–1945. Vol. 1. London, 2000.
30. См. постановление ГКО СССР от 4 февраля 1942 г. «Распределение обязанностей между членами Государственного комитета обороны» (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 218, 219), а также последующие решения ГКО об уточнении и изменении обязанностей членов ГКО (Там же. Д. 21. Л. 39, 94; Д. 57. Л. 161; Д. 58. Л. 79; Д. 63. Л. 162; Д. 72. Л. 165, 166; Д. 129. Л. 212).
31. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2; Ф. 17. Оп. 163.
32. Война. 1941–1945. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 2010; Война. 1941–1945. Вып. 2. Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 2015; Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939–1946 / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2006.
33. Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК / Под ред. В.А. Золотарёва. Т. 16, Кн. 1–4. М., 1996–1999.
34. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25, 25а, 43, 43а, 44, 44а, 46, 46а, 47. В состав десятков тысяч дел этих описей включены также архивы различных структурных подразделений ГКО СССР и СНК СССР (Комитет по эвакуации, Транспортный комитет и т.д.). Это связано с тем, что работу этих подразделений с технической точки зрения обслуживал аппарат СНК.

35. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 83с (секретариат Л.П.Берии); Оп. 98с (секретариат А.И.Микояна); Оп. 81с (секретариат К.Е.Ворошилова).
36. Например, Управление кадров ЦК в годы войны действовало в качестве аппарата члена ГКО Г.М.Маленкова. Значительный комплекс документов этого Управления (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127) содержит информацию об оперативном руководстве теми отраслями экономики, которые курировал Маленков, прежде всего авиационной промышленностью и металлургией.

ENGLISH

The system of supreme power in the USSR during the Great Patriotic War: historiography, sources and research prospects

Oleg Vitalievich Khlevnyuk is Dr. Hab. of History, leading researcher at the International Center for the History and Sociology of World War II and its Consequences, National Research University "Higher School of Economics" (HSE) (Russia, Moscow), head of project "Soviet military and political leadership in the Great Patriotic War. The State Defense Committee. The Political Bureau of the CC AUCP(b). The Council of People's Commissars of the USSR" (15-01-00093 (a)).

E-mail: okhlevniuk@hse.ru

The paper is dedicated to the main tendencies of the development of system of supreme power in the USSR during the Great Patriotic War due to a transformation of mechanics of decision-making and one-man dictatorship were transformed. The current published works on this subject aim to study formal structures of power, yet practices of the government and its qualitative characteristics have been insufficiently studied. This article analyzes the main archive funds that reflect activities of soviet leaders and changes in the supreme power system at various stages of the War. The study and comparison of these documental funds will determine research prospects in the field.

Keywords: military and political leadership of the USSR, the Great Patriotic War, the State Defense Committee of the USSR, the Political Bureau of CC AUCP(b), the Council of People's Commissars of the USSR, power structures, soviet leaders, decision-making mechanics

REFERENCES

1. Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg.: V 12 t. M., 1973–1982; J. Erickson. The Soviet High Command 1918–1941: A Military-Political History 1918–1941. London, 1962; J. Erickson. The Road to Stalingrad. London, Stalin's War with Germany. Vol. 1: London, 1983; J. Erickson. The Road to Berlin. Stalin's War with Germany. Vol. 2. London, 1983.
2. RGASPI. F. 644. Gosudarstvennyy Komitet Oborony SSSR (in Russian).
3. Komarov N.Ya. Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet...: Dokumenty, vospominaniya, kommentarii. M., 1990; A.A. Pechyonkin. Gosudarstvennyy Komitet Oborony v 1941 godu // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 4–5; P.N. Knyshevskiy. Gosudarstvennyy Komitet Oborony: metody mobilizatsii trudovykh resursov // Voprosy istorii. 1994. № 2; Gor'kov Yu.A. Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet (1941–1945). Tsifry, dokumenty. M., 2002; Danilov V.N. Sovetskoe gosudarstvo v Velikoy Otechestvennoy voyne: fenomen chrezvychaynykh organov vlasti, 1941–1945 gg. Saratov, 2002; Khrustalyov V.N. Gosudarstvennyy komitet oborony v sisteme chrezvychaynykh organov vlasti SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941 g. – may 1945 g.): Diss. ... kand. ist. nauk. M., 2007 (in Russian).

4. Istoriya voennoy strategii Rossii. M., 2000; Kokoshin A.A. Strategicheskoe upravlenie. Teoriya, istoricheskiy opyt, sravnitel'nyy analiz, zadachi dlya Rossii. M., 2003; Glants D. Vosstavshie iz pepla. Kak Krasnaya Armiya 1941 goda prevratilas' v Armiyu Pobedy. M., 2009 (in Russian).
5. Simonov N.S. Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody. Tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie. M., 1996; M. Harrison. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge, 1996; J. Sapir, The economics of war in the Soviet Union during World War II // I. Kershaw, M. Lewin, eds, Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison, Cambridge University Press, 1997. P. 208–223; M. Harrison, J. Barber (eds.) The Soviet Defence Industry Complex from Stalin to Khrushchev. Basingstoke and London, 2000; Ermolov A.Yu. Tankovaya promyshlennost' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 2009. Mukhin M.Yu. Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 2011 (in Russian).
6. Pechatnov V.O. Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SSHA v 1940-kh gg. M. 2006; Rzheshhevskiy O.A. Stalin i Cherkhill'. Vstrechi. Besedy. Diskussii. Dokumenty, kommentarii. 1941–1945. M., 2004; Roberts D. Iosif Stalin. Ot Vtoroy mirovoy do «kholodnoy voyny», 1939–1953. M., 2014; Pechatnov V., Magadeev I. (sost.). Perepiska Stalina s Ruzvel'tom i Cherkhillem v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. T. 1–2. M., 2015 (in Russian).
7. Overy R. The Dictators: Hitler's Germany, Stalin's Russia. London, 2004; Cherepanov V. Vlast' i voyna. Stalinskiy mekhanizm gosudarstvennogo upravleniya v Velikoy Otechestvennoy voyne. M., 2006 (in Russian).
8. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: V 12 t. T. 1: Osnovnye sobytiya voyny. M., 2011; T. 11: Politika i strategiya Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoy i Vooruzhyonnymi silami SSSR v gody voyny. M., 2015.
9. Velikaya Pobeda. T. 9: Stalin v gody voyny. M., 2013 (in Russian).
10. Kommunist. 1968. № 14. S. 97 (in Russian).
11. Kumanyov G.A. Ryadom so Stalinyim. Smolensk, 2001. S. 395–397 (in Russian).
12. Mikoyan A.I. Tak bylo. Razmyshleniya o minuvshem. M., 1999. S. 463 (in Russian).
13. Na priyome u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Stalinyim (1924–1953 gg.) / Pod red. A.A. Chernobaeva. M., 2008 (in Russian).
14. Pravda. 1 iyulya 1941 g. Fakticheski reshenie o sozdanii GKO bylo utverzhdeno Politbyuro TSK VKP(b) (RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 1317. L. 19–21) (in Russian).
15. Vse eti naznacheniya proizvodilis' resheniyami Politbyuro (RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 1328. L. 206; D. 1331. L. 74; D. 1427. L. 131) (in Russian).
16. Imenno v takom sostave tak nazyvaemaya pyatyorka chlenov Politbyuro deystvovala srazu zhe posle voyny (in Russian).
17. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 2. L. 1 (in Russian).
18. Tam zhe. D. 372. L. 73. Postanovlenie GKO ot 17 fevralya 1945 g (in Russian).
19. Mikoyan A.I. Tak bylo. S. 464 (in Russian).
20. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1045. L. 55; Russkiy arkhiv. Velikaya Otechestvennaya. General'nyy shtab v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941 / Pod red. V.A. Zolotaryova. T. 23 (12–1). M., 1997. S. 11–12; S.M. Shtemenko. General'nyy shtab v gody voyny. M., 1989. S. 102–104 (in Russian).
21. Postanovlenie Politbyuro ot 8 dekabrya 1942 g. (RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1046. L. 20, 21) (in Russian).
22. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 1050. L. 47, 48 (in Russian).
23. 24 iyunya 1941 g. byl sozdan Sovet po evakuatsii (RGASPI. F. 17. Op. 162. D. 36. L. 29), 22 iyunya 1942 g. – Komissiya po evakuatsii pri GKO (RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 40. L. 54) (in Russian).
24. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 21. L. 49 (in Russian).
25. Tam zhe. Op. 2. D. 454. L. 30–31 (in Russian).
26. Tam zhe. D. 533. L. 80–84 (in Russian).

27. Podrobnее ob etikh arkhivnykh fondakh sm.: Politbyuro TSK RKP(b) – VKP(b): Povestki dnya zasedaniy, 1919–1952: Katalog: V 3 t. / Redkol.: Adibekov G.M. (otv. red.) i dr. M., 2000–2001; Gosudarstvennyy komitet oborony SSSR. Postanovleniya i deyatel'nost'. 1941–1945 gg. / Sost. G.V. Gorskaya i dr. T. 1–2. M.: ROSSPEN, 2015 (in Russian).
28. RGASPI. F. 558. (I.V. Stalin), F. 82 (V.M. Molotov), F. 39 (A.I. Mikoyan), F. 83 (G.M. Malenkov). Lichnyy fond L.P. Berii, kotoryy igral zametnuyu rol' v gody voyny v kachestve chlena GKO, ne formirovalsya (in Russian).
29. Sm. sravnitel'nye issledovaniya o razvitiy gosudarstvennykh i voennykh sistem v protivoborstvuyushchikh lageryakh v gody Vtoroy mirovoy voyny: P. Liddle, J. Bourne, I. Whitehead, eds. The Great World War. 1914–1945. Vol. 1. London, 2000 (in Russian).
30. Sm. postanovlenie GKO SSSR ot 4 fevralya 1942 g. «Raspredelenie obyazannostey mezhdru chlenami Gosudarstvennogo komiteta oborony» (RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 20. L. 218, 219), a takzhe posleduyushchie resheniya GKO ob utochnenii i izmenenii obyazannostey chlenov GKO (Tam zhe. D. 21. L. 39, 94; D. 57. L. 161; D. 58. L. 79; D. 63. L. 162; D. 72. L. 165, 166; D. 129. L. 212) (in Russian).
31. RGASPI. F. 644. Op. 2; F. 17. Op. 163 (in Russian).
32. Voyna. 1941–1945. Vestnik arkhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. M., 2010; Voyna. 1941–1945. Vyp. 2. Vestnik arkhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. M., 2015; Lubyanka. Stalin i NKVD–NKGB–GUKR «Smersh». 1939–1946 / Sost. V.N. Khaustov i dr. M., 2006 (in Russian).
33. Russkiy arkhiv. Velikaya Otechestvennaya. Stavka VGK / Pod red. V.A. Zolotaryova. T. 16, Kn. 1–4. M., 1996–1999 (in Russian).
34. GARF. F. R-5446. Op. 25, 25a, 43, 43a, 44, 44a, 46, 46a, 47. V sostav desyatkov tysyach del etikh opisey vklyucheny takzhe arkhivy razlichnykh strukturnykh podrazdeleniy GKO SSSR i SNK SSSR (Komitet po evakuatsii, Transportnyy komitet i t.d.). Eto svyazano s tem, chto rabotu etikh podrazdeleniy s tekhnicheskoy tochki zreniya obsluzhival apparat SNK (in Russian).
35. GARF. F. R-5446. Op. 83s (sekretariat L.P. Berii); Op. 98s (sekretariat A.I. Mikoyana); Op. 81s (sekretariat K.E. Voroshilova) (in Russian).
36. Naprimer, Upravlenie kadrov TSK v gody voyny deystvovalo v kachestve apparata chlena GKO G.M. Malenkova. Znachitel'nyy kompleks dokumentov etogo Upravleniya (RGASPI. F. 17. Op. 127) sodержit informatsiyu ob operativnom rukovodstve temi otraslyami ekonomiki, kotorye kuriroval Malenkov, prezhde vsego aviatsionnoy promyshlennost'yu i metallurgiey (in Russian).

Л.А. ГЕРД*

Русский остров на православном Востоке: Афон в XIX – начале XX века

Афон занимает особое место в восточно-христианском мире. Русская обитель, созданная в XI в., переживала период своего наивысшего подъёма в XIX – начале XX в., когда монастырь официально получил статус «русского», а численность его насельников достигла 1800 человек. Глубокое почитание Св. Горы в России, дипломатическая поддержка русского посольства в Константинополе и обильный поток пожертвований способствовали расцвету «русского Афона». Комплексное систематическое изучение источников позволило заново написать историю этого уникального явления на Балканах.

Ключевые слова: Православный Восток, Балканы, история монашества, русский Афон, внешняя политика, Османская империя, Греция

Приняв от Византии христианство в X в., русский народ воспринял также глубокое уважение и почитание к святыням православия. Наряду со Святыми местами Палестины, таким местом традиционно считалась Св. Гора Афон. Ещё в Средние века на Афоне действовали монастыри всех православных народов: греков, сербов, болгар, грузин и русских. Афонский полуостров являлся своеобразной «монашеской республикой», в которой не было светского населения и, более того, туда запрещалось входить женщинам (фото 1).

Афон и политика на Балканах в Средние века и Новое время

Правители каждого православного государства покровительствовали монастырям, щедро одаривали их, а византийские императоры гарантировали неприкосновенность и даровали всевозможные привилегии. В конце XIV в. Афон вошёл в состав Османской империи; однако султаны сохранили его особый статус и даже освободили от налогов. К XIX в. на Афоне по-прежнему не было гражданского населения, а турецкое правительство представлял один чиновник-каймакам, который проживал в администра-

* **Герд Лора Александровна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель проекта «Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне в общественно-политической и научной жизни России XIX – начала XX в.» (14-01-00419а).
E-mail: loragerd@gmail.com

Фото 1. Св. Гора Афон. Монастырь Св. Пантелеимона

тивном центре полуострова — Карее [1]. Согласно 62 статье Берлинского трактата 1878 г., монахи пользовались покровительством правительств тех стран, выходцами из которых они являлись, через дипломатических представителей — посланника в Константинополе и консула в Салониках. Это давало России широкие возможности для влияния на афонские дела, ведь она являлась единственной великой православной державой. Афон, таким образом, становился важным звеном в восточных политических коллизиях.

Для России церковная составляющая была важнейшей частью внешней политики на Ближнем Востоке и Балканах. Корни этого явления следует искать в церковных контактах России и христианского Востока XVI–XVII вв., когда восточные церкви и монастыри получали щедрую материальную помощь от московских государей. Русские цари, в свою очередь, ощущали себя покровителями православия на Востоке, а Русское государство прочно заняло место единственного свободного православного царства. Так теория «Москва — Третий Рим», которая при

своём возникновении имела чисто теоретическое значение, к концу XVII в. обретает политическую окраску. Русско-турецкие войны петровского времени и особенно победоносные войны при Екатерине II в конце XVIII столетия привели к непосредственным контактам с христианским населением Османской империи. Высокий авторитет России в среде восточных христиан и надежды на политическое освобождение от османов, которые связывались с Россией, давали большие возможности для внедрения в самое сердце Османской империи и непосредственного влияния на внутренние дела государства. А потому неудивительно то исключительное внимание, которое российский МИД уделял церковным делам: документация по ним во много раз превосходит аналогичные источники в архивах Великобритании и Франции. Русские посланники, члены посольства и консулы на местах поддерживали постоянные интенсивные контакты с местным духовенством и были настоящими специалистами в вопросах, казалось бы, чисто внутрицерковного характера.

Возрождение Русского Афона в начале XIX в.

После долгого периода эпизодических нерегулярных контактов русского народа с Афоном, в конце XVIII – начале XIX в. русские снова начинают приходить на Св.Гору. Поначалу они селились в греческих монастырях, но вскоре начали образовывать свои собственные общины; были основаны Ильинский и Андреевский скиты, русским стал монастырь Св.Пантелеимона (фото 2). История русского Афона в Новое время – это история не только невидимого духовного подвига, который вряд ли может стать предметом научного исследования. Это также история русского присутствия на Балканском полуострове, сложных политических, национальных и конфессиональных отношений, история русского искусства за рубежом, научных исследований и русского паломничества.

До недавнего времени полноценное изучение русского Афона не было возможно по причине недоступности архивов, на-

ходящихся на Св. Горе. В последнее десятилетие, в ходе подготовки к 1000-летию юбилею русского монашества на Св. Горе, для исследователей впервые открылась возможность изучить богатейший архив монастыря Св. Пантелеимона. Немало документов по истории Афона и русской политики на Балканах было выявлено, введено в научный оборот и отчасти издано коллективом исследователей, работавших в течение последних 20 лет. Это документы отечественных собраний (Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге и Архива внешней политики Российской империи в Москве, личные фонды профессоров духовных академий и русских дипломатов, церковных и общественных деятелей); документы зарубежных архивов (МИД Сербии, Болгарии и Греции, архива Константинопольского патриархата). Среди них – дипломатические депеши, донесения и аналитические обзоры, донесения церковных представителей, описания паломничеств, мемуары

Фото 2. Монастырь Св. Пантелеимона

Фото 3. Пётр Иванович Севастьянов

и обширная переписка делового и частного характера. В результате изучения и систематизации этой россыпи из десятков и сотен документов постепенно сложилась целостная картина жизни самой большой компактной русской общины (около 4500 человек на всём Афонском полуострове в 1913 г.) в Восточном Средиземноморье [2].

Численность русских насельников Афона в XIX в. увеличивалась постепенно. В 1835 г. в Пантелеимонов монастырь прибыл князь-инок Аникита (Ширинский-Шихматов) с группой сподвижников. Спустя некоторое время ему пришлось покинуть монастырь, но впоследствии русская братия снова возвратилась в него [3]. В 1845 г. был основан Свято-Андреевский скит. Наряду с малороссийским Ильинским скитом и Пантелеимоновым монастырём он стал третьей русской обителью на Св.Горе. Большое значение для укрепления положения русских монахов имело

посещение великого князя Константина Николаевича в 1845 г.

С середины XIX в. Афон начинает привлекать русских учёных-исследователей христианского Востока. Ещё до Крымской войны совершил своё первое путешествие на Св.Гору архимандрит Порфирий Успенский, начальник первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме, один из основателей отечественной науки о христианских древностях. Он исследовал монастырские библиотеки, сделав в них немало открытий, и оставил подробное описание афонских монастырей на 1845 г. [4]. В конце 1850-х гг. он снова посетит Афон и проведёт там продолжительное время. В результате своих путешествий архимандрит собрал богатую коллекцию рукописей, которая сейчас является украшением отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, а также обширный историко-филологический материал, впоследствии использовавшийся им в научных работах.

В 1859–1860 гг. состоялась самая масштабная из научных экспедиций на Афон того времени под руководством П.И. Севастьянова. Он был одним из первых, кто систематически фотографировал памятники древности Св.Горы — как архитектурные, изобразительные, так и рукописные собрания. В изучении рукописей ему помогал настоятель русской церкви в Афинах архимандрит Антонин Капустин, который провёл на Афоне несколько месяцев летом и осенью 1859 г. Итогом экспедиции Севастьянова явилась грандиозная выставка фотографий, рисунков и подлинных предметов, представленная в Москве и Петербурге и произведшая большое впечатление на русское образованное общество [5] (фото 3).

Период расцвета: вторая половина XIX – начало XX в.

Крымская война 1853–1856 гг., нанёсшая, пожалуй, непоправимый удар русскому авторитету и влиянию на право-

славном Востоке, мало затронула русское монашество Афона. Желаящие принять там монашеский постриг продолжали прибывать, привлекая щедрые пожертвования со своей родины. Новая эпоха в истории русского Афона началась в 1860-е гг. при духовнике о.Иерониме и игумене Макарии (Сушкине). Купеческий сын о. Макарий (фото 4) вскоре принял управление монастырём, и на этом месте проявил незаурядные качества духовного руководителя и администратора. Его братья жертвовали на обитель большие суммы денег, на которые построились церкви жилые и корпуса [6].

Вторая половина XIX в. — это эпоха стремительного роста национально-освободительных движений на Балканах и крайнего обострения националистических настроений [7]. Правительство Александра II взяло курс на поддержку славян на Балканском полуострове, и тем самым славянофильство перешло в сферу политики, получив название панславизма. В то же время в 1860-е гг. дальнейшее развитие получил греко-болгарский церковный вопрос. Начавшись с вполне умеренных требований национальной иерархии и богослужения на славянском языке, он привёл к требованию церковной автономии и полному отказу от повиновения Константинопольской патриархии. В перспективе это должно было привести к политическому отделению болгарских земель от Османской империи. Россию как покровительницу болгар греки воспринимали весьма болезненно [8].

Все эти проблемы не замедлили сказаться на жизни афонского монашества. В Пантелеимоновом монастыре начались конфликты между русской и греческой братией, которые привели к судебному процессу в патриархии в 1873 г. Русским послом в Константинополе в то время был Николай Павлович Игнатъев, выдающийся дипломат и деятель на Востоке. За год до пантелеимоновского процесса в Константинополе состоялся собор, на котором была провозглашена болгарская схизма: образованная в 1870 г. Болгарская

Фото 4. Игумен схиархимандрит Макарий (Сушкин)

экзархия объявлялась собором из греческих иерархов раскольнической церкви, и каноническое общение между церквами прекратилось. Схизма была крайне неудобна для русской политики на Балканах, так как Россия лишалась возможности открыто действовать через посредство традиционного инструмента воздействия — церковь. Игнатъеву удалось добиться смещения патриарха Анфима VI и поставить на его место более заинтересованного в дружбе с Россией Иоакима II. В результате дипломатического давления на Иоакима пантелеимоновский процесс был решен в пользу русских, и монастырь был официально объявлен русским [9].

С 1873 г. начался период наивысшего расцвета русского монашества на Афоне. Численность монахов в Пантелеимоновом монастыре достигала 2000 человек, он владел судами, осуществлял боль-

шую хозяйственную деятельность. Большого благополучия достигли Андреевский и Ильинский скиты. Русские монахи жили также в многочисленных келлиях, принадлежащих греческим монастырям, и превращали их в благоустроенные обители, нередко превышающие по численности и ресурсам господствующий монастырь. Немало русских иноков проживало в каливах, т.е. отдельных хижинах, находившихся в труднодоступных уединённых местах.

Согласно донесениям русских, греческих, болгарских и сербских дипломатов в конце XIX – начале XX в. обрусение Афона происходило стремительно. Несмотря на всевозможные запреты, которые исходили от греческих духовных властей, и на тянущиеся десятилетиями судебные процессы с греческими монастырями, русские обители росли и умножились [10, с. 21–102]. Постепенно русским на Афоне становилось тесно, и наиболее предприимчивые монахи начали основывать подворья за пределами Св. Горы. Эта непростая задача решалась путём временного поселения в запустевшие монастыри. Так, в начале XX в. около 20 русских монахов освоили историческую святыню сербского народа, Дечанский монастырь, где проживали вплоть до 1916 г. В Ливане русские монахи купили у местных церковных властей монастырь Шуайя; в Палестине — заброшенную лавру Св. Харитона Исповедника [Там же, с. 103–114]. Русские афонские монастыри имели подворья в Константинополе и южнорусских городах, а также в Москве и Петербурге. Усилиями афонских монахов были основаны два монастыря на Кавказе — Новоафонский и Второафонский [11].

Такой бурный расцвет русского монашества стал возможен благодаря непрерывным пожертвованиям из России. Почтение русского народа к этой святыне православия было необыкновенно велико. Из многих тысяч русских паломников, ежегодно направлявшихся в Палестину,

значительное число посещало и Св. Гору Афон, а некоторые даже оставались там в качестве послушников; многие охотно жертвовали средства, даже никогда не бывав там лично [12].

Часто можно встретить мнение, что подъём и укрепление русского Афона являлись составными частями геополитических проектов России на Балканах и Ближнем Востоке. Однако внимательное изучение архивных документов приводит нас к обратному выводу. Русские дипломаты и даже выдающиеся церковные деятели, такие как Московский митрополит Филарет (Дроздов), напротив, неоднократно высказывали сомнения в целесообразности оттока русских денег за границу. Особенно сомнительным казалось вложение русских денег в строительство келлий, которые уже в силу своего положения не являлись русским учреждением (официально они лишь арендовывались старцем-настоятелем у главного греческого монастыря). Много сложностей доставляли русские афонцы своими непрерывными конфликтами с греками и судебными процессами с ними. Тем не менее, святогорское русское монашество было тем мощным оплотом русского присутствия на православном Востоке, равным которому, несмотря на все усилия, не удалось создать ни в Палестине, ни в каком-либо другом регионе Османской империи.

Монастырь Св. Пантелеимона как научно-исследовательский центр

Отдельную страницу в истории русского Афона второй половины XIX – начала XX в. представляет его научно-просветительская деятельность. На протяжении нескольких десятилетий усилиями учёных библиотекарей Азария и Матфея (фото 5) приобретались и изучались древние рукописи и книги. В ходе борьбы русских монахов с греками были подготовлены к изданию и опубликованы акты монастыря Св. Пантелеимона.

Фото 5. Библиотекарь схимонах Матфей (Ольшанский)

Многочисленные учёные-византинисты и слависты, приезжавшие для научных разысканий на Св. Гору, неизменно пользовались поддержкой и помощью о. Матфея, который подбирал для них рукописи и содействовал в заказе копий с рукописей из других монастырей. В числе таких учёных можно упомянуть П.А.Лаврова, В.Н.Бенешевича, И.С.Пальмова, А.И.Пападопуло-Керамевса. Особо близкие отношения связывали Матфея с А.А.Дмитриевским, специалистом по истории православного богослужения. Их переписка, полностью сохранившаяся и недавно изданная, позволяет проследить процесс работы «творческой лаборатории» создания и исправления текстов Дмитриевского. Сам о. Матфей ничего не публиковал и не писал; однако его колоссальная эрудиция и глубокое знание рукописной и старопечатной книги позволяли ему порой выступать в роли мэтра и наставника даже

знаменитых профессоров. Большую роль сыграл о. Матфей в создании «Греческой библиографии» французского византиниста греческого происхождения Эмиля Леграна; помогал он Спиридону Ламбросу в составлении каталога греческих рукописей Афона; содействовал исследованиям знаменитого историка византийского искусства Г.Милле. Советами Матфея пользовался ассомпционист Луи Пети. Сотни листов рукописей были скопированы по заказу о. Матфея проживавшим на о. Патмос бывшим митрополитом Пелусийским Амфилохием – человеком, который в 1860-е гг. играл заметную роль в церковной жизни Александрийского патриархата, представляя русофильское крыло в среде иерархов [13].

Кроме научных разысканий, Пантелеимоновский монастырь занимался изданием душеполезных назидательных книг и брошюр, которые распространялись среди русских паломников на Афоне и в России.

Кризис, упадок и новое возрождение

XX век не принёс умиротворения Балканам; напротив, политическая ситуация еще более обострилась в преддверии решения восточного вопроса [10, с. 101–158]. Яблоком раздора служила Македония – плодородная провинция, населённая греками и славянами. Церковный раздел Македонии был прообразом будущего разделения политического. В течение 20 лет в Европейской Турции непрерывно шла партизанская борьба между греческими и болгарскими отрядами, сопровождавшаяся опустошением деревень, грабежами и убийствами. Русские монахи Афона, особенно келлиоты, также неоднократно подвергались опасности ограбления. В ноябре 1912 г., в ходе Первой Балканской войны, греческие войска вступили на Афонский полуостров и официально объявили о его освобождении и присоединении к Греческому королевству. Такое решение

представлялось для России и русских монахов крайне неприемлемым: ведь в составе Османской империи русское афонское население пользовалось непосредственным покровительством русской дипломатии. Теперь же оно оставалось беззащитным перед враждебным ему греческим управлением Св. Горы. В конце 1912 – первой половине 1913 г. шли непрерывные переговоры о будущем статусе Афона. Русское правительство настаивало на интернационализации Св. Горы под коллективным покровительством шести православных государств во главе с Россией. К моменту начала Первой мировой войны вопрос так и остался нерешённым, свою актуальность он утратил только после революции 1917 г., когда новое правительство России исключило церковную составляющую из своей внешней политики.

Упадок русского монашества на Афоне начался ещё в 1913 г. вследствие церковного движения имяславцев – течения духовного характера, расколовшего рус-

ское афонское монашество. Русская дипломатия приняла сторону противников имяславия, и летом 1913 г. более 600 монахов депортировали со Св. Горы и вывезли в Россию. Следующим ударом стал призыв в армию молодых послушников в 1914 г. Наконец, во время войны прекратился поток пожертвований из России и были нарушены хозяйственные связи афонских обитателей.

В 1917 г. в монастырях начался голод. После окончания войны, с прекращением контактов Афона с Россией, упадок шёл весьма быстро: не прибывали новые монахи, не поступали средства. К началу 1960-х гг. встал вопрос о том, будет ли русский Афон существовать в будущем. Возрождение русского афонского монашества и оценка значения истории Афона для России начались в 1990-е гг. Благодаря приходу новых иноков и увеличению внимания российского общества и правительства к этой исторической святыне православия наступил период нового подъёма и расцвета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Παλαχρυσάνθου Δ. Η διοίκηση του Αγίου Όρους (1600–1927). Αθήνα, 1999.
2. К 1000-летию юбилею Свято-Пантелеимонова монастыря на основе новых архивных материалов написан коллективный труд: История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). Св. Пантелеимонов монастырь, 2015.
3. Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009.
4. Порфирий (Успенский), еп. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского в 1845 году. Киев, 1877.
5. Пивоварова Н.В. Ещё раз об афонских экспедициях П.И. Севастьянова // Spicilegium Byzantino-Rossicum: Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И.П. Медведева / Под ред. Л.А. Герд. М., 2015. С. 231–245; Архимандрит Антонин Капустин. Заметки поклонника Святой Горы. М., 2014.
6. История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). С. 321–365.
7. Петрунина О.Е. Общая ситуация на Православном Востоке после Крымской войны // История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). С. 273–278.
8. Маркова З. Българската Екзархия. 1870–1879. София, 1989; Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 225–308.

9. Вах К.А., Герд Л.А. Пантелеимонов монастырь в эпоху дипломатической деятельности графа Н.П. Игнатьева 1864–1878 годы // История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). С. 321–368.
10. Герд Л.А. Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010.
11. Игумен Пётр (Пиголь), Шкаровский М.В. История подворий монастыря // История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). С. 549–666.
12. Шкаровский М. В. Ктиторы, благотворители и жертвователи монастыря // История русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5). С. 759–796.
13. См. издание переписки о. Матфея: Переписка библиотекаря русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учёными востоковедами России и других стран (серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 11). Св. Пантелеимонов монастырь, 2015.

ENGLISH

A Russian Island in the Orthodox East: Mount Athos in the 19th – early 20th Centuries

Lora Aleksandrovna Gerd is Dr. Hab. of History, leading researcher of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Chief of project “Russian St. Panteleimon Monastery on Mt. Athos in the Social, Political and Scientific Life in Russia in the 19th – Early 20th Centuries”. (14-01-00419a).
E-mail: loragerd@gmail.com

Mount Athos holds a special place in the East Christian world. The Russian monastery founded in the 11th century experienced its height in the 19th – early 20th centuries, when it received an official title “Russian” and its brethren numbered up to 1800 people. The deep respect towards the Holy Mount in Russia, the diplomatic support from the Russian Embassy at Constantinople and the rich donations contributed to the prosperity of “Russian Athos”. The systematic indepth study of the sources made it possible to rewrite the history of this unique phenomenon on the Balkans.

Keywords: Orthodox East, the Balkans, history of monasticism, Russian Athos, foreign policy, Ottoman Empire, Greece

REFERENCES

1. Παλαχρυσάνθου Δ. Η διοίκηση του Αγίου Όρους (1600–1927). Αθήνα, 1999.
2. К 1000-letnemu yubileyu Svyato-Panteleimonova monastyrya na osnove novykh arkhivnykh materialov napisan kollektivnyy trud: Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». Т. 5). Sv. Panteleimono monastyr', 2015 (in Russian).
3. Puteshestvie ieromonakha Anikity po svyatyam mestam Vostoka v 1834–1836 godakh. М., 2009 (in Russian).
4. Porfiriyy (Uspenskiyy), ep. Pervoe puteshestvie v afonskie monastyri i skity arkhimandrita, nyne episkopa Porfiriya Uspenskogo v 1845 godu. Kiev, 1877 (in Russian).

5. Pivovarova N.V. Eshchyo raz ob afonskikh ekspeditsiyakh P.I. Sevast'yanova // Spicilegium Byzantino-Rossicum: Sbornik statey k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN I.P. Medvedeva / Pod red. L.A. Gerd. M., 2015. S. 231–245; Arkhimandrit Antonin Kapustin. Zametki poklonnika Svyatoy Gory. M., 2014 (in Russian).
6. Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 5). S. 321–365 (in Russian).
7. Petrunina O.E. Obshchaya situatsiya na Pravoslavnom Vostoke posle Krymskoy voyny // Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 5). S. 273–278 (in Russian).
8. Markova Z. B'lgarskata Ekzarkhiya. 1870–1879. Sofiya, 1989; Gerd L.A. Konstantinopol' i Peterburg: tserkovnaya politika Rossii na Pravoslavnom Vostoke (1878–1898). M., 2006. S. 225–308 (in Russian).
9. Vakh K.A., Gerd L.A. Panteleimonov monastyr' v epokhu diplomaticheskoy deyatel'nosti grafa N.P. Ignat'eva 1864–1878 gody // Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 5). S. 321–368 (in Russian).
10. Gerd L.A. Russkiy Afon 1878–1914 gg. Ocherki tserkovno-politicheskoy istorii. M., 2010 (in Russian).
11. Igumen Pyotr (Pigol'), Shkarovskiy M.V. Istoriya podvoriy monastyrya // Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 5). S. 549–666 (in Russian).
12. Shkarovskiy M. V. Ktitory, blagotvoriteli i zhertvovateli monastyrya // Istoriya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 5). S. 759–796 (in Russian).
13. Sm. izdanie perezpiski o. Matfeya: Perekpiska bibliotekarya russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone ottsa Matfeya s uchyonymi vostokovedami Rossii i drugikh stran (seriya «Russkiy Afon XIX–XX vv.». T. 11). Sv. Panteleimonov monastyr', 2015 (in Russian).

Э.Е. КОРМЫШЕВА*

Диахронические тенденции в развитии древних цивилизаций долины Нила

Диахронические тенденции в социоэкономическом и культурном развитии обществ долины Нила выявлены на материале некрополя Гизы (III тыс. до н.э.) и поселения Абу Эртейлы (I в. н.э.). Исследование позволило проследить типологическое сходство в эволюции изучаемых обществ в культурном и историческом контекстах.

Основные направления исследования — эпиграфика, иконография, социальная история, материальная культура.

Многие ранее неизвестные памятники, открытые российскими археологами, впервые введены в научный оборот. Создана основа для изучения долины Нила как контактной зоны между Средиземноморским миром и Африкой.

Ключевые слова: древний Египет, Гиза, погребения, ритуал, эпиграфика, архитектура, керамика, чиновничество, храм, Нубия, Абу Эртейла, Мероэ

Настоящая статья базируется на данных, полученных в результате раскопок Российской археологической экспедиции в Гизе (ил. 1–3, руководитель Э.Е.Кормышева) и раскопок совместной российско-итальянской археологической экспедиции в Абу Эртейле (Судан, ил. 4, 5, содиректоры Э.Е.Кормышева и Е.Фантусати). Выявленные в ходе работ диахронические тенденции в социально-экономическом и культурном развитии обществ древнего Египта и Мероэ (древнего города на территории современного Судана) позволяют проследить типологически сходные черты эволюции общест-

венных систем и религиозной жизни древних и раннесредневековых обществ долины Нила.

Сложная структура изучаемого культурно-исторического пространства вызывала множественные конфликты между традицией и инновациями в жизни древнего населения. Изучение диахронических тенденций дало возможность глубже понять логику становления древних обществ долины Нила, создать модель процессов их развития и трансляции в современном мире.

Диахрония в древнеегипетском языке была прослежена, в частности, на примере текста стелы, найденной в Гизе

* **Кормышева Элеонора Ефимовна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель проекта «Диахронические тенденции в развитии цивилизаций долины Нила» (14-01-00476а).
E-mail: eleonora45@mail.ru

(ил. 6). Исследование позволило установить особенности начертания слов, выделить типичные признаки для более раннего периода (IV–V династии) и для конца Древнего царства (VI династия). Сравнительный анализ состава жертвоприношений найденной стелы древнеегипетского чиновника, имевшего титул «величайший юга», позволил значительно понизить дату начертания слова «ткань». Обнаруженный палеографический вариант до настоящего времени относили к I Переходному периоду и даже к Среднему царству. Однако особенности написания слов, фиксируемых на данной стеле, и археологический контекст свидетельствуют в пользу составления надписи в конце Древнего царства [1].

Благодаря изучению эпиграфического материала из Гизы, палеографических особенностей надписей из гробниц Ченти II (GE 12) и Хуфухотепа (GE 15, ил. 7), а также анализу формуляров, аналогий для стандартных формул и редких ва-

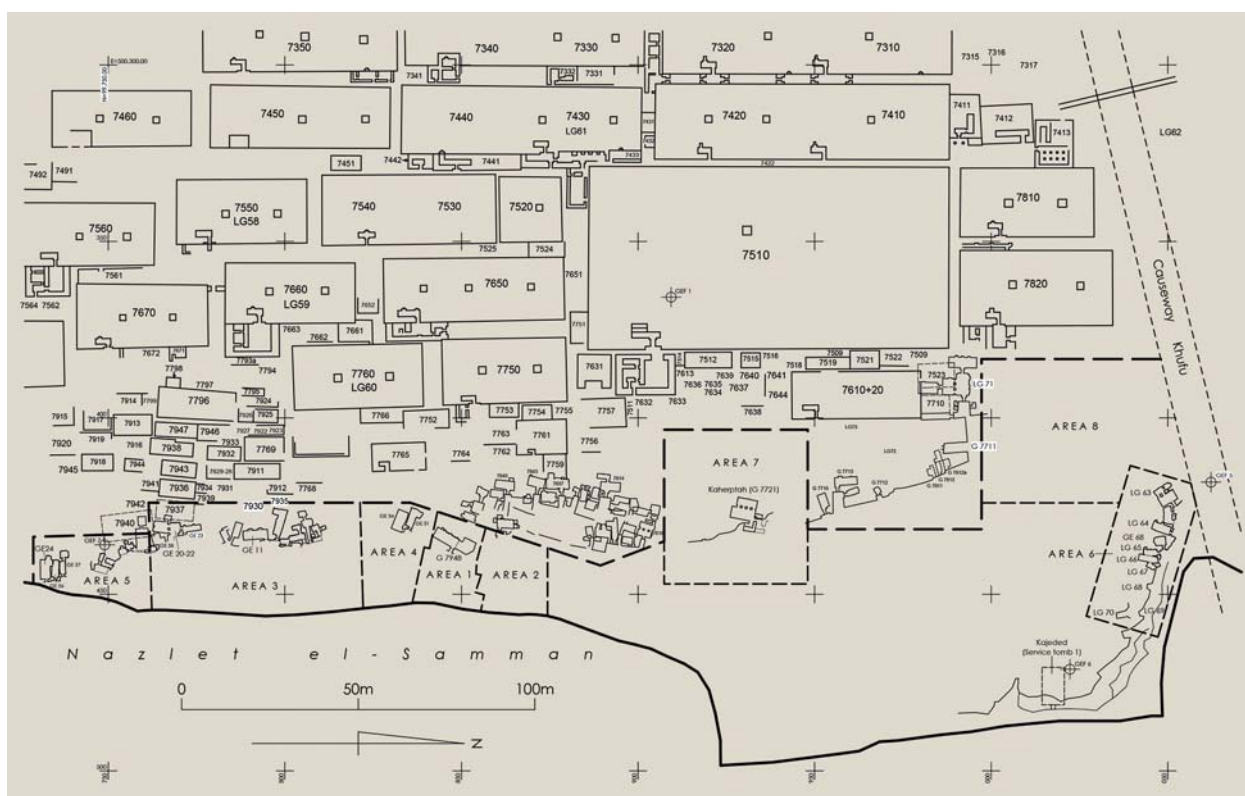
риантов слов удалось выявить уникальную формулу завещания и установить, что гробница Ченти II оформлялась в два этапа. Первый был связан с жизнью самого Ченти, а второй — с деятельностью его старшего сына [2, р. 24–36].

Исследованная и восстановленная надпись из гробницы Персенеба в Гизе дала возможность выявить отмечавшийся в Гизе «Праздник Хуфу». Полученные данные демонстрируют диахронические тенденции в становлении и развитии праздников некрополя в честь обожествлённых египетских царей [3, с. 136–138].

Изучение диахронических тенденций, отражённых в тексте на египетском языке в храме Абу Эртейлы, привело к новым выводам о формировании нубийского диалекта древнеегипетского языка. Полученные данные значительно дополняют раннее исследование [4] в плане палеографии и эволюции отдельных иероглифов. Накопленный эпиграфический материал позволил констатировать возврат

Ил. 1. Археологическая разведка участка Российской концессии в Гизе с помощью георадарного устройства

Ил. 2. План территории концессии Российской археологической экспедиции в Гизе.

Выполнен С.В. Ветоховым

к старым традициям и намеренную архаизацию словоформ.

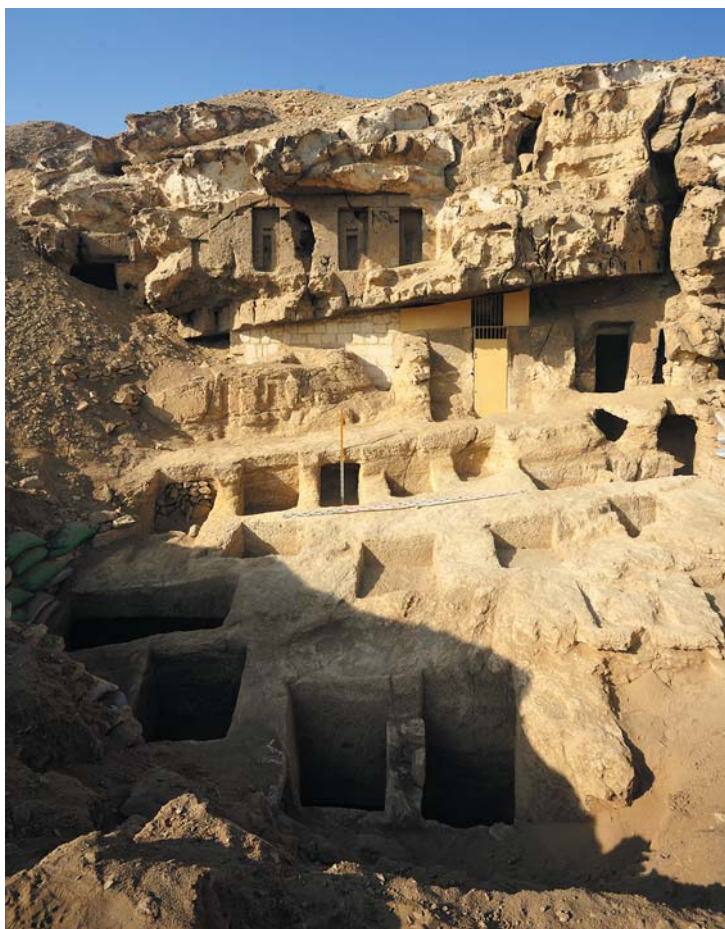
Материал из Абу Эртейлы [5, р. 80–86] стал новым эпиграфическим источником, свидетельствующим о египетско-нубийском синкретизме и локальных традициях. Надписи, сохранившиеся на алтаре (ил. 8) и подставке под священную барку храма Натакамани в Абу Эртейле (ил. 9), показали типологическое сходство с ритуалами храмов Мероэ и Египта греко-римского времени, восходящих к эпохе Нового царства (середина II тыс. до н.э.). Изменения касаются способов воплощения образов членов царской семьи и их персонификации в виде божественных персонажей четырёх опор неба [6, с. 112–115].

Изучение царских титулов на этом же памятнике продемонстрировало наличие диахронических тенденций в выявленных новых элементах развивающегося языка. Это относится, например, к начертанию слова «царь», которое не имеет аналога или параллелей. В частности,

использовался характерный для греко-римской эпохи знак царского достоинства, который сосуществовал с традиционным знаком и старой египетской формулой «царь Обеих Земель», которая потеряла своё изначальное семантическое значение, но сохранилась как элитарный элемент в языке. Возврат к старым словоформам свидетельствует о намеренной архаизации и сохранении многовековых традиций устойчивых словоформ.

Специфические детерминативы зафиксированы также в написании слова «трон». Установлено сходство начертаний слов в Абу Эртейле и Эдфу (Египет). Такое сходство очевидно и по типичному написанию имени Исиды, которое встречается в Эдфу, а также и в некоторых других храмах Египта греко-римского времени [6, с. 100].

Словосочетание «Великое место» с семантически идентичным именем Исиды в тексте на подставке из Абу Эртейлы восходит к обозначению Исиды в Тек-

Ил. 3. Южный сектор раскопок Российской археологической экспедиции в Гизе. Фото С.В. Ветохова

стах Пирамид. Диахронические тенденции развития данного словосочетания позволили установить, что первоначально термин относился к месту, где мог находиться царь или бог, но позднее обозначал пьедестал, на котором располагалась барка [7, p. 948–949]. Достаточное число примеров свидетельствует об употреблении этого словосочетания для обозначения святилища или даже всего храма. Широкое употребление данной фразеологии [8, S. 118, 206–207] позволяет с уверенностью говорить о существовании культа Исиды, который, несомненно, практиковался в храме Абу Эртейлы.

Исследование фразеологической конструкции формулы установления *jrj.n.f* (*Stiftungsformel*) [9, S. 47] также подтвердило наличие диахронии. Первое появление данной фразы засвидетельствовано в египетском языке при IV династии

и существовало в египетской эпиграфике до Позднего периода. Действия, вводимые данной фразой, предпринимались с целью одарения субъекта жизнью, что полностью находит подтверждение в рассматриваемой надписи из Абу Эртейлы. Грамматический вариант, зафиксированный в найденной надписи *irj.t.n.f*, достаточно часто встречается в подобных фразах начиная с времени Древнего царства, много примеров эпохи Рамессидов, варианты написания которых служили моделью надписей в Нубии.

Специфика языка, формы и археологического контекста исследуемых памятников позволила выделить оригинальные особенности нубийского варианта ритуала *tw3 pt* — «поднятие неба». Так, построение надписи из Абу Эртейлы указывает на функции богинь как символов опоры неба. Соответственно содержание текста из Абу Эртейлы заключается в констатации ритуала *tw3 pt*,

который был исполнен для царской семьи: царя Натакамани, принца Аманиторе и одного из их наследников — Соркарора. Здесь выявляется диахроническая тенденция позднего времени, когда на подставках изображались только персонифицированные небесные подпорки, которые обращались с речью к богу [6, с. 114–116].

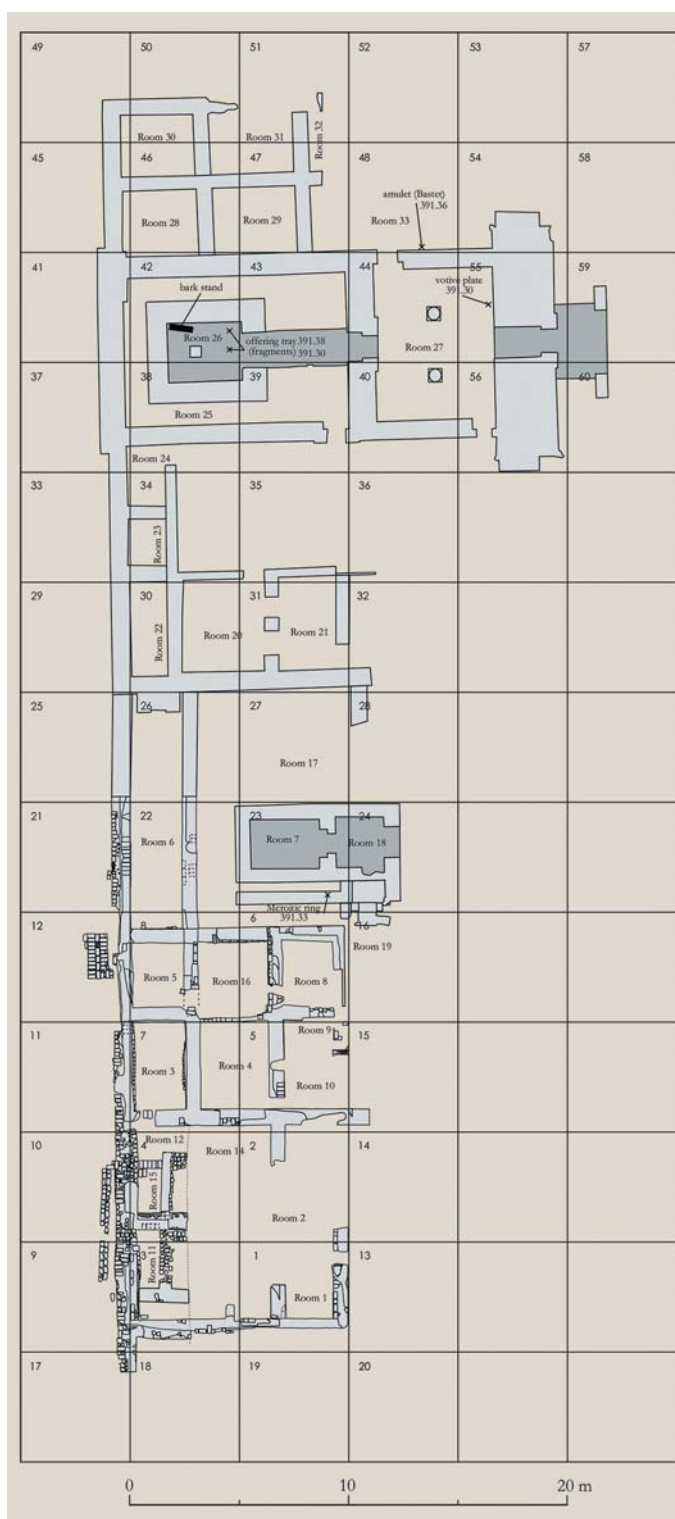
Взамен произведённого действия царь наделяется жизнью по принципу *do ut des* (в переводе с лат. — *даю, чтобы ты дал*), через образы богинь, которые, обращаясь к Исиде, одной из самых значимых богинь Древнего Египта, произносят слова за царственную семью и как вознаграждение за построенный памятник.

В надписи удалось впервые зафиксировать египетский вариант начертания имени царского наследника, будущего царя Мероэ — Соркарора. Исследование палеографии позволило выявить диахро-

ническую тенденцию в употреблении знака, впервые встречающегося в египетской эпиграфике Мероз, восстановить его первоначальное фонетическое значение и проследить трансформацию [10, p. 235, 350, § 634 (с)]. Исследование надписи позволило установить, что первый иероглиф в картуше в его палеографическом варианте соответствует знаку Aa18 по системе А.Гардинера [11, p. 542, sign list Aa18] с фонетическим значением *s*, начиная с XVIII династии, соответственно в Абу Эртейле наблюдается возрождение традиции. Отмеченная особенность подтверждает общую тенденцию утраты слабого согласного, характерную для греко-римского времени, соответственно имя наследника в египетской эпиграфике передано через *s* и читается Соркароп.

Исследование социальной структуры египетского общества показало важность таких факторов, как патронаж, неформальные связи, близость к царю и двору. Как свидетельствуют источники, границы между «частным» и «публичным» в древних обществах были менее чёткими, нежели в известных более поздних обществах. Изменение характера древнеегипетской экспедиционной активности в Нубии вело к изменениям в существовавшей экспедиционной инфраструктуре [Лебедев с. 87–88, 177–180 – № 12]. Переход от прямой эксплуатации богатств Нубии в эпоху раннего Древнего царства к торговле и военным рейдам в эпоху позднего Древнего царства объяснялся изменением политического и этнического ландшафта Нижней Нубии, развитием социальных и политических структур египетского общества.

Комплексное изучение погребальных обрядов в центральной части Абу Эртейлы выявило трансформацию тенденций погребений в связи с изменяющимся ми-

Ил. 4. План раскопанной зоны в Абу Эртейле.
Выполнен М.А. Лебедевым

ровоззрением местного населения. Смена нескольких поколений и миграции этносов оказали решающее влияние на погребальный обряд. Исследование переиспользования в позднюю эпоху более

Ил. 5. План храма Натакамани в Абу Эртейле (3D). Выполнен М.А. Лебедевым

ранних памятников и способов захоронения через диахронический маркер дало возможность датировки и выделения культурных срезов обществ различных периодов. Важность исследования заключается также в том, что погребения Абу Эртейлы (ил. 10) отражают культурные традиции, бытовавшие в эпоху Средневековья на пограничной территории меж-

ду двумя государствами Судана — Макурией и Алвой.

Анализ архитектурных особенностей гробниц GE 12, GE 15, GE 17, GE 18, GE 47–49, находящихся на территории российской концессии, сделал возможным восстановление истории преобразования погребального и монументального ландшафта Восточного некрополя Гизы. По-

лученные выводы позволяют утверждать, что заполнение Восточного плато новыми погребальными комплексами производилось в соответствии с кластерным принципом, когда вблизи крупных гробниц-ядер [13, с. 246–248] группировались более поздние и более скромные погребальные комплексы. Полученные результаты свидетельствуют об эволюции погребальной архитектуры, логике расположения разновременных погребений и планировании некрополя, связи формы и расположения гробниц с социальным статусом погребённых.

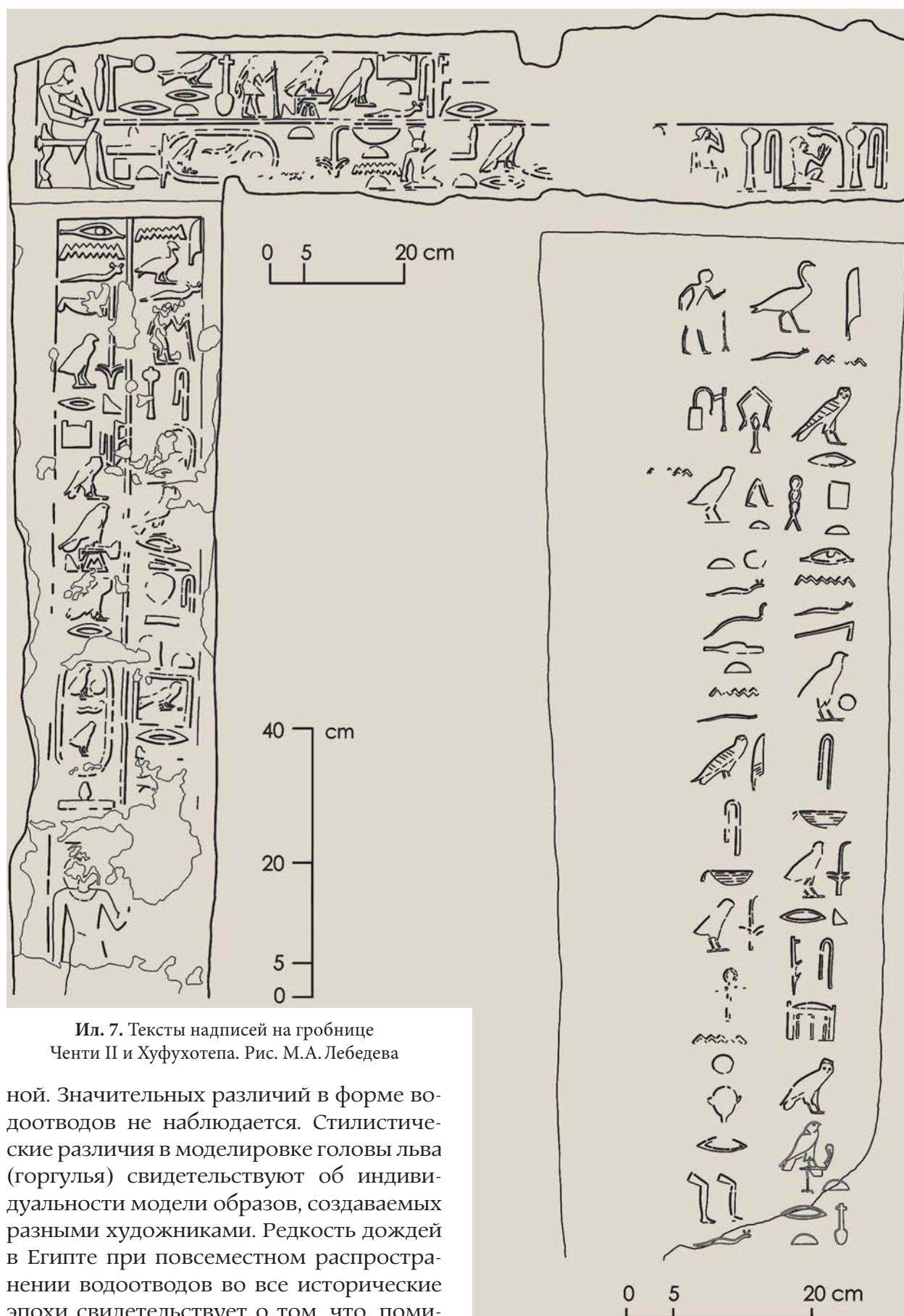
Анализ древнеегипетского погребального обряда второй половины Древнего царства (XXIII–XXI вв. до н.э.) дал свидетельства ингуляции на левом боку, головой на север, лицом на восток, при котором поза погребённого варьировалась от эмбриональной до полускорченной и вытянутой. В ряде случаев фиксируется подсыпка чистого песка под место труположения, указывающего на архаичность обряда, свидетельства которого имеются в Текстах Пирамид. В погребальном инвентаре было отмечено использование определённого набора керамических форм. Присутствовали также бытовые сосуды с так называемым ложным содержанием, что даёт новые данные о символизме древнеегипетского погребального обряда в III тыс. до н.э. [14, с. 123–125].

Исследование мероитского гончарства на материале из раскопок в Абу Эртейле позволило выделить этапы бытования отдельных морфологических типов керамики, наличие локальных традиций, а также египетских и эллинистических черт, которые в соответствии с историей региона в процессе развития испытывали иноземное влияние [16].

Исследование системы водостоков, найденных в Абу Эртейле, показало сходство этих сооружений с использовавшимися в Древнем Египте средствами защиты от дождевых вод и сбора воды для нужд храмового культа. Технологическая основа системы оставалась в целом неизмен-

Ил. 6. Верхняя и нижняя части стелы из Гизы.
Фото М.А. Лебедева

Ил. 7. Тексты надписей на гробнице Ченти II и Хуфухотепа. Рис. М.А. Лебедева

ной. Значительных различий в форме водоотводов не наблюдается. Стилистические различия в моделировке головы льва (горгулья) свидетельствуют об индивидуальности модели образов, создаваемых разными художниками. Редкость дождей в Египте при повсеместном распространении водоотводов во все исторические эпохи свидетельствует о том, что, поми-

Ил. 8. Алтарь храма Натакамани.
Фото М.А. Лебедева

мо выполнения основных функций, большое значение придавалось религиозным представлениям о льве как о защитнике от бурного водного потока, который считался носителем хаоса и беспорядка [15].

Одно из интереснейших направлений в изучении восприятия древними египтянами своего исторического опыта и прошлого своей культуры даёт материал восточного некрополя Гизы, где прослежена Саисская активность, связанная с переиспользованием гробниц Древнего царства.

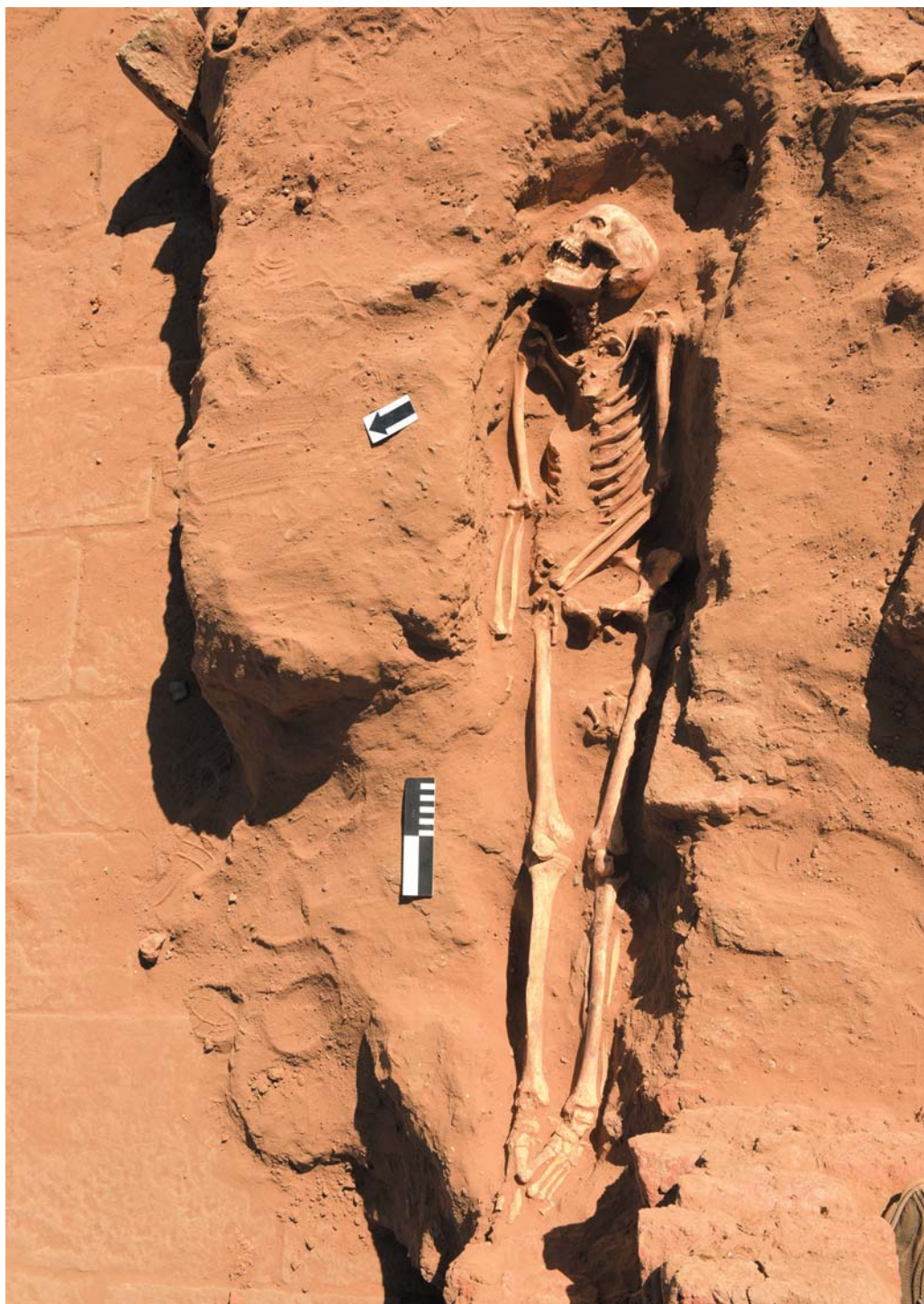
Учитывая диахронические тенденции в развитии иконографии гробничных изображений, удалось восстановить уникальную роспись Древнего царства, обнаруженную в гробнице Персенеба. После расчистки росписи от копоти выяснилось, что её северная часть была отведена под сцену охоты в тростниках. Центральная часть росписи была посвящена сельскохозяйственным сценам. Южную часть росписи занимали фигуры хозяина гробницы и его жены (ил. 11). Выявленные диахронические тенденции в социально-экономическом и культурном развитии обществ Северной

Африки на основе исследования материалов некрополя Гизы (III тыс. до н.э.) и Абу Эртейлы (I в. нашей эры) в общекультурном и историческом контекстах позволили увидеть типологически сходные черты в эволюции систем исследуемых обществ.

На базе проведённых исследований были определены некоторые маркеры функционирования эволюционных процессов древних обществ, основных этапов и тенденций их развития, сходных типологических форм в развитии исследованных обществ, а также возможности ин-

Ил. 9. Подставка под священную барку из храма Натакамани.
Фото М.А. Лебедева

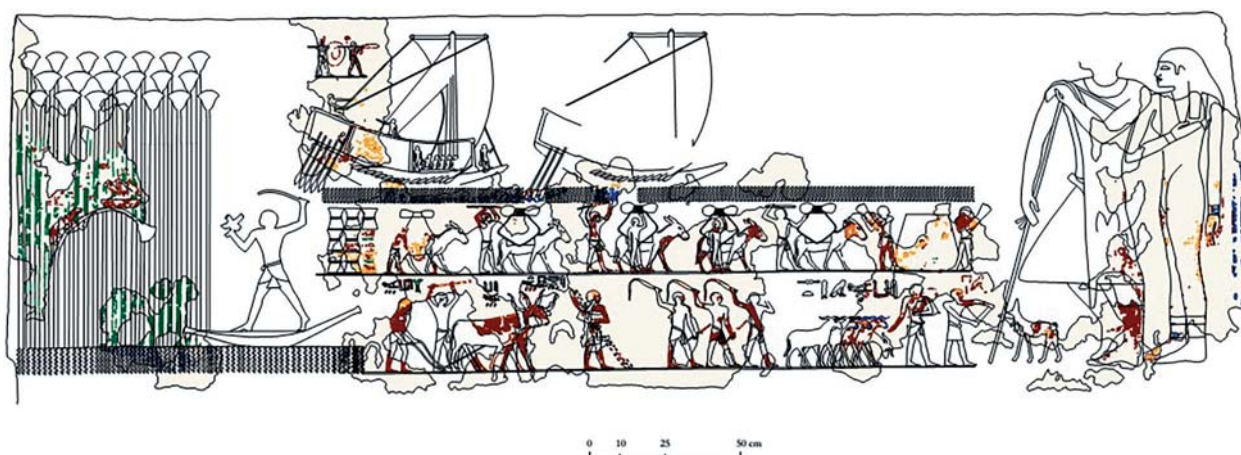

Ил. 10. Погребение в Абу Эртейле.
Фото М.А. Лебедева

терполяции эволюционных тенденций и использование типологических данных для выявления универсальности диахронических тенденций. Факторы типологического характера оказывали влияние на структурные и системные явления в диахронических процессах, выявлен-

ных при исследовании проблем языка, социальной истории, иконографии, религии, материальной культуры древнего Египта и Мероэ.

Начиная с глубокой древности регион Нильской долины и прилегающие к нему пустынные области являлись местом кон-

Ил. 11. Восстановленная и реконструированная роспись в гробнице Персенеба (Гиза)

тактов цивилизаций, формируя историко-культурную область, народы которой были тесно связаны между собой общностью этногенеза и исторических судеб, особенностями хода исторического процесса, экономическим и культурным обменом. Важнейшие торговые пути древности – Нил и Красное море – создали основу для взаимодействия народов, населявших регион [17, с. 421–423].

Исследование накопленного эпиграфического и археологического материала в рамках проекта позволило также внести вклад в проблему изучения древнеегипетского мировоззрения: в развитие способов мумификации при сохранении традиций предшествующих эпох, характер поминального культа и время его функционирования, представления о потустороннем мире и обитании предков.

В результате исследования получены новые данные о закономерностях развития диахронических процессов, про-

текавших в культуре древних обществ долины Нила. В научный оборот введены многие ранее неизвестные памятники, открытые российскими археологами в Египте и Судане. Полученный и исследованный археологический материал позволил создать типологию археологических комплексов, а также определить стадии существования памятников в III тыс. до н.э. – I тыс. н.э., исследовать проблемы египетско-нубийского религиозно-синкретизма и царской идеологии в Египте и Мероэ, проблемы историко-культурного развития и взаимодействия стран Нильского региона в Древности и раннем Средневековье, организацию культа, становление государственной администрации и идеологии. Одним из таких будущих научных направлений видится дальнейшая разработка тезиса о роли Нильской долины как контактной зоны между Средиземноморским миром и Африкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кормышева Э.Е. Надпись на известняковом блоке из восточного некрополя Гизы // Эпиграфика Востока. XXXI. М.: IVRAN, 2015. С. 60–82.
2. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S. Vetokhov S. Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49. М.: IVRAN, 2015.
3. Лебедев М.А. Праздник Хуфу в Гизе // Эпиграфика Востока. XXXII. М.: IVRAN, 2016. С. 132–142.

4. Peust C. Das Napatansiche. Ein ägyptischer Dialekt aus dem Nubien des späten ersten vorchristlichen Jahrtausends. Texte, Glossar, Grammatik. Göttingen: Peust und Gutschmidt, 1999.
5. Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila – An Archaeological Site in the Butana Region // Lohwasser A., Wolf P. (Hrsg.) Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten. Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig. Mitteilungen der Sudanarchaologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft 2014. Berlin, 2014. S. 65–94.
6. Кормышева Э.Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала *tw3 pt* // Эпиграфика Востока. XXXII. М.: IVRAN, 2016. С. 95–131.
7. Wilson P. A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the texts in the Temple of Edfu. Leuven, 1997. OLA 78.
8. Kurth D. Wo Götter, Menschen und Tote lebten. Eine Studie zum Weltbild der Alten Ägypter, Hützel, Backe-Verlag, 2016. S. 352.
9. Grallert S. Bauen – Stiften – Weißen. Ägyptische Bau- und Restaurierungsinchriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie. Berlin: Achet-Verlag, 2001. S. 237.
10. Meeks D. Les architraves du Temple d'Esna. Paléographie. Le Caire: IFAO, 2004. R. 374.
11. Gardiner A., Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs. Oxford, 1957.
12. Лебедев М.А. Слуги фараонов вдали от Нила. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 687.
13. Ветохов С.В. Египетские скальные гробницы Древнего царства в Гизе: архитектурные элементы как инструмент датировки // Вестник древней истории. 2016. № 2. С. 245–263.
14. Малых С.Е. Сосуд и его содержимое: к вопросу об интерпретации некоторых древнеегипетских гробничных сцен эпохи Древнего царства // Вестник древней истории. 2012. № 4. С. 122–133.
15. Кормышева Э.Е. Система водоотвода в храмах долины Нила III–I тыс. до н.э. // Восток. 2017. № 5.
16. Malykh S. Late Meroitic pottery of Abu Erteila: local traditions and foreign influence // Bulletin de Liaison de la Céramique égyptienne, Institut français d'archéologie orientale, 27. Le Caire, 2017, p. 153.
17. Красноморский мир в древности. М.: РГГУ, 2012.

ENGLISH

Diachronic trends in the evolution of civilizations in the Nile valley

Eleonora Yefimovna Kormysheva – Dr. Hab. of History, chief researcher of the Institute of Oriental Studies of the Nile valley” (14-01-00476a).

E-mail: eleonora45@mail.ru

The diachronic trends in socio-economic and cultural development of the societies in the Nile valley are revealed based on the materials from Giza necropolis (the 3rd millennium BC) and the settlement of Abu Erteila (1st century AD). The research made it possible to trace the typological similarities in the evolution of the studied societies in cultural and historical contexts.

The main fields of the research were epigraphy, iconography, social history, and material culture.

Many previously unknown monuments discovered by Russian archaeologists in Egypt and Sudan were introduced into scientific discourse. The basis was created for studying the Nile valley as a contact zone between the Mediterranean world and Africa.

Keywords: Ancient Egypt, Giza, burials, ritual, epigraphy, architecture, pottery, administration, temple, Nubia, Abu Erteila, Meroe

REFERENCES

1. Kormysheva E.E. Nadpis' na izvestnyakovom bloke iz vostochnogo nekropolya Gizy // Epigrafika Vostoka. XXXI. M.: IVRAN, 2015. S. 60–82 (in Russian).
2. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S. Vetokhov S. Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49. M.: IVRAN, 2015.
3. Lebedev M.A. Prazdnik Khufu v Gize // Epigrafika Vostoka. XXXII. M.: IVRAN, 2016. S. 132–142 (in Russian).
4. Peust C. Das Napatanische. Ein ägyptischer Dialekt aus dem Nubien des späten ersten vorchristlichen Jahrtausends. Texte, Glossar, Grammatik. Göttingen: Peust und Gutschmidt, 1999.
5. Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila – An Archaeological Site in the Butana Region // Lohwasser A., Wolf P. (Hrsg.) Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten. Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig. Mitteilungen der Sudanarchaologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft 2014. Berlin, 2014. S. 65–94.
6. Kormysheva E.E. Podstavki dlya meroitskikh svyashchennykh barok v kontekste stsen rituala *tw3 pt* // Epigrafika Vostoka. XXXII. M.: IVRAN, 2016. S. 95–131 (in Russian).
7. Wilson P. A Ptolemaic Lexikon. A Lexicographical Study of the texts in the Temple of Edfu. Leuven, 1997. OLA 78.
8. Kurth D. Wo Götter, Menschen und Tote lebten. Eine Studie zum Weltbild der Alten Ägypter, Hützel, Backe-Verlag, 2016. S. 352.
9. Grallert S. Bauen – Stiften – Weißen. Ägyptische bau- und Restaurierungsinchriften von den Anfängen bis zur 30. Dynastie. Berlin: Achet-Verlag, 2001. S. 237.
10. Meeks D. Les architraves du Temple d'Esna. Paléographie. Le Caire: IFAO, 2004. R. 374.
11. Gardiner A., Egyptian grammar: being an introduction to the study of hieroglyphs. Oxford, 1957.
12. Lebedev M.A. Slugi faraonov vdali ot Nila. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. S. 687 (in Russian).
13. Vetokhov S.V. Egipetskie skal'nye grobnitsy Drevnego tsarstva v Gize: arkhitekturnye elementy kak instrument datirovki // Vestnik drevney istorii. 2016. № 2. S. 245–263 (in Russian).
14. Malykh S.E. Sosud i ego sodержimoe: k voprosu ob interpretatsii nekotorykh drevneegipetskikh grobnichnykh stsen epokhi Drevnego tsarstva // Vestnik drevney istorii. 2012. № 4. S. 122–133 (in Russian).
15. Kormysheva E.E. Sistema vodootvoda v khramakh doliny Nila III–I tys. do n.e. // Vostok. 2017. № 5 (in Russian).
16. Malykh S. Late Meroitic pottery of Abu Erteila: local traditions and foreign influence // Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne, Institut français d'archéologie orientale, 27. Le Caire, 2017, p. 153.
17. Krasnomorskiy mir v drevnosti. M.: RGGU, 2012 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 001

ГРНТИ 06.39

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-50-62

Д.А. РУБВАЛЬТЕР, А.Н. ЛИБКИНД, В.А. МАРКУСОВА, И.А. ЛИБКИНД*

Многоаспектный анализ состояния российских исследований по проблемам образования за 1993–2016 годы

Многоаспектный анализ состояния российских исследований по проблемам образования выполнен на материале данных, содержащихся в Web of Science (базы данных SSCI, A&HCI и SCI-E). Определены динамика и тенденции ряда показателей, таких как число российских публикаций по годам, доля этих публикаций в мировом потоке публикаций по проблемам образования, динамика доли публикаций, выполненных в соавторстве с зарубежными коллегами и т.д. Составлен и проанализирован ряд распределений российских публикаций на темы образования: по журналам, по российским регионам и городам, по организациям и авторам публикаций. Установлено, что большинство этих распределений отличается высокой степенью неравномерности. Составлен список журналов (125 наименований), в которых публиковались российские работы по проблемам образования. Выявлены российские организации (308) и отече-

* **Рубвальтер Дмитрий Александрович** — доктор экономических наук, советник директора Московского центра технологической модернизации образования (ТемоЦентр), руководитель проекта «Документальные научные коммуникации, их роль в передаче, распространении и сохранении результатов отечественных исследований по общественным и гуманитарным наукам в сопоставлении со странами БРИКС, ЕС, США и Канады (по данным Web of Science за 1986–2015 гг.) и оценка влияния этих результатов на принимаемые решения в области социально-экономической политики» (17-02-00078а).

E-mail: dmitry.rubvalter@yandex.ru

Либкинд Александр Наумович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), исполнитель того же проекта.

E-mail: anliberty@mail.ru

Маркусова Валентина Александровна — доктор педагогических наук, заведующая отделением ВИНИТИ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: valentina.markusova@gmail.com

Либкинд Илья Александрович — системный аналитик Сервисного бюро «ВИП», исполнитель того же проекта.

E-mail: libkind_ilya@hotmail.com

ственные исследователи (около двух тысяч), занятые изучением проблем образования. Установлено, что более 200 организаций и около 400 учёных из 60 зарубежных стран участвовали в российских исследованиях по проблемам образования.

Ключевые слова: образование, российские исследования, публикации, распределения, многолетняя динамика, Web of Science

В последние годы руководство нашей страны уделяет большое внимание развитию образования: достаточно упомянуть решения Правительства РФ о национальных [1] и федеральных [2] университетах, а также о «Проекте 5–100» [3]. Очевидно, что в России происходит полномасштабная реформа организационной структуры высшего образования и науки. В связи с этим актуальность задач определения состояния высшей школы, по нашему мнению, не может вызывать сомнений. Одним из направлений в спектре этих задач является изучение состояния исследований, посвящённых проблемам образования [4–7].

Целью настоящей работы является изучение состояния и тенденций российских научных исследований в области образования за период 1993–2016 гг. В качестве нижней границы выбран 1993 г, поскольку Россия как отдельная страна появилась в базах данных с 1993 г. Верхней границей служит 2016 г., поскольку БД за 2017 г. пополняется практически ежедневно, а учёт неполных данных мог бы исказить реальную картину.

Анализ предполагает использование основных библиометрических показателей и распределений. Среди них – тенденции изменений в общем числе публикаций по проблемам образования по годам; определение числа и доли публикаций, выполненных в соавторстве с зарубежными коллегами; определение основных стран, учёные из которых являются соавторами российских исследователей, а также выявление доли каждой страны в соавторстве; формирование списка

журналов, в которых публикуются российские исследования по проблемам образования, построение распределения публикаций по этим журналам и т.п.

1. Исходные данные

В качестве источников данных были выбраны три базы данных Web of Science (WoS) компании Clarivate Analytics (до недавнего времени – Thomson Reuters): Social Science Citation Index (SSCI) – содержит в основном статьи и другие публикации из сериальных изданий по общественным наукам; Art & Humanity Citation Index (A&HCI) содержит, как правило, публикации из сериальных изданий по гуманитарным наукам; Science Citation Index-Expanded (SCI-E) – как показал анализ, помимо публикаций по естественным, точным и техническим наукам, содержит также значительную часть публикаций по общественным и гуманитарным наукам.

Кроме того, была использована аналитическая БД Journal Citation Reports (JCR), которая с 2016 г. является одной из подсистем нового аналитического инструмента InCites. JCR содержит статистику по 11,6 тыс. научных журналов. После выбора источников данных был проанализирован список тематических категорий WoS, которые с помощью набора их атрибутов достаточно детально описаны в JCR. Из этого списка, охватывающего все области знания и насчитывающего 251 тематическую категорию WoS, были отобраны те категории, которые в наибольшей степени соответствуют исследованиям в области образования (см. табл. 1).

Таблица 1

Тематические категории WoS, в наибольшей степени соответствующие исследованиям в области образования

Название категории WoS на английском языке	Название категории WoS на русском языке ¹	Агрегированный импакт-фактор (АИФ)
Education & Educational Research	Образование и образовательные исследования	0,922
Education, Special	Образование, специальное	1,447
Education, Scientific Disciplines	Образование, научные дисциплины	1,358
Psychology, Educational	Психология, Образование	1,687

В WoS каждой публикации приписаны одна или более тематические категории. Это обстоятельство существенно упрощает поиск интересующих нас публикаций: с этой целью в интерфейсе WoS в режиме «Advanced Search» был осуществлен поиск по следующему запросу: «WC=(Education & Educational Research OR Education, Special OR Education, Scientific Disciplines OR Psychology, Educational) AND CU=(Russia*) AND PY=1993–2016». В результате этого поиска был получен массив из 2064 российских публикаций по проблемам образования. Следует отметить, что в качестве российской публикации признаётся публикация, автором (соавтором) которой является хотя бы один отечественный исследователь. Аналогичный поиск в мировом массиве по проблемам образования составил 331196 публикаций.

Статистика, характеризующая соответствующие массивы и их соотношения в динамике, приводится в табл. 2.

2. Динамика общих характеристик российских публикаций по проблемам образования

Рассмотрим данные, представленные в табл. 2. Прежде всего обращает на себя внимание низкая стабильность числа российских публикаций по проблемам образования (сравним, например, значения графы 2 табл. 2 для следующих пар

лет: 1993–1994, 2000–2001, 2004–2005, 2008–2009, 2015–2016). Этот факт может являться косвенным свидетельством недостаточности (ограниченности) числа учёных, занятых исследованиями в области образования: назовём это предположение гипотезой недостаточности. Поясним, на каких соображениях основывается эта гипотеза.

Пусть некоторый исследователь/коллектив исследователей в течение двух лет выполнял некоторый проект. Как правило, в первый год публикаций по результатам проекта будет значительно меньше, чем в год окончания этого проекта. С началом нового проекта опять-таки произойдёт спад числа публикаций данного исследователя/исследовательского коллектива. Затем в год окончания этого (нового) проекта снова последует увеличение этого числа, и т.д. Если таких исследователей/коллективов исследователей достаточно число (попросту говоря «много»), то начинает действовать своеобразный «закон больших чисел»: спад в количестве публикаций одного исследователя/коллектива исследователей будет компенсирован увеличением количества публикаций других исследователей/коллективов. Если же число учёных/коллективов учёных очень невелико, то такая компенсация не происходит и мы наблюдаем отмеченную выше нестабильность числа публикаций.

¹ Русский перевод названий тематических категорий WoS, который приводится на сайте этой информационной системы, сделан, по нашему мнению, не всегда удачно. Однако мы полагаем, что редактирование здесь этого перевода было бы неправильным.

Таблица 2

Динамика значений различных характеристик массивов публикаций по проблемам образования (SSCI, A&HCI и SCI-E; 1993–2016 гг.)

1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1993	31	25 892	10 298	964 531	0,12	1,07	1,00	1,00	0,30	2,68	1,00	1,00	0,11	1,00	1,00
1994	79	26 692	10 414	1 015 909	0,30	1,03	2,55	1,01	0,76	2,63	1,03	1,05	0,29	2,52	0,98
1995	93	28 279	10 905	1 080 634	0,33	1,01	3,00	1,06	0,85	2,62	1,09	1,12	0,33	2,83	0,97
1996	91	28 924	11 072	1 130 919	0,31	0,98	2,94	1,08	0,82	2,56	1,12	1,17	0,32	2,73	0,95
1997	103	29 897	10 827	1 160 124	0,34	0,93	3,32	1,05	0,95	2,58	1,15	1,20	0,37	3,16	0,96
1998	104	29 437	10 635	1 162 137	0,35	0,92	3,35	1,03	0,98	2,53	1,14	1,20	0,39	3,25	0,94
1999	104	29 024	10 408	1 187 908	0,36	0,88	3,35	1,01	1,00	2,44	1,12	1,23	0,41	3,32	0,91
2000	121	29 006	11 448	1 205 435	0,42	0,95	3,90	1,11	1,06	2,41	1,12	1,25	0,44	3,51	0,90
2001	42	26 936	9639	1 190 237	0,16	0,81	1,35	0,94	0,44	2,26	1,04	1,23	0,19	1,45	0,84
2002	105	27 837	9543	1 234 877	0,38	0,77	3,39	0,93	1,10	2,25	1,08	1,28	0,49	3,66	0,84
2003	108	26 824	9930	1 269 766	0,40	0,78	3,48	0,96	1,09	2,11	1,04	1,32	0,51	3,61	0,79
2004	117	27 302	11 703	1 357 185	0,43	0,86	3,77	1,14	1,00	2,01	1,05	1,41	0,50	3,32	0,75
2005	45	27 187	10 589	1 435 687	0,17	0,74	1,45	1,03	0,42	1,89	1,05	1,49	0,22	1,41	0,71
2006	46	26 667	11 684	1 496 829	0,17	0,78	1,48	1,13	0,39	1,78	1,03	1,55	0,22	1,31	0,66
2007	29	28 079	12 583	1 570 013	0,10	0,80	0,94	1,22	0,23	1,79	1,08	1,63	0,13	0,77	0,67
2008	55	30 381	15 994	1 656 539	0,18	0,97	1,77	1,55	0,34	1,83	1,17	1,72	0,19	1,14	0,68
2009	121	30 963	16 438	1 726 621	0,39	0,95	3,90	1,60	0,74	1,79	1,20	1,79	0,41	2,45	0,67
2010	105	30 388	18 359	1 764 373	0,35	1,04	3,39	1,78	0,57	1,72	1,17	1,83	0,33	1,90	0,64
2011	129	31 954	18 542	1 850 411	0,40	1,00	4,16	1,80	0,70	1,73	1,23	1,92	0,40	2,31	0,64
2012	130	31 388	19 809	1 935 906	0,41	1,02	4,19	1,92	0,66	1,62	1,21	2,01	0,40	2,18	0,60
2013	112	33 579	19 953	2 023 178	0,33	0,99	3,61	1,94	0,56	1,66	1,30	2,10	0,34	1,86	0,62
2014	25	34 676	19 824	2 073 137	0,07	0,96	0,81	1,93	0,13	1,67	1,34	2,15	0,08	0,42	0,62
2015	38	38 855	19 728	2 101 497	0,10	0,94	1,23	1,92	0,19	1,85	1,50	2,18	0,10	0,64	0,69
2016	131	40 391	20 871	2 141 225	0,32	0,97	4,23	2,03	0,63	1,89	1,56	2,22	0,33	2,09	0,70
Всего	2064	720 558	331 196	35 735 078	0,29	0,93			0,62				0,31		

* 1 — год опубликования; 2 — число российских публикаций по образованию; 3 — общее число российских публикаций; 4 — число мировых публикаций по образованию; 5 — общее число мировых публикаций; 6 — доля российских публикаций по образованию от общего числа российских публикаций (%); 7 — доля мировых публикаций по образованию от общего числа мировых публикаций (%); 8 — изменение числа российских публикаций по образованию по сравнению с 1993 г. (разы); 9 — изменение числа мировых публикаций по образованию по сравнению с 1993 г. (разы); 10 — доля российских публикаций по образованию в общемировом массиве публикаций по образованию (%); 11 — доля всех российских публикаций в общемировом массиве публикаций (%); 12 — изменение общего числа российских публикаций по сравнению с 1993 г. (разы); 13 — изменение общего числа мировых публикаций по сравнению с 1993 г. (разы); 14 — отношение доли российских публикаций по образованию от общего числа российских публикаций к доле мировых публикаций по образованию от общего числа мировых публикаций (графа 6/графа 7); 15 — отношение изменения числа российских публикаций по сравнению с 1993 г. к изменению числа мировых публикаций по образованию по сравнению с 1993 г.; 16 — отношение изменения общего числа российских публикаций по сравнению с 1993 г. к изменению общего числа мировых публикаций, по сравнению с 1993 г.

Насколько справедлива гипотеза недостаточности, мы обсудим в разделе 3.

Несмотря на отмеченную нестабильность, можно констатировать, что в це-

лом наблюдается значительный рост количества российских публикаций по образованию: этот показатель в 2016 г., по сравнению с 1993 г., увеличился в 4,2

раза (графа 8 табл. 2). Правда, столь резкое увеличение в значительной степени объясняется низкой «начальной базой»: в 1993 г. — всего 31 публикация. Здесь мы снова сталкиваемся с отмеченной выше нестабильностью, которая препятствует более точной оценке динамики количества публикаций. Действительно, если в качестве начального момента выбрать не 1993 г., а 1994-й, то указанный рост окажется значительно меньшим — в 1,7 раза. Отметим, что последняя цифра близка к значению аналогичной характеристики для мировых публикаций по образованию — 2,0 (графа 9 табл. 2).

Доля российских публикаций по образованию в общем числе российских публикаций по сравнению с 1993 г. в целом возросла (с 0,12% в 1993 г. до 0,32% — в 2016 г.). Тем не менее, эта доля за весь период более чем в 3 раза уступает соответствующему показателю для публикаций мировых: 0,29% и 0,93% соответственно (последняя строка табл. 2 графы 6 и 7). Приходится констатировать, что исследованию проблем образования у нас в стране пока ещё уделяется недостаточное внимание.

Но ситуация здесь улучшается, хотя и медленно. Так, если доля публикаций по образованию в соответствующем массиве мировых публикаций возросла с 0,30% в 1993 г. до 0,63% в 2016 г. (графа 10), то доля всех российских публикаций в общемировых публикациях в целом упала: с 2,68% в 1993 г. до 1,89% в 2016 г. (графа 11 табл. 2). По поводу всех российских публикаций следует всё же оговориться, что достаточно резкое падение их доли в общемировом потоке происходило вплоть до 2012 г. (1,62%), а начиная с 2013 г. наблюдается достаточно устойчивый рост. Последнее обстоятельство не в последнюю очередь объясняется вниманием

российского правительства к университетской науке страны [1–3].

3. Распределения массивов российских публикаций по проблемам образования по значениям атрибутов этих массивов

Распределение по журналам

Общее число журналов, в которых были опубликованы работы российских авторов по проблемам образования в период 1993–2016 гг., составило 125 наименований, из них 109 представлены в JCR, т.е. это те журналы, у которых есть значения импакт-фактора¹. Следует сказать, что в JCR включаются лучшие из журналов, обрабатываемых в WoS. В табл. 3 приводятся первые по числу публикаций 20 журналов. Все они представлены в JCR.

Самый общий анализ табл. 3 показывает, что распределение по журналам российских публикаций, касающихся проблем образования, очень неравномерно. Действительно, более половины (51,6% — 1065 из 2064) всех статей опубликовано в журнале «VOPROSY PSIKHOLOGII». Журнал выходит на английском языке и издаётся в США. Общее число статей, опубликованных в этом журнале за 1993–2016 гг., — 2384. Причём львиная доля этих публикаций (44,7%) — это статьи российских авторов. Журнал был включен в JCR только в 2015 г., что в значительной степени объясняет тот факт, что он имеет низкий импакт-фактор (0,070). Можно предположить, что со временем, когда в JCR накопится достаточная, а значит, и более надёжная статистика, значение импакт-фактора этого журнала заметно увеличится.

Второй интересный факт, который обнаруживает табл. 3, состоит в том, что 2-е и 4-е места занимают физические журналы; «EUROPEAN JOURNAL OF PHYSICS» и «AMERICAN JOURNAL OF PHYSICS». При этом непосредственный просмотр пред-

¹ Напомним, что импакт-фактор журнала — это отношение, где в знаменателе — общее количество публикаций в данном журнале за два года, предшествующих данному году, а в числителе — число ссылок, сделанных в данном году на указанные публикации. Попросту говоря — импакт-фактор характеризует «цитируемость» журнала.

Таблица 3

Первые по продуктивности 20 журналов*

Наименование журнала	Количество публикаций	Импакт-фактор
VOPROSY PSIKHOLOGII	1065	0,070
EUROPEAN JOURNAL OF PHYSICS	40	0,629
JOURNAL OF CHEMICAL EDUCATION	35	1,106
AMERICAN JOURNAL OF PHYSICS	32	0,956
LEARNING AND INDIVIDUAL DIFFERENCES	24	1,621
JOURNAL OF INTELLECTUAL DISABILITY RESEARCH	23	1,788
JOURNAL OF LEARNING DISABILITIES	8	1,901
CHILD DEVELOPMENT	7	4,061
JOURNAL OF MORAL EDUCATION	7	0,400
EUROPEAN JOURNAL OF EDUCATION	6	0,553
AIDS EDUCATION AND PREVENTION	6	1,881
HIGHER EDUCATION	5	1,151
INTERNATIONAL JOURNAL OF EDUCATIONAL DEVELOPMENT	5	1,064
INTERNATIONAL REVIEW OF RESEARCH IN OPEN AND DISTANCE LEARNING	5	0,734
ZEITSCHRIFT FUR SOZIOLOGIE DER ERZIEHUNG UND SOZIALISATION	4	0,119
JOURNAL OF GEOGRAPHY IN HIGHER EDUCATION	4	0,488
COMPARE-A JOURNAL OF COMPARATIVE AND INTERNATIONAL EDUCATION	4	0,456
SCHOOL PSYCHOLOGY INTERNATIONAL	4	1,447
STUDIES IN HIGHER EDUCATION	4	1,038
INTERNATIONAL JOURNAL OF ELECTRICAL ENGINEERING EDUCATION	4	0,077

* Приведены журналы, в которых опубликовано не менее 4 статей российских авторов по проблемам образования (1993–2016 гг.: SCI-E, SSCI и A&HCI) (в названиях журналов жирным шрифтом выделены слова, которые явным образом указывают на то, что журнал посвящён проблемам образования).

ставленных здесь публикаций из этих журналов показал, что все они соответствуют тематической категории WoS «Education, Scientific Disciplines» и одновременно категории «Physics, Multidisciplinary». Более того, анализ (выполнен с помощью интерфейса WoS) всего (подчёркиваем, всего) массива публикаций журнала «EUROPEAN JOURNAL OF PHYSICS» за 1993–2016 гг. (2435 публикаций) показал, что каждой из них в WoS присвоены обе эти категории. Аналогичная картина наблюдается и с журналом «AMERICAN JOURNAL OF PHYSICS»: каждой из 5281 публикаций в WoS присвоены обе эти рубрики.

Возвращаясь к российским публикациям по образованию, можно отметить, что

доля их в журнале «EUROPEAN JOURNAL OF PHYSICS» за рассматриваемый период составила 1,64%, что почти в 3 раза больше, чем в случае доли всех российских публикаций по образованию (0,62%) в соответствующем общемировом массиве. Что касается журнала «AMERICAN JOURNAL OF PHYSICS», то эта характеристика практически совпадает с «общероссийской» – 0,61 и 0,62% соответственно.

Распределение по регионам России

Российские учёные, опубликовавшие свои статьи по проблемам образования в 1993–2016 гг., работают в 53 регионах России. Однако эти статьи, как и в случае с журналами (табл. 3), распределе-

ны очень неравномерно. Действительно, здесь на первом месте Москва — 68,8%. Далее с очень большим отрывом следуют Санкт-Петербург — 5,9%, Ростовская область — 2,5%, Свердловская область — 2,3%, Новосибирская область — 1,8%, Саратовская область — 1,7%, Нижегородская область — 1,6%, Республика Татарстан — 1,3%, Московская область и Пермский край — по 1,1%. Доли каждого из остальных 44 регионов находятся в пределах 0,1–0,8%.

Распределение по городам России

Отечественные учёные, опубликовавшие свои работы по проблемам образования в 1993–2016 гг., работают в 73 городах России. Распределение по городам практически полностью повторяет приведённое выше распределение по регионам. Отличие здесь только в том, что на месте областей (республик) здесь стоят их областные центры (столицы республик). Порядок следования этих центров (столиц) в подавляющем числе случаев совпадает с порядком следования тех ре-

гионов, административными центрами которых эти города являются. В некоторых случаях при распределении по городам доли городов несколько отличны от регионов, которые они представляют: Москва — 68,6%, Санкт-Петербург — 5,9%, Ростов-на-Дону — 2,3%, Екатеринбург — 2,2%; Новосибирск — 1,8%, Саратов — 1,7%, Нижний Новгород — 1,7%, Казань и Пермь — по 1,1%.

Распределение по российским организациям

За весь исследуемый период на его различных этапах в публикациях по образованию участвовали учёные из 308 российских организаций. Неравномерность распределения по организациям не столь велика, как в предыдущих распределениях (по регионам, городами и журналам), тем не менее, достаточна для того, чтобы говорить о малом их рассредоточении. Здесь же отметим, что в первую десятку вошли 8 организаций, расположенных в Москве табл. 4.

Таблица 4

Первые 10 российских организаций по числу публикаций в области образования (1993–2016 гг.: SCI-E, SSCI и A&HCI)

Организация	Город	Регион	Число публикаций	Доля публикаций (%)
МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва	Москва	326	15,8
Психологический институт РАО	Москва	Москва	103	5,0
Институт социологии РАН	Москва	Москва	89	4,3
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	53	2,6
Высшая школа экономики (ВШЭ)	Москва	Москва	50	2,4
Институт психологии РАН	Москва	Москва	38	1,8
Московский городской психолого-педагогический университет	Москва	Москва	37	1,8
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)	Москва	Москва	27	1,3
Московский педагогический государственный университет (МПГУ)	Москва	Москва	24	1,7
Южный федеральный университет (ЮФУ)	Ростов-на-Дону	Ростовская область	23	1,2
Московский государственный университет им. М.А. Шолохова (в 2015 г. вошёл в состав МПГУ)	Москва	Москва	23	1,2

Распределение по авторам

Общее число авторов российских публикаций по проблемам образования за 1993–2016 гг. составило 2672 различающихся авторонаписания. Эти данные были получены с помощью опции интерфейса WoS «Анализ по авторам». После этого сформированный массив данных был подвергнут процедуре идентификации, в результате которой это число сократилось до 2355. Из этого числа 1967 – российские авторы, остальные 388 – зарубежные.

Данные табл. 5 позволяют проверить, насколько верна гипотеза недостаточности, высказанная в разделе 2. Согласно табл. 5, число российских учёных, активно занятых исследованиями по проблемам образования, оказалось достаточно ограниченным: 15 учёных за исследуемый период опубликовали по 10 и более работ, 73 исследователя – от 4 до 9 работ каждый; 85 учёных – по 3 работы; у каждого из следующих 258 авторов – по 2 публикации. И наконец, каждый из остальных 1536 российских учёных (более 78%) был автором только одной единственной работы. Конечно, можно предположить, что две последние категории авторов (с двумя или одной публикацией, а они в сумме составляют более 91% от всех авторов) – это молодые исследователи, которые ещё не успели «набрать публикационный вес». Однако маловероятно, что столь большое число молодых исследователей вдруг решило посвятить себя изучению проблем образования.

Скорее всего, наряду с определённым количеством молодых исследователей мы имеем дело либо с учёными, для которых эти проблемы оказались смежными, либо с «авторами-однодневками», которые однажды появившись в качестве исследователей, затем навсегда покидают науку. Подтвердить или опровергнуть эти утверждения можно только после детального анализа рассмотренного массива авторов и с привлечением целого ряда дополнительных данных. К сожалению, решение такой задачи выходит за рамки

Таблица 5

Распределение российских авторов по числу публикаций

Число публикаций	Число российских авторов
45	1
27	1
16	1
15	1
13	2
12	2
11	2
10	5
9	7
8	7
7	4
6	16
5	13
4	26
3	85
2	258
1	1536
Итого	1967

настоящей статьи. Однако если принять, что учёный, активно работающий в данной области, в течение 5–10 лет публикует не менее 5 работ, то определённый вывод можно сделать. В этом случае оказывается, что численно кадровый потенциал российских исследователей, активно занятых исследованиями по проблемам образования, составляет всего 62 человека, что является недостаточным, учитывая важность этих проблем.

В числе ведущих современных российских авторов по проблемам образования Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова; Московский государственный психолого-педагогический университет; Йельский университет (США)) – 45 публикаций; В.П. Зинченко (МГУ им. М.В. Ломоносова; Высшая школа экономики) – 27; В.С. Собкин (Институт социологии образования РАО) – 16; Е.О. Смирнова (Московский государственный психолого-педагогический университет) – 15; М.А. Степанова (МГУ им. М.В. Ломоносова) – 13;

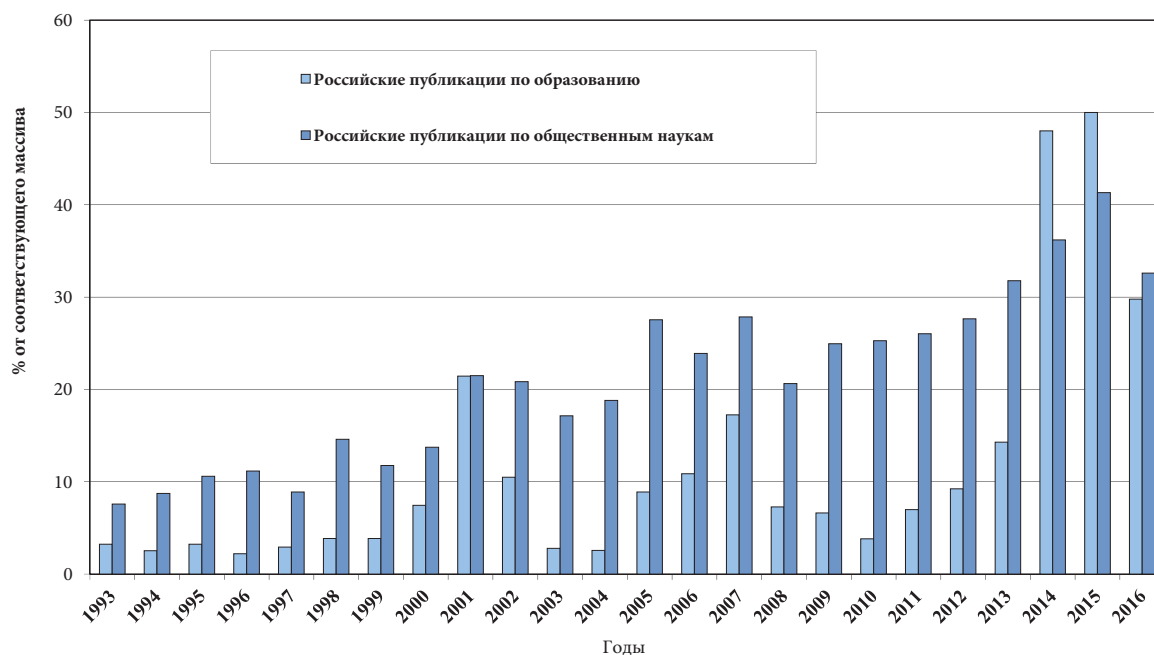

Рис. Международное соавторство: динамика долей тех российских публикаций, которые выполнены в соавторстве с зарубежными учёными — российские публикации по проблемам образования в сопоставлении с российскими публикациями по общественным наукам в целом

Е.И.Бутиков (Санкт-Петербургский государственный университет) — 13; Т.Д.Марцинковская (Психологический институт РАО) — 12; А.Б.Орлов (Высшая школа экономики) — 12; В.В.Знаков (Институт психологии РАН) — 11; И.А.Леенсон (МГУ им. М.В.Ломоносова) — 11.

4. Международное сотрудничество (соавторство)

Как показывает анализ данных, представленных в табл. 2, в образовании доля российских публикаций с международным соавторством значительно ниже, чем в целом по общероссийскому массиву. Так, если для общероссийского массива по общественным наукам (БД SSCI на платформе WoS) доля публикаций, выполненных в соавторстве с зарубежными коллегами в течение рассматриваемого периода, составила 22,4% (4601 из 20515), то в российских публикациях по образованию эта характеристика составила только 10,8% (222 из 2064). Следует сказать, значения этого показателя в зависимости от года очень резко меняются. Очевидно, что и в данном случае сказывается эффект «малых чисел». Тем не менее, тенденцию проследить

можно. И эта тенденция состоит в том, что со временем доля зарубежного соавторства растёт: в 2016 г. этот показатель составил 29,8%, что очень близко к аналогичному показателю в этом же году для общероссийского массива по общественным наукам. Динамика этих показателей также достаточно согласованна (рис.).

Общее число зарубежных организаций, учёные которых были соавторами российских исследователей по проблемам образования в 1993–2016 гг., составляет 223 наименования, причём эти организации охватывают 60 зарубежных стран. Несмотря на столь широкий спектр, анализ этих данных показывает, что и соответствующие распределения по зарубежным странам и по зарубежным организациям очень неравномерны. Так, из табл. 6 следует, что больше половины совместных публикаций принадлежит учёным из США. Данные табл. 6 хорошо коррелируют с данными табл. 7. Действительно, из 12 зарубежных организаций, сотрудники которых наиболее часто публиковались совместно с российскими коллегами по проблемам образования, семь — это университеты США.

Таблица 6

Первые 10 стран (по числу совместных публикаций)

Страна	Число совместных публикаций по образованию	Доля от всех совместных с зарубежными учёными публикаций по образованию (%)
США	114	51,4
Англия	37	16,7
Германия	19	8,6
Канада	11	5,0
Финляндия	9	4,1
Нидерланды	9	4,1
Франция	8	3,6
КНР	8	3,6
Швеция	6	2,7
Швейцария	6	2,7

5. Тематическая структура и формальный научный уровень российских исследований по проблемам образования

Напомним, что исходный массив был сформирован в результате поиска публикаций по четырём категориям WoS: Education & Educational Research; Education, Special; Education, Scientific Disciplines; Psy-

chology, Educational. Однако, как показал анализ, тематический спектр этого массива на порядок шире исходного набора категорий. Действительно, публикации по образованию в той или иной степени соответствуют ещё 48 тематическим категориям WoS. Причём из этих 48 категорий 33 соответствуют другим (помимо образования) разделам общественных наук, а ещё

Таблица 7

Зарубежные организации, сотрудники которых наиболее часто публиковались в соавторстве с российскими коллегами по проблемам образования: первые 12 организаций

Организация	Число публикаций	Страна	Доля от международного соавторства (%)
YALE UNIVERSITY	49	США	22,1
COLUMBIA UNIVERSITY	15	США	6,6
STANFORD UNIVERSITY	13	США	5,8
UNIVERSITY OF LONDON	12	Великобритания	5,4
PENNSYLVANIA COMMONWEALTH SYSTEM OF HIGHER EDUCATION	9	США	4,0
UNIVERSITY COLLEGE LONDON	8	Великобритания	3,6
TEMPLE UNIVERSITY	5	США	2,2
UIT THE ARCTIC UNIVERSITY OF TROMSO	4	Норвегия	1,8
MEDICAL COLLEGE OF WISCONSIN	4	США	1,8
GOLDSMITHS UNIVERSITY LONDON	4	Великобритания	1,8
DURHAM UNIVERSITY	4	Великобритания	1,8
COLUMBIA UNIVERSITY TEACHERS COLLEGE	4	США	1,8

Таблица 8

Зарубежные организации, сотрудники которых наиболее часто публиковались в соавторстве с российскими коллегами по проблемам образования: первые 12 организаций

Категории Web of Science	Число публикаций	Доля от всего массива публикаций (%)
PSYCHOLOGY EDUCATIONAL	1122	54,4
EDUCATION & EDUCATIONAL RESEARCH	769	37,3
EDUCATION SCIENTIFIC DISCIPLINES	138	6,7
PHYSICS MULTIDISCIPLINARY	73	3,5
EDUCATION SPECIAL	42	2,0
REHABILITATION	36	1,7
CHEMISTRY MULTIDISCIPLINARY	35	1,7
PSYCHIATRY	25	1,2
CLINICAL NEUROLOGY	23	1,1
GENETICS HEREDITY	23	1,1
PSYCHOLOGY DEVELOPMENTAL	14	0,7
PUBLIC ENVIRONMENTAL OCCUPATIONAL HEALTH	7	0,3
ENGINEERING ELECTRICAL ELECTRONIC	6	0,3
HEALTH CARE SCIENCES SERVICES	5	0,2
LINGUISTICS	5	0,2

15 – это тематические категории, соответствующие естественнонаучным областям знания (физика и астрономия, химия, математика, науки о Земле, биохимия, компьютерные и информационные науки, инженерные науки). В большинстве случаев в тех публикациях, которые соответствуют той или иной естественнонаучной категории (дисциплине), рассматриваются методические проблемы обучения этой дисциплине. В целом распределение по тематическим категориям отличается большой неравномерностью. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении между собой «образовательных» тематических категорий (табл. 8). Так, на первом месте оказалась «Психология образования» – более половины всех публикаций (54,4%), а на пятом (подчеркнём не на четвёртом, а на пятом) – «Специальное образование» (2%).

Заканчивая изложения итогов нашего исследования, отметим следующее.

В последние годы появляется очень мало таких публикаций российских авторов по проблемам образования, которые вызвали бы повышенный интерес у отечественных и зарубежных учёных. Действительно, из 30 наиболее цитируемых работ (в интервале 19–76 ссылок на каждую публикацию) только четыре были опубликованы за последнее десятилетие. Причём самые «молодые» статьи также опубликованы достаточно давно: в 2009 г.¹ Остальные 26 статей были опубликованы в период 1995–2004 г. Конечно, можно объяснять это естественным «лагом» между моментом опубликования статьи и фактами её цитирования: известно, что этот лаг в общественных науках существенно больше, чем в естественных. Однако в ситуации, когда лаг значительно превышает 10 лет, такое объяснение представляется недостаточным.

¹ Максимальное количество ссылок (76) на 12.11.2017 получила статья («Dynamic Assessment and Response to Intervention Two Sides of One Coin»), которую в 2009 г. сотрудница МГУ им. М.В. Ломоносова Е.Л. Григоренко опубликовала в журнале JOURNAL OF LEARNING DISABILITIES (этому же автору принадлежат ещё 2 статьи из числа указанных 30).

Заключение

Выполнен многоаспектный анализ состояния российских исследований по проблемам образования за весь постсоветский период (1993–2016 гг.). Анализ был сделан на материале данных, содержащихся в Web of Science (базы данных SSCI, A&HCI и SCI-E). Определена динамика и тенденции ряда соответствующих показателей. В частности: число российских публикаций по годам, доля этих публикаций в мировом потоке публикаций по образованию, динамика доли публикаций, выполненных в соавторстве с зарубежными коллегами и т.д.

Составлен и проанализирован ряд важных распределений российских публика-

ций по проблемам образования: по журналам, по российским регионам и городам, по организациям и авторам публикаций. Установлено, что большинство этих распределений отличаются высокой степенью неравномерности. Составлен список журналов (125 наименований), в которых публиковались российские работы по проблемам образования. Выявлены российские организации (308) и отечественные исследователи (около двух тысяч), занятые изучением проблем образования. Установлено, что более 200 организаций и около 400 учёных из 60 зарубежных стран участвовали в российских исследованиях по проблемам образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 13 июля 2009 г. № 550 «О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет». – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95901/#ixzz4yt4cVhzR>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2008 г. № 716 о федеральных университетах – <http://kremlin.ru/acts/bank/27386>.
3. Постановление Правительства РФ № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» от 16.03.2013 № 211 (ред. от 10.02.2017) – <https://5top100.ru/documents/regulations/673/>.
4. Calma A., Davis M. Geographies of influence: a citation network analysis of Higher Education 1972–2014 // *Scientometrics*. 2017. V. 110. № 3. P. 1579–1599.
5. Lopes R.M., Garcia dos Santos de Faria, Fidalgo-Neto A.A., Mota F.B. Facebook in educational research: a bibliometric analysis // *Scientometrics*. 2017. Vol. 111. № 3. P. 1591–1621.
6. Pastor J.M., Serrano L., Zaera I. The research output of European higher education institutions // *Scientometrics*. 2015. Vol. 102. № 3. P. 1867–1893.
7. Markusova V.A., Minin V.A., Libkind A.N., Arapov M.V., Jansz C.M.N, Zit M., Bassecoulard-Zitt E. Impact of socio-economic factors on higher education in Russia // *Research Evaluation*. 2005. Vol. 14. № 1. P. 35–42.

ENGLISH

Multidimensional analysis of the state of Russian studies on the education issues over 1993-2016

Dmitry Aleksandrovich Rubvalter – Doctor of Economics, adviser of Director of Moscow Center of Process Modernization of Education (TemoCenter), head of project “Documentary scientific communications, their role in transmission, distribution and storing the results of national studies in social sciences and humanities compared to BRICS countries, EU, USA and Canada (according to Web of Science over 1986–2015 period) and evaluation of the impact these results have on the decisions made in social and economic policy” (17-02-00078a). E-mail: dmitry.rubvalter@yandex.ru

Alexander Naumovich Libkind – Candidate of Technical Sciences, leading researcher of Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences (VINITI RAS), executor of the above project.

E-mail: anliberty@mail.ru

Valentina Aleksandrovna Markusova – Dr. Ed., Head of Department of VINITI RAS, executor of the above project.

E-mail: valentina.markusova@gmail.com

Ilya Aleksandrovich Libkind – system analyst of Service Bureau VIP, executor of the above project.

E-mail: libkind_ilya@hotmail.com

A multidimensional analysis of the state of Russian studies on the education issues over 1993–2016 was carried out based on the materials of the data contained in the Web of Science (SSCI, A & HCI and SCI-E databases). There were determined the dynamics and trends of a number of relevant indicators, such as the number of Russian publications by year, the share of these publications in the global flow of publications on education issues, the dynamics of the share of publications made in co-authorship with foreign colleagues, etc. A number of distributions of Russian publications on educational issues was compiled and analyzed: by journals, by Russian regions and cities, by organizations and authors of the publications. It was found that most of these distributions were characterized by a high level of non-uniformity. A list of journals (125 titles) in which Russian works on education issues had been published was compiled. Russian organizations (308) and domestic researchers (about two thousand) engaged in studying the issues of education were identified. It was discovered that more than 200 organizations and about 400 academicians from 60 foreign countries had participated in Russian studies on the education issues.

Keywords: education, Russian studies, publications, distributions, dynamics over the years, Web of Science

REFERENCES

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 iyulya 2009 g. № 550 «O konkursnom otbore programm razvitiya universitetov, v otnoshenii kotorykh ustanavlivaetsya kategoriya «natsional'nyy issledovatel'skiy universitet». – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95901/#ix-zz4yt4cVhzR> (in Russian).
2. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2008 g. № 716 o federal'nykh universitetakh – <http://kremlin.ru/acts/bank/27386> (in Russian).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF № 211 «O merakh gosudarstvennoy podderzhki vedushchikh universitetov Rossiyskoy Federatsii v tselyakh povysheniya ikh konkurentosposobnosti sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov» ot 16.03.2013 № 211 (red. ot 10.02.2017) – <https://5top100.ru/documents/regulations/673/> (in Russian).
4. Calma A., Davis M. Geographies of influence: a citation network analysis of Higher Education 1972-2014 // *Scientometrics*. 2017. V. 110. № 3. P. 1579–1599.
5. Lopes R.M., Garcia dos Santos de Faria, Fidalgo-Neto A.A., Mota F.B. Facebook in educational research: a bibliometric analysis // *Scientometrics*. 2017. Vol. 111. № 3. P. 1591–1621.
6. Pastor J.M., Serrano L., Zaera I. The research output of European higher education institutions // *Scientometrics*. 2015. Vol. 102. № 3. P. 1867–1893.
7. Markusova V.A., Minin V.A., Libkind A.N., Arapov M.V., Jansz C.M.N, Zit M., Basse-coulard-Zitt E. Impact of socio-economic factors on higher education in Russia// *Research Evaluation*. 2005. Vol. 14. № 1. P. 35–42.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Э.И. КОЛЧИНСКИЙ*

Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны

УДК 94(47).084.1-2

ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-63-76

В статье рассмотрено влияние Первой мировой войны на мотивацию, структуризацию и самоидентификацию российского научного сообщества и его институтов. Трансформация научных и образовательных учреждений России под влиянием Первой мировой войны анализируется как процесс создания мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений учёных с властью и обществом.

Особое внимание уделено возрастанию роли научного сообщества в обеспечении фронта и тыла сырьём и продовольствием, в разработке оружия и военных технологий, в создании новых отраслей оборонной промышленности, в охране памятников науки и культуры. Дан целостный анализ изменения тематики исследований, трансформации соотношений прикладного и фундаментального знаний, естественных и гуманитарных наук, утверждения образа науки как фабрики знания, что стало основой для планов формирования сети научно-исследовательских институтов.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, кризис, наука, Академия наук, университеты, власть, мобилизация, самоидентификация, институционализация

Долгое время вопрос о роли науки в Первой мировой войне, которую в 1914–1916 гг. называли Второй Отечественной или Великой мировой, практически не исследовался. Авторы обычно ограничивались Комис-

сией по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) или Химическим комитетом [1, 2]. В последние десять лет появились труды, посвящённые трансформации академической науки в годы Первой мировой вой-

* **Колчинский Эдуард Израилевич** — доктор философских наук, заведующий сектором истории эволюционной теории и экологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, руководитель проекта «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны» (15-03-00017а).
E-mail: ekolchinsky@yandex.ru

ны [3, с. 261–268; 4, с. 166–176] и сравнительному анализу мобилизации науки в Германии и России в эти годы [5]. Но даже в многотомном международном проекте, посвящённом 100-летию Первой мировой войны и Революциям 1917 г., о российской науке всего две статьи [6, с. 173–200; 7, с. 109–135]. Цель предлагаемого исследования состояла в том, чтобы рассмотреть пути мобилизации науки в России и векторы её трансформации под воздействием Первой мировой войны и Революций 1917 г. как единого процесса в соответствии с современными историографическими тенденциями [8, с. 3–16]. Важно выяснить, как мобилизация науки преломлялась сквозь призму личностных, профессиональных, институциональных и коммуникативных связей учёных и их институций с правительственными и военными ведомствами, с промышленностью и общественностью и как она сказалась на научном сообществе, его планах, установках, ценностях.

Российская наука и власть в предвоенное десятилетие

В предвоенное десятилетие учёные оказались в двойственном положении, предопределившем их поведение в 1914–1918 гг. Все они обычно были государственными служащими и в то же время ощущали себя гражданами «научного Интернационала», стремясь перенести в Россию европейские формы взаимоотношений между наукой, обществом и властью [3, с. 261–262]. Возникал разрыв между гражданским и профессиональным статусом учёных как «слуг правительства» и как «жрецов истины». Политика правительства, стремившегося регламентировать их общественную активность и не признавшего развитие науки и образования приоритетной задачей, неизбежно вела к политическому противостоянию внутри самих научных и образовательных учреждений, включая Императорскую Академию наук (ИАН), считавшуюся «первенствующим» науч-

ным сословием. Её руководители — президент вел. кн. Константин Константинович, вице-президент П.В.Никитин и неприменный секретарь С.Ф.Ольденбург — придерживались разных представлений о гражданском долге учёных перед обществом и Императором. Это не мешало им, как и другим членам научного сообщества, отстаивать корпоративные интересы и находить компромиссы.

Примерно с конца XIX в. возросшая ценность науки начала побуждать часть научного сообщества претендовать на особую роль. В революцию 1905–1907 гг. выразительницей их взглядов стала партия конституционных демократов, нередко называемая «партией профессоров». Но после вооружённых восстаний и крестьянских бунтов учёные, по словам М.О.Гершензона, уже не мечтали о «слиянии с народом», а боялись его «пуще всех казней власти», славя последнюю за то, что она «штыками и тюрьмами» ещё ограждала их от «ярости народной» [9, с. 92].

Участие учёных в Государственном совете в качестве депутатов от Академической курии и кризис 1911 г., завершившийся скандальными отставками ректоров Московского (А.А.Мануйлов) и Санкт-Петербургского (Д.Д.Гримм) университетов, похоронили надежды на реформы «сверху» в области науки и образования. Профессура взяла на себя заботу о развитии науки, создавая неправительственные университеты и высшие курсы, институты и лаборатории, общественные фонды и научно-технические общества, привлекая для их финансирования частные, кооперативные и земские средства. Перед войной функционировали 298 научных учреждений, но основная масса учёных концентрировалась в 65 государственных и 59 общественных и частных вузах.

Патриотизм и национальная самоидентификация научного сообщества

Война наложила «свою тяжёлую руку и на развитие науки», — писал в 1915 г. гео-

Рис. 1. Плакат «Мировой пожар. Вторая Отечественная война».
М. Лит. Т-ва А.А. Левенсон, 1914 г. Автор неизвестен.
Место хр. РГБ

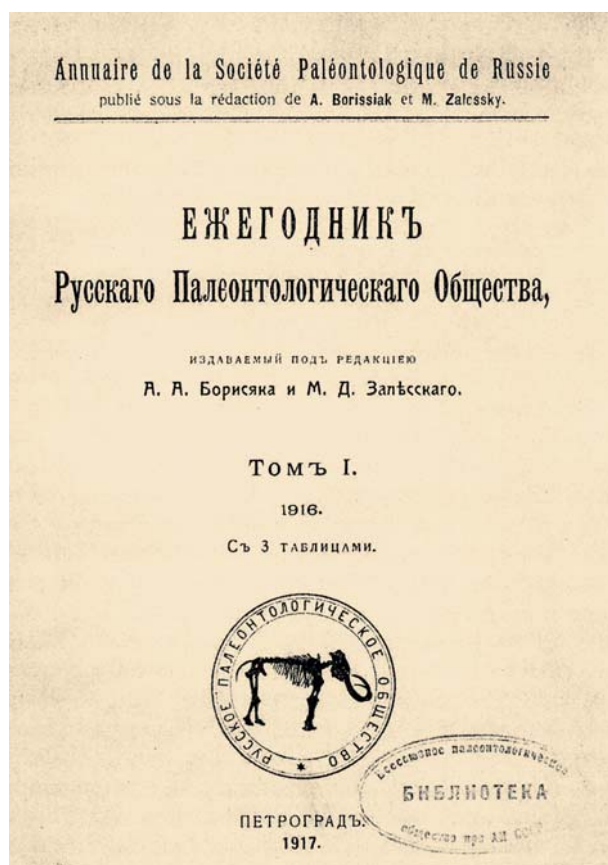
химик В.И.Вернадский [10, с. 282]. В то же время она заставила учёных забыть о недовольстве властью и вызвала всплеск патриотизма [11, с. 109–113] (рис. 1). Лауреат Нобелевской премии И.П.Павлов встретил войну как государственный и патриот, всецело восприняв цели, заявленные Россией [12, с. 367–369]. Многие молодые учёные — сыновья академиков и профессоров (В.А.Оппеля, И.П.Павлова, М.А.Рыкачёва, В.Е.Тищенко и др.) — ушли добровольцами на фронт. Среди погибших в первые месяцы войны был блестящий пушкинист князь Олег Константинович — сын президента ИАН и правнук Николая I. Фронтовой опыт имели будущие видные советские физики С.И.Вавилов, А.И.Берг. П.Л.Капица, Г.С.Ландсберг, Л.С.Термен и А.А.Фридман.

Своеобразный вклад в победу над врагом вносили гуманитарии, доказывая в кни-

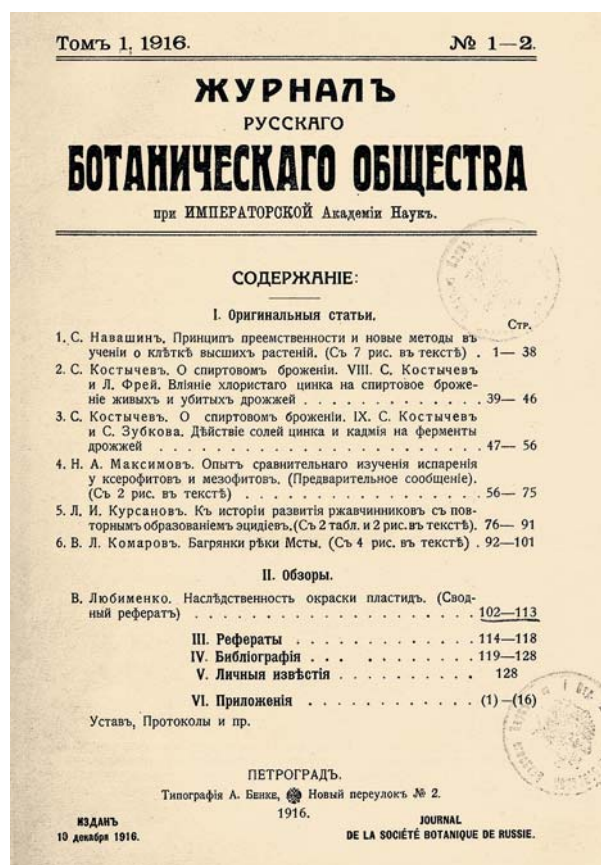
гах и брошюрах, статьях и лекциях оборонительный характер войны и необходимость разгрома вечных агрессоров — «немецких варваров» [3, с. 260–264]. В Библиотеке ИАН был создан «Архив войны», в котором концентрировались письма, открытки, карикатуры, лубочные картинки и другие свидетельства военного времени. Туда же поступали финансируемые ИАН сборы обрядовых причитаний при проводах рекрутов на войну, при похоронах погибших, молитвы и заговоры солдат, их письма, ладанки и т.д.

Российское научное сообщество солидаризировалось с правительством и включилось в интернациональную «войну умов» — обмен коллективными воззваниями интеллектуалов против устремлений противника путём его дискредитации и оправдания собственных правительств. Это проявилось в реакции на обращение «К культурному миру» 93 ведущих учёных и писателей Германии, которые обвинили Англию и Фран-

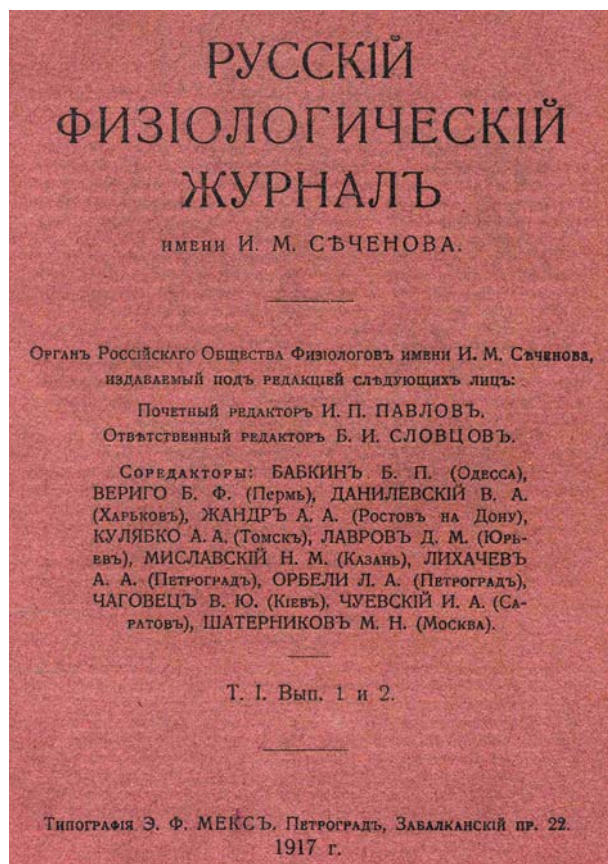
цию в союзе с варварской Россией, а немецкий милитаризм представили защитником европейских ценностей. Совет Петроградского университета и Общее собрание ИАН сохранили здравый смысл в шовинистическом угаре и дистанцировались от большей части университетской профессуры, призывавшей разорвать научные связи с учёными Центральных держав. 24 ноября 1914 г. учёные столичного университета, рассмотрев распоряжение Совета министров об очищении государственных учреждений от подданных неприятельских стран, ограничились исключением только Ф. фон Листа как подписавшего воззвание [13, с. 672–674]. Более года Общее собрание ИАН откладывало исполнение распоряжения правительства, и только в феврале 1916 г. после неоднократных напоминаний властей о патрио-

а

б

в

Рис. 2. а) Ежегодник Русского Палеонтологического общества. 1916. Т. 1. Обложка издания;
б) Журнал Русского ботанического общества. 1916. Т. 1. № 1–2. Обложка издания;
в) Русский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 1917. № 1–2. Тит. лист

тическом долге академиков и необходимости исполнять волю императора требуемое решение было принято, но далеко не единогласно. При этом академики «забыли» перечислить исключаемых и послать им соответствующие извещения, что лишало постановление юридической силы. Неудачная попытка правительства добиться единства по этому вопросу свидетельствует о разногласиях среди учёных, о сохранении ими оппозиционных настроений и о стремлении дистанцироваться от официальной политики.

Разрыв традиционных связей с Германией побуждал российских учёных к поиску новых форм самоидентификации. Отечественная наука жаждала стать самостоятельной и иметь собственные журна-

лы и профессиональные общества. Ориентация на русскоязычную науку соответствовала амбициям молодых учёных, поддержанных лидерами отечественной науки. В 1915–1917 гг. под их руководством были учреждены Русское ботаническое общество, Русское палеонтологическое общество, Русское физиологическое общество им. И.М.Сеченова со своими журналами (рис. 2). Война, закрыв привычные каналы для печатания русских работ за рубежом, обусловила создание примерно 10 первоклассных русскоязычных журналов, доживших до наших дней. Национальная самоидентификация пробуждала интерес к истории отечественной науки, которая становилась способом воспитания патриотизма, пробуждая чувство гордости за мировые достижения российских учёных. Этим целям служил проект «Русская наука» [14, с. 18–21].

Взамен утерянных связей с немецкими учёными предпринимались попытки установить тесные научные отношения с Англией и Францией. Многие учёные (П.Г.Виноградов, А.С.Лаппо-Данилевский, П.Н.Миллюков, М.И.Ростовцев, П.Б.Струве, Е.Н.Трубецкой и др.) видели в этом перспективу демократизации России и подчёркивали стратегический характер переориентации на сотрудничество с англо-французскими коллегами. Но вскоре возникла идея расширить сферу сотрудничества. 15 октября 1916 г. председателем академической Комиссии для установления более тесных отношений с Англией, Францией и другими союзными странами был назначен и.о. вице-президента ИАН А.П.Карпинский. В Комиссию пригласили также представителей университетов и учёных обществ Петрограда.

Комиссия должна была заняться обменом научной информацией и научными изданиями, взаимными командировками профессоров и молодых учёных, организацией совместных экспедиций и проектов, открытием Русского института в Париже и учреждением в Англии кафедр русского языка. Предполагали го-

Рис. 3. Великий кн. Константин Константинович. Портрет. 1915 г.

товить аналитические и библиографические данные о достижениях русской науки, выпускать на русском и французском языках периодические издания. В декабре 1916 г. Дж.Бьюкенен был избран почётным членом Петроградского университета [13, с. 680].

Под председательством чл.-корр. ИАН В.Т.Шевякова — товарища министра народного просвещения — было созвано Особое совещание по культурному сближению России с дружескими странами. Февральская революция отодвинула эти проблемы на второй план, хотя правительственные органы Англии, США и Франции в 1917 г. не раз обращались к руководству ИАН с призывами активизировать усилия в этом направлении.

Важным средством национальной самоидентификации стали усилия по спасению памятников науки и культуры. 29 ноября 1914 г. по инициативе академика А.А.Шахматова Общее собрание ИАН создало Комиссию об охране исто-

Рис. 4. Борис Борисович Голицын.
Фотография

рических памятников и научных коллекций в районе военных действий. Чл.-корр. Е.Ф.Шмурло был назначен уполномоченным по охране памятников в Галиции, Буковине и Польше. Специальную комиссию создали для спасения древностей Варшавы. Однако памятники гибли, так как армейское начальство препятствовало деятельности неподвластных ему уполномоченных, и ИАН не раз приходилось просить содействия у Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича (младшего). Позднее уполномоченным на Кавказском фронте стал академик Ф.И.Успенский. В работах по учёту памятников на оккупированных территориях Турции участвовали академики Н.Я.Марр и И.А.Орбели. Под председательством вел. кн. Константина Константиновича (рис. 3) планировалось в 1915 г. создать Комитет, который занялся бы описанием, охраной и поддержанием археологических памятников Цареграда (Стамбула) после «победоносного» завершения войны.

Для помощи правительству в устройстве послевоенного мира 4 февраля 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава во главе с С.Ф.Ольденбургом, которая должна была изучать воздействие войны на национальный состав областей по обе стороны российской границы.

Поворот к прикладным исследованиям «во имя победы»

Война заставила российских учёных больше внимания уделять прикладным исследованиям, имевшим оборонное значение [3, с. 264–265]. Никогда российская наука не была столь тесно связана с повседневными потребностями государства.

Традиционное сотрудничество Николаевской Главной физической обсерватории ИАН, возглавляемой до 1913 г. генералом флота М.А.Рыкачёвым, а затем бывшим гардемарином Б.Б.Голицыным (рис. 4), способствовало быстрой адаптации метеорологических, гидрологических и геофизических наблюдений к нуждам войны. Основное внимание отныне уделялось климатическим прогнозам в районах, важных для военных действий, особенно в сфере авиации и газовых атак. В декабре 1915 г. создали Главное военнометеорологическое управление под руководством Б.Б.Голицына. Он неоднократно выезжал в Ставку Верховного Главнокомандующего, руководил формированием и отправкой на фронт метеорологических станций. Академик М.А.Рыкачёв организовал метеорологическое обеспечение эскадры бомбардировщиков «Илья Муромец», созданных коллективом учёных, инженеров и конструкторов под руководством И.И.Сикорского. А.А.Фридман — автор концепции расширяющейся Вселенной — разработал новый метод бомбометания, превративший мирные аэропланы в оружие «дальнего прицела».

Необходимость преодоления зависимости российской оборонной промышленности от импорта требовала экстренных мер по созданию собственной химической промышленности. Благодаря про-

фессору Михайловской артиллерийской академии и Петроградского университета, генерал-лейтенанту, академику В.Н.Ипатьеву (рис. 5) в течение года (с февраля 1915 по февраль 1916 г.) удалось почти в 15 раз увеличить производство взрывчатки, наладив на 14 вновь созданных заводах отечественное производство бензола [15].

Схожие по объёму и сложности проблемы решались с производством других составляющих для боеприпасов и отравляющих веществ. В апреле 1916 г. при Главном артиллерийском управлении был образован Химический комитет по изысканию и заготовлению взрывчатых веществ, удушающих и зажигательных средств, возглавляемый В.Н.Ипатьевым. К 1917 г. ему подчинялось около 200 оборонных заводов (в том числе 70 вновь созданных). В его ведении находились не только вся химическая военная промышленность (от строительства новых заводов и поиска сырья до производства взрывчатых, отравляющих и лекарственных веществ), но и разработка способов химической войны, обучение войск противогазовым действиям и т.д. Ипатьев сразу оценил угольный противогаз Н.Д.Зелинского, директора Центральной лаборатории Министерства финансов и профессора Петроградского политехнического института, и наладил массовое производство средств защиты от газовых атак, что спасло тысячи солдат и сотни офицеров. В Комитете работали также академик Н.С.Курнаков и будущие академики В.Е.Тищенко, А.Е.Фаворский, А.Е.Чичибабин, А.А.Яковкин и др. Опытный завод, созданный в 1916 г. Военно-химическим комитетом Русского физико-химического общества при Петроградском университете, стал полигоном для отработки технологии производства химических веществ [13, с. 698–702]. Профессор Императорского Московского технического училища А.Е.Чичибабин возглавил городской комитет содействия фармацевтической промышленности, под патронажем которого разрабатывалась

Рис. 5. Владимир Николаевич Ипатьев.
Фотография из Санкт-Петербургского филиала
Архива РАН

технология производства аспирина, опия, морфия, кодеина, салола и фенацетина.

Благодаря химикам укрепился симбиоз фундаментальной науки с военными и властью. В.Н.Ипатьев стал личным докладчиком Николая II по вопросам науки. Химики доказали, что учёные способны быстро решать прикладные задачи, преодолевая косность чиновников и находя понятные для промышленников аргументы о выгоде внедрения новых технологий, важных для обороны страны.

Показательна и деятельность генерала флота, академика А.Н.Крылова (рис. 6) — консультанта Металлического, Балтийского, Адмиралтейского и Путиловского заводов по вопросам кораблестроения. В 1916 г. его назначили руководителем группы инспекторов Путиловского завода, срывавшего оборонные заказы. После проверки он стал председателем правительственного правления секвестрованного предприятия и в короткий срок обеспечил двукратное увеличение производ-

Рис. 6. Алексей Николаевич Крылов.
Портрет

ства орудий, снарядов и их ассортимента. Б.Б. Голицын, В.Н. Ипатьев. А.Н. Крылов, Н.С. Курнаков первыми показали, что академики могут быть эффективными менеджерами в промышленности.

Для содействия правительству в мобилизации науки и промышленности с середины 1915 г. по всей стране создавались Военно-промышленные комитеты. В их секции и подотделы (химические, металлургические, топливные, механические, автомобильно-авиационные и др.) входили учёные и конструкторы. Это укрепляло их связи с правительственными ведомствами, законодательными органами, земскими властями, промышленниками, военными и закладывало основы будущего ВПК, так как государство финансировало одобренные проекты. Значительный рост промышленного производства был достигнут в отраслях металлообработки, машиностроения и электротехники, благодаря чему выпуск аэропланов увеличился в 7,1 раз, авиационных моторов — в 12 раз, электромоторов и трансформа-

торов — в 1,7, радиоаппаратуры — почти в 7,5 раз [16, с. 187–188].

По предложению члена Русского астрономического общества Я.И. Перельмана в 1917 г. в России впервые было введено летнее время с целью экономии электроэнергии [17, с. 161–173].

Из комплексной оценки научно-технической хронографии в 1905–1917 гг. видно, что максимальное число научных публикаций, открывавших новые научные направления (первые испытания военной техники, принятой на вооружение; первый опыт её боевого применения в фортификации, военно-инженерном деле, связи, артиллерии, бронетехнике, флоте, авиации), пришлось на 1916 г. [18, с. 19–21]. Это свидетельствует о том, что война стимулировала отечественных учёных и изобретателей на поиск и внедрение нового вооружения.

Трудно переоценить роль учёных в решении проблем военной медицины. Почётный академик, принц А.П. Ольденбургский (рис. 7), будучи Верховным начальником Главного санитарно-эвакуационного управления, руководил противоэпидемическими мероприятиями, организовывал сбор лекарственных растений, испытания и производство лекарственных препаратов, внедрение рентгеновских аппаратов в полевую медицину. К медико-санитарному обслуживанию армии он привлёк ведущих биологов и медиков из Императорского Института экспериментальной медицины и Императорской Военно-медицинской академии (А.К. фон Анреп, А.А. Владимиров, С.К. Дзержговский, Д.К. Заболотный, С.М. Лукьянов и др.). В октябре 1914 — декабре 1916 г. в Большом конференц-зале Главного здания ИАН функционировал лазарет им. вел. кн. Константина Константиновича для раненых воинов, финансируемый за счёт частных пожертвований академиков. Такие же лазареты были созданы во многих университетах и вузах.

Для мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных про-

изводительных сил России (КЕПС), которая занималась обеспечением фронта и тыла стратегическим сырьём и продовольствием [1, с. 12–56]. В ней складывалась практика комплексных научных исследований, финансируемых разными правительственными учреждениями. На заседаниях КЕПС обсуждались также вопросы институционализации науки, планы создания сети исследовательских институтов и их программы. КЕПС, возглавляемая В.И.Вернадским (рис. 8, 9), старалась использовать военную обстановку для развития самой науки и способствовала подключению учёных разных специальностей и ведомств к мобилизации биологических ресурсов. Сфера деятельности была очень широкой: ликвидация дефицита дубильных веществ и лекарственных растений (Н.А.Буш, В.Л.Комаров, Н.И.Кузнецов, В.Н.Любименко), охрана природы и создание первых заповедников (И.П.Бородин, Г.Г.Доппельмаир, В.П.Семёнов-Тян-Шанский, Д.К.Соловьёв), улучшение рыбных и охотничьих промыслов (В.К.Бражников, В.И.Мейснер, А.А.Силантьев, А.С.Скориков, П.Ю.Шмидт). В решении этих проблем активно участвовали агрономы, животноводы, рыбоводы, охотоведы Учёного комитета Министерства земледелия.

Практически в каждом вузе создавались лаборатории и мастерские, в которых студенты под руководством преподавателей вели оборонные исследования или участвовали в выпуске военной продукции. Учёные выступали консультантами различных технических и военных учреждений. В связи с этим трудно согласиться с Т.Маурер, что война не внесла серьёзных перемен в структуру и деятельность российских университетов [19, с. 416]. Напротив, она в больших масштабах вовлекала в оборонные исследования университетскую науку, не говоря уже о науке в технических и медицинских институтах, что вело к превращению их в существенный компонент оборонного потенциала Империи.

Вместе с тем большинство учёных быстро поняли, что мобилизация науки

Рис. 7. Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932). Портрет

не может обеспечить победу. По всем показателям вооружения Россия продолжала существенно уступать Германии. Виной сохраняющегося разрыва была не технологическая и научная отсталость. Отсутствовал механизм быстрой трансляции военного заказа в проектирование и разработку технологий производства из-за отсутствия устоявшихся связей науки, инженерии, промышленности и армии как на персональном уровне, так и на уровне управленческих структур. К тому же война и инфляция разрушали материально-финансовую базу научных исследований. Поворот высшей школы к решению прикладных задач и политизация студенчества заставляли академиков выступать за создание сети научно-исследовательских институтов, субсидируемых государством, но управляемых учёными. Пропагандистом этой идеи стал В.И.Вернадский, доказывавший «невозможность и невыгодность постоянного соединения всей научной исследовательской работы с современной

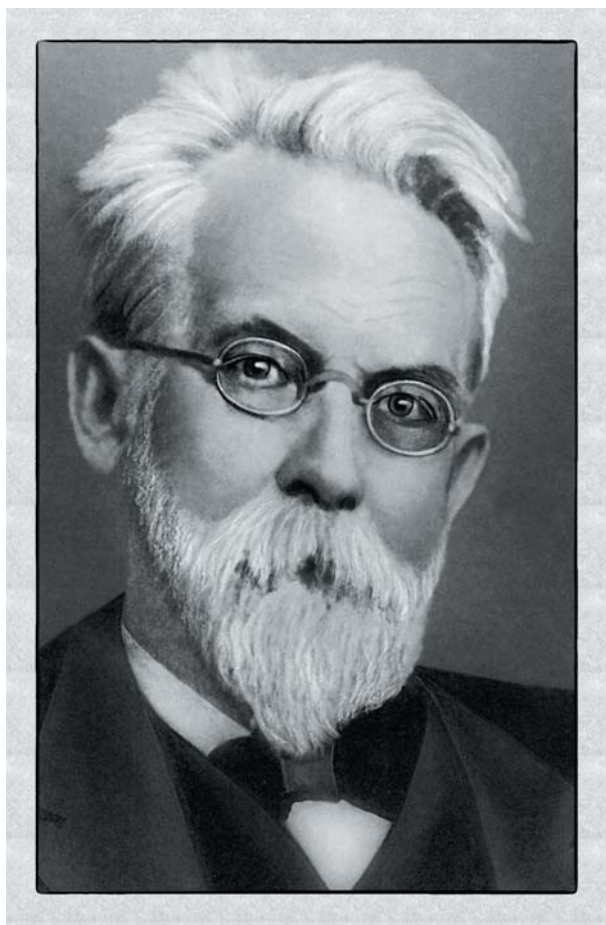

Рис. 8. Владимир Иванович Вернадский.
Портрет

высшей школой» [20, с. 29]. Вновь зазвучали слова о неразрывности науки и демократии. Надеясь на победу благодаря союзникам, учёные грезили о послевоенном устройстве мира как о союзе европейских стран, существующих в условиях всеобщего разоружения и высоких этических норм. Никто из них не сомневался в том, что будущее России зависит от использования научных знаний, и многие рассматривали себя в качестве экспертов послевоенных реформ.

Несбывшиеся надежды, но реализованные планы

С такими надеждами научное сообщество вошло в 1917 г., и большая его часть с тревогой наблюдала за волнениями, охватившими Петроград в конце февраля, понимая, сколь губительна революция во время войны [12, с. 378]. В отличие

от Советов Петроградского и Московского университетов, приветствовавших Временное правительство уже 3 и 5 марта, экстраординарное Общее собрание ИАН только 24 марта 1917 г. официально приняло извещение об отречении Николая II и одобрило приветствие новой власти, посланное А.П.Карпинским и С.Ф.Ольденбургом ещё 4 марта 1917 г. [21, с. 92]. В этот день проходило очередное Общее собрание ИАН, в протоколах которого нет никаких упоминаний о смене власти [21, с. 68–73], хотя, как известно из газет [22, с. 6], на нём обсуждалось это приветствие. Осторожные академики, по-видимому, решили не спешить с официальным заявлением, осознавая спорную легитимность новой власти. Тем не менее, воспользовавшись близостью к Временному правительству, в котором было много их единомышленников, учёные старались реализовать свои замыслы

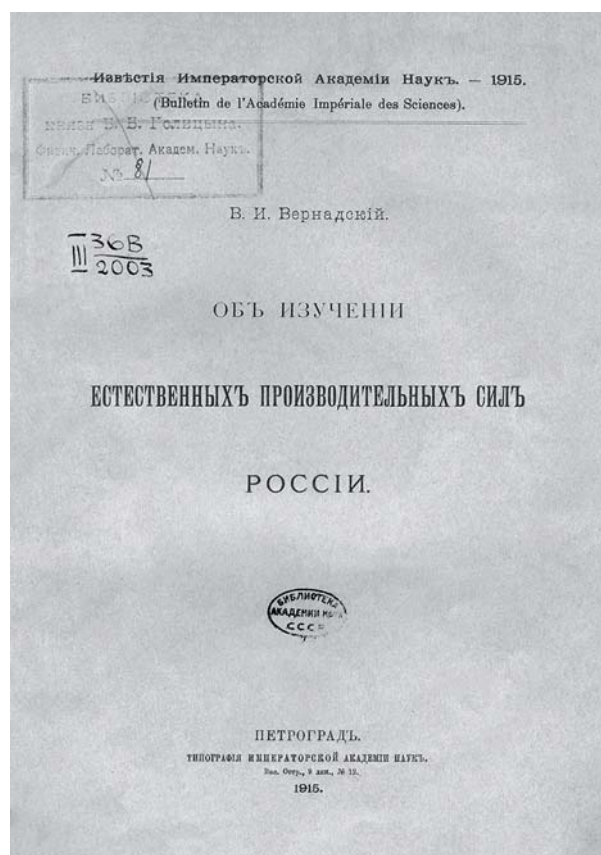

Рис. 9. Вернадский В.И. Об изучении естественных
производственных сил России.
Пг., 1915. Обложка издания

по реформированию и демократизации Академии наук и высшей школы, а также по созданию государственной сети научных институтов [4, с. 167–170]. Их первоначальным успехам способствовало то, что пост министра народного просвещения во Временном правительстве последовательно занимали их коллеги — А.А. Мануйлов, С.Ф. Ольденбург и С.С. Салзкин. Заместителем двух последних и руководителем Отдела высшей школы и организации научных учреждений с конца июля 1917 г. был главный идеолог реформы науки В.И. Вернадский.

Однако социально-политический и экономический кризис позволил лишь вынести на правительственный уровень обсуждение планов, разработанных учёными в годы Первой мировой войны. 25 октября 1917 г. власть снова сменилась, и перед ними встал вопрос уже не столько о мобилизации науки, сколько о её спасении [Там же, с. 170–172]. Тревога о будущем науки — лейтмотив речи С.Ф. Ольденбурга на Годичном собрании РАН 29 декабря 1917 г. Отметив, что «Россия стала на край гибели», он подчёркивал, что без учёных невозможно «никакое достойное человеческое существование» [23, с. 5] (рис. 10). Вице-президент РАН И.П. Бородин, проклиная 1917 год, погубивший Россию, считал единственно верным решение: «О политике лучше ничего не писать» [24, л. 39]. Срабатывал веками культивируемый образ науки, служащей государству и народу, но не вовлечённой в политику.

Первыми за сотрудничество с новой властью выступили те, кто в годы Первой мировой войны был связан с решением практических задач (И.П. Бородин, В.Н. Ипатьев, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, Н.С. Курнаков, В.А. Страхов и др.). Вскоре к ним присоединилась часть гуманитариев (А.М. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов), искавшая компромисс между своими общественно-политическими взглядами и представлениями о долге и большевистской трактовкой национальных интересов. Замена установ-

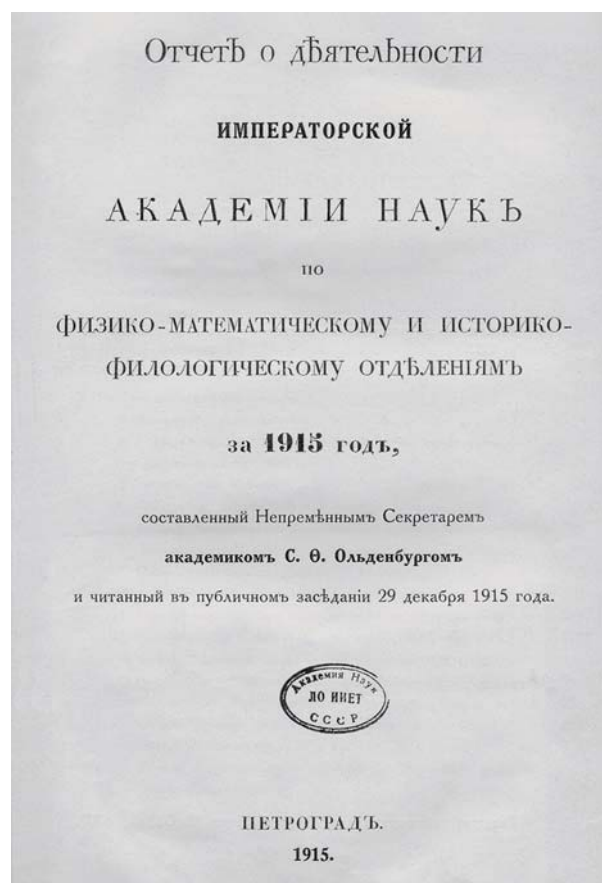

Рис. 10. Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1915 г. Пг., 1915. Обложка издания

ки «служения народу» установкой «служения государству» привела одних учёных к борьбе с большевиками как с узурпаторами и разрушителями России и в итоге к эмиграции, а других, напротив, к сотрудничеству с ними как с силой, способной восстановить целостность страны и сохранить науку [3, с. 267, 4. с. 172–175].

Оставшимся удалось убедить новую власть, что только наука обеспечит модернизацию страны. Тем самым они по существу использовали правительство большевиков в корпоративных интересах для реализации своих планов по институционализации, автономизации и реформированию науки. Как и предсказывал В.И. Вернадский в 1915 г., создание «сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов» после Первой мировой войны было признано не менее необходимым, «чем улучшение

условий нашей гражданской и политической жизни» [25, с. 76].

Опыт мобилизации науки, приобретённый научным сообществом в годы Первой мировой войны, был эффективно использован во время Великой Отечественной войны [26, с. 10–13]. В 1941–1945 гг. широкое хождение имела и риторика тех дней: «Всё во имя победы»;

«Защищая Отечество», «Война до победного конца», «Разгромим немецких гуннов-варваров» и т. д., без ссылок, однако, на её исторических предшественников. Как Первая мировая война предопределила дальнейшее развитие России, так и советская модель организации науки в значительной степени формировалась в 1914–1917 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999.
2. Трофимова Е.В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М.: Компания спутник, 2002.
3. Колчинский Э.И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации академической науки // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 3. С. 261–268.
4. Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 2. С. 166–176.
5. Наука, техника, общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Д. Байрау; ред.-сост. Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007.
6. Kolchinsky E.I. World War I and Transformation of the Imperial Academy of Sciences // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Bk 2: The Experience of War and Revolution. Bloomington: Slavica Publ., 2015. P. 173–200.
7. Tumanova A.S. Learned Societies in Russian during World War I: Creating a «Home Front» // Ibid. P. 107–135.
8. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
9. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. М.: Тип. В.Л. Саблина, 1909. С. 74–100.
10. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989.
11. Иванов А.Е. Российское научное сословие в годы Второй Отечественной войны (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
12. Todes D. Ivan Pavlov. A Russian Life in Science. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
13. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017.
14. Судьба проекта «Русская наука» / Отв. ред. Ю.М. Батулин, СПб.; М.: Перо, 2016.
15. Ipatieff V.N. The Life of a Chemist. Stanford; London: Stanford University Press, 1946.
16. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994.
17. Ермолаев А.И. Государственное регулирование суточного времени в России в XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 161–173.
18. Батулин Ю.М. Научно-техническая хронография Первой мировой войны // Наука и техника: Вопросы истории и теории. 2014. Вып. XXX. С. 15–22.
19. Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015.
20. Вернадский В.И., акад. Очерки и речи. Т. I. Пг.: Научхимтехиздат, 1922.
21. Протоколы Общего собрания Академии наук за 1917 г. (печатано как рукопись). 316 с. Библиотека РАН при СПбФ ИИЕТ РАН.

22. Хроника. В учебных заведениях // Новое время. 1917. № 14721. 8 марта. С. 6.
23. Отчёт о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарём академиком С.Ф.Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 года. Пг.: Тип. РАН, 1917.
24. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.125. Оп. 1. Д. 65.
25. Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждёт Россия от войны. Пг.: Прометей, 1915. С. 63–76.
26. Kolchinsky E.I. Innovation and National Systems: Science Mobilization in the Soviet Union // Socio Economic and Technological Innovation: Mechanisms and Institutions / Eds. K.Mandal, N.Asheulova, S.G.Kirdina. Deli: Narosa pub., 2014. P. 3–24.

ENGLISH

Mobilization and reorganization of Russian science and education during the World War I

Eduard Izrailevich Kolchinsky – Dr. Phil., Head of Department of History of Evolution Theory and Ecology at St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, head of project “Mobilization and reorganization of Russian science and education during the World War I” (15-03-00017a).

E-mail: ekolchinsky@yandex.ru

The article explores the impact of the World War I on motivation, structuring and self-identification of the Russian scientific community and its institutions. The transformation of scientific and educational institutions of Russia influenced by the World War I is analyzed as a process of creating a mobilization model of science organization and associated restructuring of the relationship between scientists, authorities and society.

The special attention is paid to the increasing role of the scientific community in provision of raw materials and rations to the front and rear, development of new weapons and military technologies, creation of new branches of the defense industry, and protection of monuments of science and culture. The project presents a holistic analysis of changes in research subjects, transformations of the ratio between applied and fundamental knowledge, natural sciences and humanities, the reinforcement of an image of science as a knowledge factory that became a basis for the plans of forming a network of scientific and research institutions.

Keywords: World War I, revolution, crisis, science, the Academy of Sciences, universities, government, mobilization, self-identification, institutionalization

REFERENCES

1. Kol'tsov A.V. Sozдание i deyatel'nost' Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii. 1915–1930 gg. SPb.: Nauka, 1999 (in Russian).
2. Trofimova E.V. Sozдание i deyatel'nost' Khimicheskogo komiteta pri Glavnom artilleriyskom upravlenii v gody Pervoy mirovoy voyny. M.: Kompaniya sputnik, 2002 (in Russian).
3. Kolchinskiy E.I. Pervaya mirovaya voyna i mobilizatsionnaya model' organizatsii akademicheskoy nauki // Vestnik RAN. 2015. T. 85. № 3. S. 261–268 (in Russian).

4. Kolchinskiy E.I. Akademiya nauk i russkie revolyutsii 1917 goda // Vestnik RAN. 2017. T. 87. № 2. S. 166–176 (in Russian).
5. Nauka, tekhnika, obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny / Otv. red. E.I. Kolchinskiy, D. Bayrau; red.-sost. Yu.A. Layus. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007 (in Russian).
6. Kolchinsky E.I. World War I and Transformation of the Imperial Academy of Sciences // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Vk 2: The Experience of War and Revolution. Bloomington: Slavica Publ., 2015. P. 173–200.
7. Tumanova A.S. Learned Societies in Russian during World War I: Creating a «Home Front» // Ibid. P. 107–135.
8. Petrov Yu.A. Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii // Rossiyskaya istoriya. 2017. № 2. S. 3–16 (in Russian).
9. Gershenzon M.O. Tvorcheskoe samosoznanie // Vekhi. M.: Tip. V.L. Sablina, 1909. S. 74–100 (in Russian).
10. Vernadskiy V.I. Nachalo i vechnost' zhizni. M.: Sovetskaya Rossiya, 1989 (in Russian).
11. Ivanov A.E. Rossiyskoe nauchnoe soslovie v gody Vtoroy Otechestvennoy voyny (oчерk grazhdanskoy psikhologii i patrioticheskoy deyatel'nosti) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1999. № 2. S. 108–127 (in Russian).
12. Todes D. Ivan Pavlov. A Russian Life in Science. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
13. Rostovtsev E.A. Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchyonoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). M.: ROSSPEN, 2017 (in Russian).
14. Sud'ba proekta «Russkaya nauka» / Otv. red. Yu.M. Baturin, SPb.; M.: Pero, 2016 (in Russian).
15. Ipatieff V.N. The Life of a Chemist. Stanford; London: Stanford University Press, 1946.
16. Kafengauz L.B. Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii. M.: Epifaniya, 1994 (in Russian).
17. Ermolaev A.I. Gosudarstvennoe regulirovanie sutochnogo vremeni v Rossii v XX v. // Rossiyskaya istoriya. 2016. № 5. S. 161–173 (in Russian).
18. Baturin Yu.M. Nauchno-tekhnicheskaya khronografiya Pervoy mirovoy voyny // Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii. 2014. Vyp. XXX. S. 15–22 (in Russian).
19. Maurer T. «Barometry» ili «mayaki» obshchestva? Izbrannyye stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov. M.: ROSSPEN, 2015 (in Russian).
20. Vernadskiy V.I., akad. Oчерki i rechi. T. I. Pg.: Nauchkhimtekhnizdat, 1922 (in Russian).
21. Protokoly Obshchego sobraniya Akademii nauk za 1917 g. (pechatano kak rukopis'). 316 s. Biblioteka RAN pri SPbF IET RAN (in Russian).
22. Khronika. V uchebnykh zavedeniyakh // Novoe vremya. 1917. № 14721. 8 marta. S. 6 (in Russian).
23. Otchyot o deyatel'nosti Rossiyskoy Akademii nauk po otdeleniyam Fiziko-matematicheskikh nauk i istoricheskikh nauk i filologii za 1917 god, sostavlennyy nepremennym sekretaryom akademikom S.F. Ol'denburgom i chitannyy v publichnom zasedanii 29 dekabrya 1917 goda. Pg.: Tip. RAN, 1917 (in Russian).
24. Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN. F.125. Op. 1. D. 65 (in Russian).
25. Vernadskiy V.I. Voyna i progress nauki // Chego zhdyot Rossiya ot voyny. Pg.: Prometey, 1915. S. 63–76 (in Russian).
26. Kolchinsky E.I. Innovation and National Systems: Science Mobilization in the Soviet Union // Socio Economic and Technological Innovation: Mechanisms and Institutions / Eds. K. Mandal, N. Asheulova, S.G. Kirdina. Deli: Narosa pub., 2014. P. 3–24.

УДК 16
ГРНТИ 02.21.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-77-87

**А.И. МИГУНОВ,
Е.Н. ЛИСАНЮК***

Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов

Для преодоления кризисной ситуации в области изучения аргументации была предложена логико-когнитивная теория аргументации – комплексная формализованная теория, включающая формализмы для моделирования аргументации различных видов, соответствующий понятийный аппарат и методологию использования в практике научных исследований.

Выделены три вида аргументации: теоретическая (два вида) и практическая. Теоретическая аргументация – это критическое обсуждение знаний и мнений агентов о фактах, нацеленное на обоснование некоторой позиции или на её изменение – убеждение. Практическая аргументация – это критическое обсуждение мнений о действиях, включающая, помимо утверждений о знаниях и мнениях, также утверждения недескриптивного характера о ценностях и намерениях агентов придерживаться некоей линии поведения.

Исследование аргументации должно фокусироваться на укрупнённых структурах, отражающих особенности критики и защиты позиций сторон. Атомарной единицей такого исследования выступает аргумент как умозаключение, а его молекулярные элементы – это аргументационная структура спора (фрейм), множества аргументов, выражающие позиции сторон, множества знаний и мнений агентов, выступающие основаниями для формирования позиций, линии поведения и т.д. В русле этого направления можно изучать как неотменяемые (дедуктивные), так и отменяемые рассуждения. Оценка эффективности аргументации можно осуществлять на основе процедурной семантики и при помощи аналогов таких логических понятий, как непротиворечивость и полнота. Классифицировать современные подходы к аргументации, включая претендующие на статус комплексных, можно двумя способами: на основе предметных и практических критериев.

Актуальность полученных результатов состоит в теоретической и методологической роли нового понятия «аргументация» и общего «зонтичного» термина «аргументация», позволяющего систематизировать многообразные исследовательские и образовательные подходы и концепции в данной области, и связана с коммуникативным характером современной общественной жизни, в которой эффективность и социальный успех опираются на аргументативно-нарративные компетенции.

* **Мигунов Анатолий Иванович** — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Аргументация в конкуренции современных исследовательских подходов» (14-03-00650a).

E-mail: miganat@mail.ru

Лисанюк Елена Николаевна — доктор философских наук, доцент кафедры логики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Ключевые слова: аргументация, отменяемые рассуждения, логика действий, деятельность, рациональные агенты, пересмотр убеждений, поведение, прагматика, риторика, диалог, коммуникация

Введение. Кризисная ситуация в исследованиях аргументации

Современная ситуация в исследовании аргументации характеризуется как кризисная. Этот кризис – системный и касается методологических оснований изучения аргументации как сложного феномена интеллектуальной и социально-коммуникативной жизни людей, а также методических приёмов её моделирования, оценки и порождения.

С одной стороны, ландшафт исследований аргументации отличается широтой концептуального охвата проблематики, глубиной традиции, уходящей корнями в античную диалектику, и многообразием подходов. Бурное развитие этой области знаний во второй половине XX в., когда сообщество исследователей аргументации стало насчитывать десятки учёных из разных стран, было опубликовано множество книг и статей, проведено большое количество влиятельных международных конференций, трудно расценить иначе, нежели как позитивный симптом скорейшего получения значимых результатов. Во многом благодаря этому внушительному росту теория аргументации сделала не только научной, но и востребованной учебной дисциплиной во многих университетах мира и стала неотъемлемой частью компетенций владения языковыми средствами выражения. Однако преждевременно было бы утверждать, что всё это дало какие-либо обобщающие или общепризнанные результаты, способные представить обоснованный ответ на вопрос о том, возможна ли теория аргументации вообще, и если да, то каков предмет её изучения. Напротив, одним из наиболее актуальных результатов этого впечатляющего роста и многообразия явились самые эти вопросы.

С другой стороны, благодаря такому росту и многообразию вопрос о предмете и методологических основаниях теории аргументации хотя и звучит настойчиво, но формулируется по-разному в русле наметившихся тенденций её исследований, подчас разнонаправленных. Например, в концепциях, трактующих аргументацию в познавательном ключе, считается, что она является самостоятельным видом интеллектуальной деятельности и важной проблемой выступает проведение границ между нею и другими видами познавательной деятельности, включая отмежевание от моделей, привычно тяготеющих к дедуктивно-логическим. В отличие от этого, стратегическое понимание аргументации видит в её убеждающем факторе инструмент социального влияния, поэтому здесь остро осознаётся необходимость инкорпорировать её в совокупность прочих методов и методик такого влияния, с тем чтобы представить в виде пакета практических приёмов.

Таким образом, кризисная ситуация в области исследований аргументации скорее фонтанирует смешением подходов и концепций, чем иссякает из-за недостаточной проработки её проблематики.

Перспективы преодоления кризиса

Аналитическое и критическое исследование сложившейся ситуации предполагает, *во-первых*, отталкивающуюся от осознания кризиса теории новую тематизацию феномена аргументации, *во-вторых*, критическое исследование применявшихся до сих пор в теории аргументации методов и подходов, *в-третьих*, формулирование концептуальных разграничений таких методов и подходов, *в-четвёртых*,

поиск ответа на вопрос об основаниях теории аргументации и природе исследуемого феномена. То, что сегодня принято называть теорией аргументации, это совокупность плохо дифференцированных подходов, междисциплинарный характер которых оказывает в большей степени негативное, нежели позитивное влияние. Архаичность и методологическая неопределённость многих построений маскируется под общую теорию, в то время как продуктивные для частных случаев методы остаются без теоретического обобщения. В частности, имеется ряд критериев, позволяющих отделить логические аспекты коммуникативных действий от рациональных оснований, на которых они базируются, и тем самым провести границу между аргументацией как видом деятельности и логическим анализом коммуникации как более широкой области исследований [1].

Сложившаяся кризисная ситуация в аргументации напоминает положение в логике в конце XIX — начале XX в. С одной стороны, различия в понимании её предмета между тремя традициями в логике — кантианской, британской и австрийской — маскировали само наличие кризиса. Однако, с другой стороны, конкуренция этих традиций способствовала бурному развитию логики в XX в. В кантианской (германской) традиции логика выступала частью теории познания, её трактовали как науку о формах мышления. Британская традиция усматривала предмет логики в исследовании рассуждения и используемого при этом языка; как следствие логика занималась формальными свойствами языка. Австрийская традиция видела в логике общую теорию научного метода, а её формальный характер понимала как обусловленный тем, что она имеет дело с формой предмета вообще [2].

Краеугольным камнем в основании нового взгляда на аргументацию выступает идея о том, что аргументацию можно и должно исследовать как агрегат хоро-

шо дифференцированных видов деятельности рациональных агентов. Основными видами аргументации являются в этом случае:

- а) *обоснование* (рис. 1) как анализ рассуждений с частичным или полным сохранением выделенного значения при переходе от одних множеств дескриптивных предложений к другим;

Рис. 1. Обоснование

- б) модификация эпистемических установок адресата в ходе *убеждения* (рис. 2) как речевой деятельности агента по поводу некоторого непустого множества дескриптивных предложений;

Рис. 2. Убеждение

- в) *делиберативное мотивирование* и побуждение к действию как *практическая аргументация* (рис. 3) — интеллектуальная деятельность одного агента, направленная на то, что-

бы обосновать поступок или убедить другого агента выполнить определённое действие.

Рис. 3. Практическая аргументация

Каждый из трёх видов аргументации — обоснование, убеждение и практическая аргументация — отличается в следующих четырёх аспектах:

- ◆ структурном — в том, какие элементы выступают атомарными и молекулярными единицами аргументации;
- ◆ процедурном — в том, каким образом и на основе каких правил агенты осуществляют её в диалоге;
- ◆ функциональном — в том, каким образом реализуется их диалог как аргументативный спор;
- ◆ нормативно-оценочном — в том, как производится оценка аргументов сторон и эффективности аргументации в целом.

Наглядно этот подход можно представить в виде следующей графической схемы (рис. 4).

Нет необходимости в том, чтобы моделирование и анализ аргументации в каждом из этих аспектов осуществлять на основе одних и тех же стандартов; напротив, было бы желательно, во-первых, диверсифицировать подобные стандарты и, во-вторых, рассматривать возможность их совместимости как отдельный проект [3]. Вместе с тем задача адекватного моделирования аргументации в нормативном

ключе подразумевает, что структурные элементы аргументации получают функциональную трактовку и играют хорошо определённую роль в нормативно-оценочном аспекте. В отличие от этого задача описательного моделирования аргументации фокусируется на структурном и процедурном аспектах и отводит двум другим аспектам вспомогательную роль.

Аргументацией справедливо называть любой из указанных видов деятельности (а)–(с), а также любую совокупность этих видов деятельности. Например, научная статья содержит аргументацию — обоснование некоторого содержательного положения теоретического характера, несмотря на то, было ли данное исследование фундаментальным или прикладным. В статье автор отстаивает свои выводы как состоятельные с точки зрения поддерживающих его позиции аргументов, которые, помимо поддержки, отклоняют контраргументацию — критику в адрес этих положений. Скажем, рассуждение князя Владимира о том, какую религию следует принять на Руси — иудейскую, магометанскую, католическую или православную, — это (практическая) аргументация того, как нужно поступить наилучшим образом [4]. Судебное решение представляет собой сочетание всех трёх видов аргументации: уточнение обстоятельств конфликта нацелено на обоснование истинности утверждений о наличии или отсутствии определённых фактов; уточнение позиций сторон подразумевает убеждение; мотивировочная часть решения судьи содержит практическую аргументацию того, почему было принято именно это решение, а не другое, и показывает, что аргументы, предъявленные в пользу последнего, оказались слабее, чем в пользу первого.

Такой методологический ход — превратить слово *аргументация* в «зонтичный» термин, под которым объединить различные аспекты аргументации посредством задания их специальных определений, — позволяет сделать две важные вещи. С одной стороны, отказаться от ограничений

предмета исследования, накладываемых устоявшимися формально-логическим, риторическим и лингво-прагматическим подходами к аргументации, в пользу комплексного видения аргументации как многопланового феномена, в котором они станут уровнями её анализа, открытыми для многофакторных методологических подходов. С другой стороны, отбросив результаты, полученные ранее с использованием имевшихся подходов, и обеспечив пространство для узкопредметного анализа, дать возможность для инкорпорирования новых методов анализа аргументации, доступных благодаря успехам когнитивной науки, программ искусственного интеллекта и т.д.

Традиционные для отечественных исследований логико-риторический и логи-

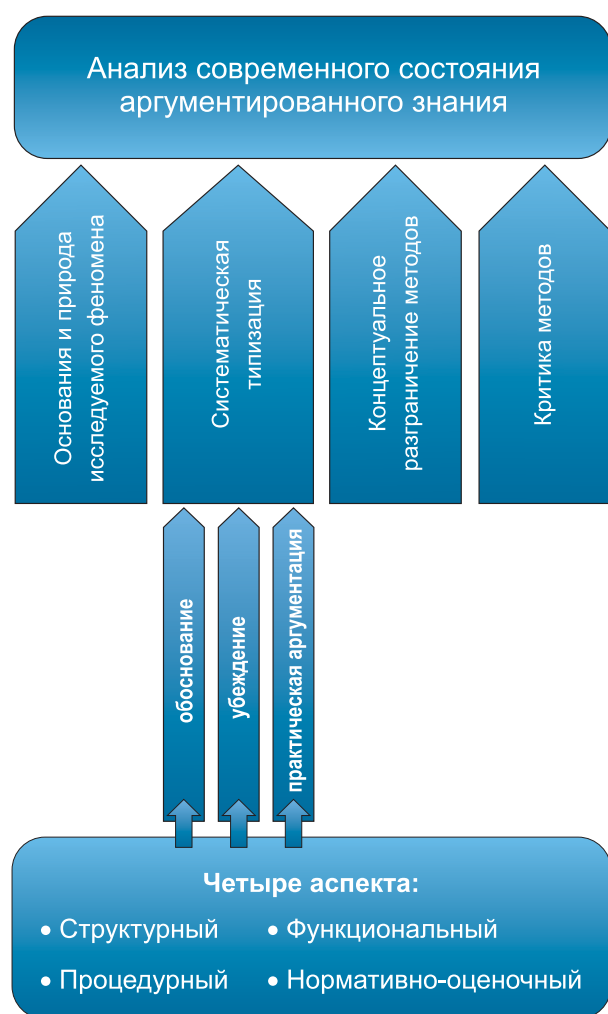

Рис. 4. Анализ современного состояния аргументативного знания

ко-прагматический взгляды на аргументацию кладут в основание логическую модель в структурном или функциональном смысле и надстраивают её дополнительными коммуникативными или речевыми элементами. Это позволяет существенным образом раздвинуть границы логического анализа и усилить выразительные возможности модели, но при этом появляется риск смешать оценку собственно аргументации с риторической приемлемостью или прагматической успешностью и эффективностью речи или диалога вообще [5, 6]. Новая тематизация предмета и объекта исследования аргументации — это попытка уточнить не какое-либо одно или несколько понятий аргументации, но сформулировать некий общий понятийный каркас для объединения многообразных определений аргументации по принципу общности исследуемого феномена [7].

Предметная и прикладная классификации концепций аргументации

Имеются два пути реализации такого плана — на основе двух корпусов критериев разграничения концепций аргументации, которые были положены в основание двух предлагаемых нами классификаций: предметной и практической. В русле первого из них центральной становится идея аргументации как интеллектуальной познавательной деятельности рациональных агентов, осуществляемой ими в ходе взаимодействия. Желательно включить в этот понятийный каркас ряд её аспектов, которые ранее считались хотя и значимыми, но не основными или вовсе вспомогательными, например элементы теории принятия решений как характеризующие (практическую) аргументацию о действиях; и поместить на периферию те аспекты, которые составляют предмет исследования других феноменов интеллектуальной деятельности людей, например социально-коммуникативные аспекты. Тогда при создании

формальных моделей риторическую или прагматическую приемлемость аргументов можно свести к неким абстрактным отношениям между ними, устанавливаемым в процессе диалога, как это делают в логиках аргументации или делали сторонники формальной диалектики. Тем самым предмет исследования аргументации будет отграничен от прагматических и риторических особенностей предъявления аргументов в речи, которые будут выступать в роли необходимых её условий, рассматриваемых по существу в рамках соответствующих наук отдельно от собственно исследования аргументации.

Во втором, практическом, русле характер и формы аргументации зависят от особенностей ситуаций, в которых осуществляются коммуникативные действия, и от способов языковой организации текстов, включающих аргументы различной природы. Можно выделить такие формы аргументации, как «открытая» (явная) и «скрытая» (косвенная): в некоторых случаях скрытая форма аргументации оказывается более эффективной, чем аргументация явная. Наличием неявных элементов аргументации можно объяснить трудности, возникающие при попытках логического анализа структуры аргументационных приёмов. Имеется ряд критериев, позволяющих отделить логические аспекты коммуникативных действий от рациональных оснований, на которых они базируются, и тем самым провести границу между аргументацией как видом деятельности и логическим анализом коммуникации как более широкой областью исследований [7].

В основе анализа аргументации в широком смысле — как особой формы взаимодействия субъектов рационального дискурса, не сводимого к процедурам убеждения, — должно лежать определённое понимание природы языка, в котором диалогичность и аргументативность выступают в качестве двух собственных аспектов речи как мысляще-

го слова. Несмотря на то, что во многих работах по теории аргументации риторика рассматривается как раздел общей теории аргументации наряду с логикой и диалектикой, отводить ей подобную роль в такой «трихотомии» аргументации не корректно. Это создает путаницу на уровне понятийного аппарата анализа аргументации и закрывает путь к выяснению действительной природы риторического искусства как искусства рождения и воспроизводства мысли в слове [8].

Наряду с тем, что в традиционной риторике нет чёткого различия между фигурами речи и аргументативными приёмами, и тем, что риторика традиционно толкуется как искусство убедительной речи, имеется также ряд особых причин аргументативной привлекательности некоторых фигур речи, в силу которых включение риторики в эту «трихотомию» столь распространено. Все они связаны с тем, что использование риторических топов включает весьма желательные в споре ассоциации с использованием корректных процедур рассуждения и модификации знаний [9, 10].

Сведение аргументации к исследованию языков взаимодействия (кодирования и декодирования), посредством которых она реализуется в диалоге, — одно из направлений её формально-прагматического исследования. Ветвящиеся во времени фреймы (ВТФ) для моделирования императивных действий обещания, просьбы или приказа можно конструировать при помощи операторов «исторической возможности» с квазидеонтической интерпретацией таких формул средствами семантики возможных миров с выделенными подмножествами текущего и будущего состояний (NEXT-семантики) [11]. Подобные формализмы имеют особое значение для моделирования (практической) аргументации о действиях [12]. Другой аспект исследования языков кодирования и декодирования аргументации в диалоге — это уточнение механизмов семантической интерпрета-

ции высказываний, выражающих знания и мнения агентов [13, 14].

Таким образом, новая тематизация предмета и объекта аргументации в историческом и теоретическом ракурсе во главу угла ставит дифференциацию понятия аргументации и формулирование совокупности её необходимых признаков, позволяющих объединить видовое многообразие аргументации под этим «зонтичным» термином.

Аспекты формализации аргументации

Предлагается различать теоретическую аргументацию как обсуждение фактического положения дел, реализуемое посредством утверждений дескриптивного характера, и практическую аргументацию о действиях, включающую, помимо таких утверждений, также намерения, желания и интенции агентов действовать тем или иным способом. В русле теоретической аргументации трактуется двояко: как обоснование, процедурный и нормативно-оценочный аспекты которого базируются на механизмах доверительной семантики, или как убеждение — многостороннее взаимодействие между позициями агентов диалога (спора), эффективность которого можно установить при помощи формализмов, основанных на скептической семантике. Оба семантических формализма носят процедурный характер и, несмотря на то, что происходят из немонотонной логики и нацелены на анализ отменяемых (модифицируемых) рассуждений, применимы также и для нужд неотменяемых рассуждений, включая дедуктивные [15, с. 60–62]. Теоретическая аргументация охватывает знания и мнения агентов, представленные в споре в их позициях посредством дескриптивных предложений. К *практической аргументации* относится её акциональная трактовка в смысле (с), когда в центре обсуждения находятся недекриптивные элементы позиций сторон, выражающие намерения, цели и ценно-

сти агентов, наряду с их знаниями и мнениями. Практическая аргументация мотивирует к определённому действию или отказу от него и с формальной точки зрения представляет собой моделируемое при помощи скептической семантики обобщение обоснования и убеждения [15, с. 288–295].

Важную роль в исследовании убеждения и практической аргументации играет моделирование профиля когнитивного агента спора и его модификации в ходе спора — это можно делать при помощи семейства динамических эпистемических логик. Для создания таких формализмов требуются классификация (когнитивных способностей) агентов [16] и процедурное понимание истинности (выделенных значений) [17], а также специальная семантика (ориентированная на нетривиальные случаи модификации контекстной информации в споре, знаний и мнений агентов), типология объектов понимания (например, в форме базы знаний или формальной онтологии) и особая операция обновления контекстуального множества, способная отбрасывать некоторые возможные миры, не отклоняя связанных с ними отношений достижимости миров, которые у агентов нет оснований отбросить. Контекстные факторы оказывают по меньшей мере двоякое влияние на интерпретацию высказываний об установках. С одной стороны, в контексте данной коммуникативной ситуации имеется множество высказываний, которые агенты считают истинными (Context Set); это множество (или некоторое его подмножество, актуальное в речевой ситуации) используется для вычисления контекстуальной эквивалентности высказываний, добавляемых к Context Set. С другой стороны, речевая ситуация устанавливает порог допустимой неточности, позволяющей произнести вместо буквально ложного высказывания p некоторое высказывание q , истинное в мирах, в достаточной мере подобных действитель-

ному. Эта мера и устанавливается контекстом [18].

Концепция абстрактных аргументационных структур П. Дунга открывает перспективу моделирования аргументации при помощи ключевого бинарного отношения атаки внутри аргументационной структуры, выражающего идею контраргумента, и двух производных от него отношений защиты и поддержки. Поддержка понимается как отсутствие атаки (критики), а защита — как составное тернарное линейное отношение атаки и контратаки, отклоняющей критику. Эти отношения могут иметь монотонную и немонотонную трактовку, вторая служит обобщением первой. Монотонные отношения аргументации содержательно излагаются в форме логической связи между тезисом и аргументами и моделируются при помощи дедуктивных формализмов. Центральную роль во взаимодействии аргументационных структур (агентов аргументации) играет конфликт, остальные формы — сомнение и несогласие — являются дефолтными. Аргументация о действиях нуждается в разработке особых аргументационных структур, атомарными элементами которых выступают не действия или высказывания о них, но стратегии — линии поведения агентов.

Важную роль при моделировании аргументации играют понятия аргументационного множества, аргументационной структуры, аргументативного спора и позиции агента спора как отличное от понятия аргументационной структуры спора. Разграничение упорядочения аргументов на уровне позиции агента и аргументационной структуры спора позволяет моделировать неотменяемые (дедуктивные) и отменяемые аргументы как используемые разными агентами в одном и том же аргументативном споре, но на его разных уровнях.

Заключение. Аргументация как «зонтичный» термин

Ключевой аспект предложенной идеи тематизации аргументации заключается в переходе от традиционных логико-риторического и прагматического подходов в исследовании аргументации к комплексному анализу аргументации как многопланового феномена на основе комплекса обновленных понятий аргументации, объединённых этим «зонтичным» термином. В частности, аргументацию можно трактовать двояко: как совокупность действий и как набор предметно различных практик аргументирования, которых имеется три: демонстративная, связанная с обоснованием, убеждающая, подразумевающая модификацию мнений агентов в ходе совместных рассуждений, и акциональная, нацеленная на обсуждение действий и лежащая между причинным объяснением и побуждением к действию. Для создания подобной «зонтичной» трактовки феномена аргументации необходимо агрегировать результаты из различных областей знания: логики, включая динамо-эпистемическую и прагма-деонтическую, лингвистики, когнитивной и компьютерной науки.

Актуальность такого подхода состоит в многоплановости феномена аргументации, который позволяет систематизировать исследовательские и образовательные стратегии в данной области. Социальный аспект его актуальности связан с коммуникативным характером современной общественной жизни, в которой эффективность и социальный успех опираются на аргументативно-нарративные компетенции и навыки презентации, включая самопрезентацию. В этом отношении предложенная систематизация подходов к аргументации будет способствовать обеспечению надлежащего теоретического фундамента для развития такого рода навыков и компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев С.С. Типы аргументации в науке // Философские науки. 2016. № 8. С. 86–90.
2. Черноскутов Ю.Ю. Основные подходы к пониманию предмета логики в европейской философии XIX века // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 185–207.
3. Лисанюк Е.Н. Модели аргументации, рассуждение, убеждение // РАЦИО.ru. 2016. Вып. 17 (2). С. 35–68. Доступно на: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3391/9565/> (дата обращения: 18 марта 2017 г.)
4. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 98–122.
5. Мигунов А.И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // Модели рассуждения – 4: Аргументация и риторика. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2011. С. 18–36.
6. Мигунов А.И. Логика и прагматика дискурса // Логико-философские штудии. Вып. 8. СПб., 2010. С. 20–30
7. Гусев С.С. Культура невозможного: смена познавательных ориентаций // Философские науки. 2014. № 6. С. 81–91.
8. Мигунов А.И. Логика, диалектика, аргументация, риторика: коннотации и корреляции // Логико-философские штудии. 2016. № 14. С. 184–201.
9. Микиртумов И.Б. Риторический топ в структурах языка и восприятия // Логико-философские штудии. СПб, 2015. № 13. С. 101–117.
10. Микиртумов И.Б. Риторика религиозного текста и формирование риторики Нового времени // РАЦИО.ru. 2016. № 17 (1) С. 76–114. Доступно на: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3150/8843/> (дата обращения 18 марта 2017).
11. Карпов Г.В. Делегирование обязательства и авторитетные отношения агентов в логике действий // Логико-философские штудии. СПб, 2017, № 15 (1) (в печати).
12. Карпов Г.В. NEXТ-семантика для императивных действий // Рацио.ru. 2016. № 17 (2). С. 17–34. Доступно на: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/0d6/Karpov_NEXT.pdf (дата обращения: 18 марта 2017 г.).
13. Тискин Д.Б. К формальной семантике высказываний о распределённых пропозициональных установках // Структурная и прикладная лингвистика. 2015. № 11. С. 271–282.
14. Тискин Д.Б. Aspects of Naming and Names of Aspects // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб., 2016. Сер. 17. № 4. С. 75–84.
15. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.
16. Павлова А.М. Logical Aspects of the Diversity of Agents // Логико-философские штудии. СПб., 2016. № 13 (2). С. 129–130. Доступно на: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/415/420> (дата обращения: 18 марта 2017 г.).
17. Павлова А.М. Истинность в диалоговой логике и теоретико-игровой семантике (GTS) // Логические исследования. 2015. Т. 21 № 2. С. 107–133.
18. Барышева О.И., Нечитайлов Ю.В. О возможности предвкушения удивления на примере парадокса яйцо-сюрприз // Логико-философские штудии. СПб., 2016. Т. 13. № 2. с. 235–245. Доступно на: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/download/475/476> (дата обращения 18 марта 2017 г.).

ENGLISH

Argumentation theory: competition between modern research approaches

Anatoliy Ivanovich Migunov – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Logic at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University; head of project “Argumentation in the competition between modern research approaches” (14-03-00650a).

E-mail: miganat@mail.ru

Elena Nikolaevna Lisanyuk – Dr. Phil., Docent; Associated Professor of the Department of Logic at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, executor of the above project (14-03-00650a).

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

To overcome the crisis in the sphere of argumentation studies, the project proposes a logical-cognitive concept of argumentation which is a compound formalized theory that includes formalisms for modeling argumentation of different types, a relevant conceptual framework and a methodology for the use of scientific research in the practice.

Three types of argumentation are defined: theoretical (two types) and practical. Theoretical argumentation is a critical discussion of the agents' knowledge and opinions about facts aimed to substantiate a certain view or to change it – i.e. persuasion. Practical argumentation is a critical discussion of opinions about actions which includes, in addition to the statements about knowledge and opinions, statements of a non-descriptive nature about the agents' values and intentions to adhere to a certain line of behavior.

The study of argumentation needs to focus on the large structures that reflect specifics of the criticism and defense of the positions of the parties. An atom unit of such study is the argument as a statement of reason, while its molecular elements are the argumentative structure of a dispute (frame), a multitude of arguments that express the parties' positions, a multitude of the agents' knowledge and opinions that act as the bases for the formation of positions, lines of behavior, etc. Within the framework of this trend, both indefeasible (deductive) and defeasible argumentations can be studied. The argumentation effectiveness can be assessed based on the procedural semantics and using analogues of such logical notions as consistency and completeness. Modern approaches to the argumentation, including those claiming the compound status, can be classified using two methods: based on the substantive and practical criteria.

Importance of the research outcomes amounts to the theoretical and methodological role of the new conception of argumentation and the general “umbrella” term argumentation that allows systematizing the manifold research and educational approaches and concepts in this field and is associated with communicative nature of modern social life where efficiency and social success rely on argumentative and narrative competences.

Keywords: argumentation, defeasible reasoning, logic of actions, activities, rational agents, belief revision, behavior, pragmatics, rhetorics, dialogue, communication

REFERENCES

1. Gusev S.S. Tipy argumentatsii v nauke // Filosofskie nauki. 2016. № 8. S. 86–90 (in Russian).
2. Chernoskutov Yu.Yu. Osnovnye podkhody k ponimaniyu predmeta logiki v evropeyskoy filosofii XIX veka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2015. № 2 (30). S. 185–207 (in Russian).

3. Lisanyuk E.N. Modeli argumentatsii, rassuzhdenie, ubezhdenie // RATIO.ru. 2016. Vyp. 17 (2). S. 35–68. Dostupno na: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3391/9565/> (data obrashcheniya: 18 marta 2017 g.) (in Russian).
4. Povest' vremennykh let // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. M., 1978. S. 98–122 (in Russian).
5. Migunov A.I. Sootnoshenie ritoricheskikh i argumentativnykh aspektov diskursa // Modeli rassuzhdeniya — 4: Argumentatsiya i ritorika. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2011. S. 18–36 (in Russian).
6. Migunov A.I. Logika i pragmatika diskursa // Logiko-filosofskie shtudii. Vyp. 8. SPb., 2010. S. 20–30 (in Russian).
7. Gusev S.S. Kul'tura nevozmozhnogo: smena poznavatel'nykh orientatsiy // Filosofskie nauki. 2014. № 6. S. 81–91 (in Russian).
8. Migunov A.I. Logika, dialektika, argumentatsiya, ritorika: konnotatsii i korrelyatsii // Logiko-filosofskie shtudii. 2016. № 14. S. 184–201 (in Russian).
9. Mikirtumov I.B. Ritoricheskiy top v strukturakh yazyka i vospriyatiya // Logiko-filosofskie shtudii. SPb, 2015. № 13. S. 101–117 (in Russian).
10. Mikirtumov I.B. Ritorika religioznogo teksta i formirovanie ritoriki Novogo vremeni // RATIO.ru. 2016. № 17 (1) S. 76–114. Dostupno na: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3150/8843/> (data obrashcheniya: 18 marta 2017) (in Russian).
11. Karpov G.V. Delegirovanie obyazatel'stva i avtoritetnye otnosheniya agentov v logike deystviy // Logiko-filosofskie shtudii. SPb, 2017, № 15 (1) (v pechati) (in Russian).
12. Karpov G.V. NEXT-semantika dlya imperativnykh deystviy // Ratsio.ru. 2016. № 17 (2). S. 17–34. Dostupno na: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/0d6/Karpov_NEXT.pdf (data obrashcheniya: 18 marta 2017 g.) (in Russian).
13. Tiskin D.B. K formal'noy semantike vyskazyvaniy o raspredelyonnykh propozitsional'nykh ustanovkakh // Strukturnaya i prikladnaya lingvistika. 2015. № 11. S. 271–282 (in Russian).
14. Tiskin D.B. Aspects of Naming and Names of Aspects // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. SPb., 2016. Ser. 17. № 4. S. 75–84.
15. Lisanyuk E.N. Argumentatsiya i ubezhdenie. SPb.: Nauka, 2015 (in Russian).
16. Pavlova A.M. Logical Aspects of the Diversity of Agents // Logiko-filosofskie shtudii. SPb., 2016. № 13 (2). S. 129–130. Dostupno na: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/415/420> (data obrashcheniya: 18 marta 2017 g.).
17. Pavlova A.M. Istinnost' v dialogovoy logike i teoretiko-igrovoy semantike (GTS) // Logicheskie issledovaniya. 2015. T. 21 № 2. S. 107–133 (in Russian).
18. Barysheva O.I., Nechitaylov Yu.V. O vozmozhnosti predvkusheniya udivleniya na primere paradoksa yaytso-syurpriz // Logiko-filosofskie shtudii. SPb., 2016. T. 13. № 2. s. 235–245. Dostupno na: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/download/475/476> (data obrashcheniya: 18 marta 2017 g.) (in Russian).

УДК 314.55
ГРНТИ 04.51.67

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-88-96

**Е.Г. ЛАКТЮХИНА,
Г.В. АНТОНОВ***

Влияние опыта развода на брачно-семейные установки

В статье предложен сравнительный анализ брачно-семейных установок двух категорий демографически активного населения современной России: (1) лиц, не имеющих опыта развода, и (2) тех, кто уже пережил один или несколько раз официальное расторжение брака. Эмпирической базой выступили данные авторского анкетного опроса, проведённого по репрезентативной выборке в Волгограде и Волгоградской области в 2015–2016 гг. Анализ проводился по следующим базовым эмпирическим индикаторам: оптимальный (по мнению респондентов) возраст вступления в первый брак, частота упоминания респондентами брачно-семейных статусов в процессе описания ими собственного социально-демографического «портрета», легитимные причины развода и ряд других.

Выявлено, что при достаточно сильных традиционных брачно-семейных установках восприятие брачных норм корректируется в случае появления в жизненном курсе индивида «ненормативного» события, каким является развод. В то же время восприятие стабильности брака менее вариативно и не зависит от социально-демографических характеристик опрошенных, в том числе от наличия/отсутствия опыта расторжения брака. Наиболее «сильным» фактором, влияющим на изменение брачно-семейных установок, является возраст. С возрастом (и, как следствие, с накоплением опыта) снижается значимость большинства основных факторов, способных удержать от развода, в связи с чем повышается риск такого события.

Ключевые слова: институт брака, брачность и разводимость, брачно-семейные установки, брачное и постбрачное поведение

В течение 2015–2016 гг. авторы настоящей статьи провели социологическое исследование, направленное на всестороннее изучение поведения среднестатистического индиви-

да на рынке повторных браков, а также факторов, его обуславливающих. Ключевым этапом данного исследования выступила серия массовых анкетных опросов по репрезентативной выборке сре-

* **Лактюхина Елена Геннадьевна** — кандидат социологических наук, доцент Волгоградского государственного университета, руководитель проекта «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России» (15-13-34002a/B).
E-mail: laktuchina@mail.ru

Антонов Георгий Вячеславович — кандидат социологических наук, доцент Волгоградского государственного университета, исполнитель того же проекта.
E-mail: antonovgv@mail.ru

ди категорий населения активного брачного возраста. Все опросы проводились на территории Волгограда и Волгоградской области, общий объём выборочной совокупности составил 1061 человек, тип выборки – случайная многоступенчатая, предельная ошибка выборки (доверительный интервал) не превышает 5% при уровне доверия 0,95.

Одна из задач проводимого исследования – сравнительный анализ брачно-семейных установок двух принципиально различных с точки зрения предмета исследования категорий демографически активного населения современной России: к первой относятся лица, имеющие опыт развода, ко второй – не имеющие подобного опыта. При этом не учитывалось, состоят ли в браке в настоящее время представители указанных категорий населения.

Одним из базовых эмпирических индикаторов, демонстрирующих характер, направленность и интенсивность текущих брачно-семейных установок населения, является оптимальный по мнению респондентов возраст вступления в первый брак. Этот возраст правомерно рассматривать в качестве разделяемой боль-

шинством населения социальной нормы, которая во многом отражает текущее состояние и эффективность функционирования как брачного рынка, так и института брака в целом [1–3]. В табл. 1 представлены базовые статистические показатели распределения мнений респондентов относительно оптимального возраста вступления в первый брак.

Очевидно, что социально одобряемый возраст вступления в первый брак примерно на 3–3,5 года выше для мужчин, чем для женщин, но при этом и для тех, и для других он является в целом достаточно низким. Это однозначно является позитивной тенденцией, так как свидетельствует о чётких положительных установках большинства демографически активного населения на вступление в брак и создание собственной семьи. Данная тенденция особенно заметна на фоне прямо противоположных тенденций в большинстве стран Запада, где этот возраст уже несколько десятилетий назад «перешагнул» отметку в 30 лет. Графически оптимальное (по мнению опрошенных) распределение возраста вступления в первый брак для женщин и мужчин отображено на рис. 1.

Таблица 1

Оптимальный, по мнению респондентов, возраст вступления в первый брак, лет

Базовые статистические показатели	Среднее арифметическое	Мода (% случаев)	Медиана	Минимум–максимум	50%-ный интервал «квартиль–квартиль»	80%-ный интервал «дециль–дециль»
Для женщин	23,03	25 (20,74%)	23	18–30	21,5–25	20–25
Для мужчин	26,41	25 (26,01%)	26	19–40	25–28	23–30

Таблица 2

Частота упоминания респондентами брачно-семейного статуса при описании собственного социально-демографического «портрета», число статусов

Базовые статистические показатели	Средняя арифметическая	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум–максимум	50%-ный интервал «квартиль–квартиль»	80%-ный интервал «дециль–дециль»
Не разводились	1,31	1,00	1	0–6	1–2	0–3
Разводились	2,29	1,73	2	0–9	1–3	1–5

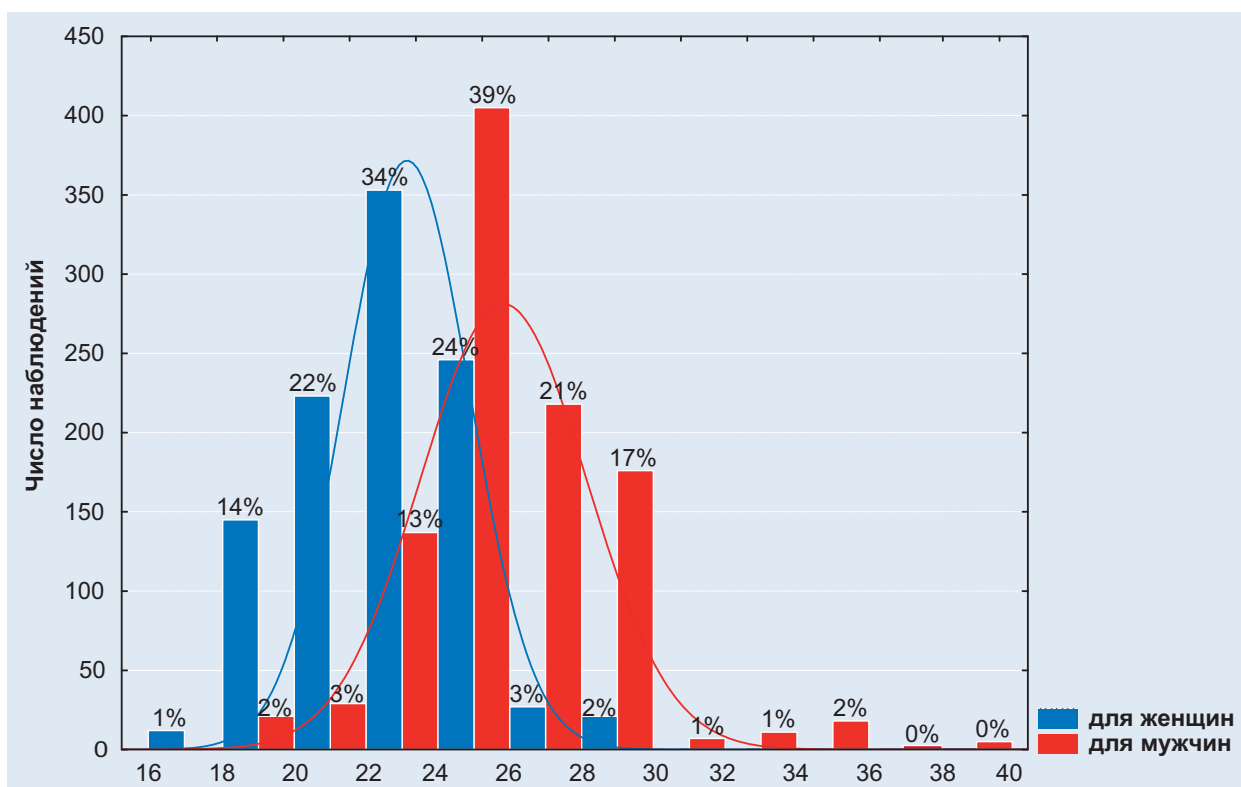

Рис. 1. Оптимальное, по мнению респондентов, распределение возраста вступления в первый брак для женщин и мужчин

Распределение мнений относительно возраста вступления в первый брак не зависит от пола, возраста, уровня образования и дохода, брачно-семейного статуса респондентов, а также от того, имеют ли они опыт расторжения официального брака (статистически значимые различия присутствуют, но не носят принципиального характера). Это прямо указывает на то, что социальные нормы, касающиеся основ брачно-семейного поведения, под воздействием которых формируются соответствующие установки, остаются в неизменном виде на протяжении нескольких десятилетий. Они являются достаточно устойчивыми и не зависят от текущей социально-экономической или политической ситуации, а также от социально-демографических характеристик индивидов, их реализующих [4].

Следующим базовым эмпирическим индикатором, характеризующим брачно-семейные установки индивидов, представляется частота упоминания респондентами собственных брачно-семейных

статусов в процессе описания ими своего социально-демографического «портрета». Например, описание «директор школы, жена, мать троих детей, русская...» содержит два таких статуса (жена, мать), а описание «пенсионер, ветеран войны, футбольный болельщик, коммунист...» — ни одного. В табл. 2 представлены базовые статистические показатели, отражающие сравнительную частоту упоминания собственных брачно-семейных статусов респондентами, имевшими ранее опыт расторжения брака и не имевшими такового.

Хорошо заметно, что разведённые гораздо чаще называют в ответах брачно-семейные статусы, чем те, кто не имеет опыта развода (если сравнивать средние арифметические значения, то в 1,75 раза чаще). Объяснением может служить, во-первых, то, что нередко субъективная ценность брака повышается после его распада [5–7], а во-вторых, средний возраст разведившихся несколько выше, следовательно, в семейном жизненном курсе по-

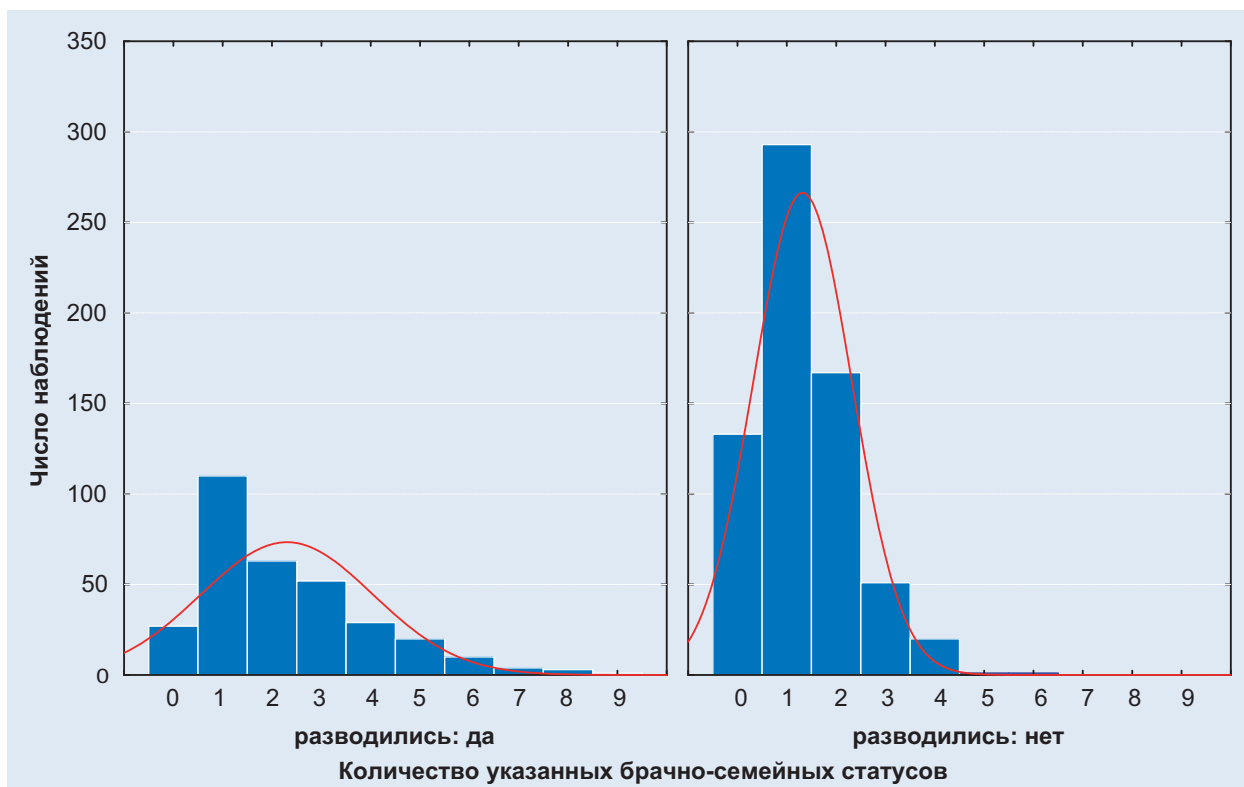

Рис. 2. Число указанных респондентами брачно-семейных статусов

является гораздо больше событий [8, 9]. Графически распределение частоты упоминания брачно-семейных статусов респондентов двух групп подробно отображено на рис. 2.

На рис. 2 заметно, что если среди не разведившихся число тех, кто назвал больше двух брачно-семейных статусов невелико (высота столбцов после отметки «2» резко убывает), то среди разведённых количество назвавших три и более таких статуса снижается сравнительно медленно (а высота соответствующих столбцов после отметки «2» уменьшается плавно). Иначе говоря, заметно большее численное значение средней арифметической, а также некоторых других статистических показателей числа названных брачно-семейных статусов среди разведённых достигается именно за счёт существенно большего удельного веса среди них тех, кто назвал три и более разных брачно-семейных статусов, что однозначно свидетельствует о высокой важности для них соответ-

ствующего типа межличностных отношений (табл. 3).

В табл. 3 представлены средние арифметические значения числа брачно-семейных статусов, указанных респондентами в ответе на вопрос об их социально-демографическом портрете. Данные дифференцированы по полу и наличию в прошлом у респондента опыта расторжения брака. Так, наименьшее число брачно-семейных статусов в среднем называют мужчины, не имеющие опыта развода, а наибольшее — разведённые женщины. Численные значения коэффициента в нижней строке получены путём деления значений у женщин на значения у мужчин, а в крайнем правом столбце — путём деления значений первой группы (с опытом развода) на значения второй (без такого опыта). Следовательно, не разведившиеся женщины в 1,26 раза чаще называют брачно-семейные статусы по сравнению с не разведившимися мужчинами, а разведённые женщины по сравнению с разведёнными мужчинами — толь-

Таблица 3

Средние арифметические значения числа указанных брачно-семейных статусов разными подгруппами респондентов (пол — наличие/отсутствие опыта развода) с коэффициентами, отражающими отношения средних по группам

Категория опрошенных	В целом по выборке	Не развоились	Развоились	Коэффициент
Мужчины	1,38	1,12	2,12	1,89
Женщины	1,72	1,41	2,37	1,68
Коэффициент	1,25	1,26	1,12	—

ко в 1,12 раза. Это значит, что для разведённых и мужчин, и женщин значимость брачно-семейной сферы и соответствующих отношений в целом повышается после расторжения брака, но для мужчин она повышается заметно больше: в 1,89 раза для мужчин и лишь в 1,68 раза для женщин (см. значения в крайнем правом столбце табл. 3). Это может быть объяснено тем, что поведение мужчин на брачном рынке после развода гораздо более активно, а количество их брачных статусов увеличивается [10, 11].

Практически нет различий в мнениях респондентов по поводу того, от чего зависит стабильность брака (причём нет таких различий как между разведёнными и лицами без опыта развода, так и между мужчинами и женщинами), а также по целому ряду других социально-демографических характеристик (таких как возраст, образование, доход и т.д.). Однако отметим, что подавляющее большинство значимых факторов стабильности брака относятся к так называемым субъективным (например, чувство любви друг к другу, взаимное уважение, взаимная помощь и поддержка и т.п.).

При этом выявлены значительные различия в мнениях по поводу отдельных факторов, способных удержать от расторжения брака, среди выделенных групп. Среди таких факторов необходимо в первую очередь назвать наличие общих детей, чувство любви друг к другу и несогласие супруга(и) расторгнуть брак. Значимость каждого из них существенно

выше для тех, кто не имеет опыт развода по сравнению с разведёнными. Кроме того, важно отметить, что среди разведённых удельный вес тех, кого от развода не могло бы удержать ничего, в несколько раз превышает таковой у не разведившихся (почти 14% против 2,5%). Полный перечень факторов, способных по мнению респондентов удержать от расторжения брака, представлен в табл. 4.

Заметно, что, помимо уже перечисленных выше факторов, несколько более значимыми для не разведившихся, по сравнению с разведёнными, представляются такие факторы, как вмешательство родственников/друзей/знакомых, религиозные соображения, устранение причины развода и боязнь осуждения со стороны окружающих. Кроме того, удельный вес затруднившихся ответить на данный вопрос более чем в два раза выше среди разведённых. Но при этом сам по себе факт наличия/отсутствия опыта развода лишь частично является самостоятельным факторным признаком по отношению к значимости для респондентов перечисленных выше факторов, способных удержать от расторжения брака. Вариация этой значимости в существенной степени определяется через ещё одну факторную переменную — возраст. Возрастом опрошенных статистически значимо обусловлена и вероятность того, что в прошлом уже был опыт развода, и отношение к тем или иным факторам, способным удержать от расторжения брака.

Рассмотрим выявленные зависимости на примере такого фактора, как наличие общих детей. Как следует из данных табл. 4, его значимость почти вдвое больше для не разведившихся по сравнению с разведёнными. Однако описанные выше зависимости проявляются так, что чем старше респондент, тем несколько больше вероятность, что он когда-то разводился – коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ) составил 0,33 при $p = 0,00$ (используем непараметрический аналог линейного коэффициента парной корреляции Пирсона, так как один из признаков – значимость рассматриваемого фактора – измерен по ранговой шкале), но при этом с возрастом значимость этого фактора несколько падает: $\rho = -0,15$ при $p = 0,00$. Численные значения базовых статистических показателей, описывающих рассматриваемые зависимости, представлены в табл. 5 и 6.

Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что разведённые в среднем примерно на 8 лет старше, чем не разведившиеся.

Считающие значимым наличие общих детей в качестве фактора, способно-

го удержать от расторжения брака, в целом примерно на 5 лет младше (если судить по всем представленным в табл. 6 статистическим показателям, а не только по средней арифметической или медиане) по сравнению с теми, для кого такой фактор не значим.

В общем всё это означает, что возраст определяет и наличие/отсутствие опыта развода (примерно на 10,9% – соответствующее значение коэффициента корреляции возводим в квадрат), и значимость данного фактора (на 2,3%), так что прямое влияние наличия/отсутствия опыта развода на такую значимость ($\rho = -0,35$ при $p = 0,00$ или 12,3%) следует скорректировать на так называемую общность, то есть долю вариации, которая является общей для всех переменных, включённых в анализ. Расчёт регрессионных уравнений показывает, что реальное влияние наличия опыта развода на значимость рассмотренного в данном примере фактора составляет всего 0,9%, что соответствует значению коэффициента корреляции (без учёта знака), примерно равному 0,095.

Таблица 4

Сравнительная значимость факторов, способных удержать от расторжения брака, %*

Факторы	Категория опрошенных	
	Не разведившиеся ни разу	Разведённые
Наличие общих детей	74,58	39,51
Материальные соображения	10,96	10,94
Вмешательство родственников, друзей или знакомых	14,89	6,38
Религиозные соображения	7,16	5,47
Чувство любви друг к другу	65,73	44,07
Несогласие супруга(и) расторгнуть брак	15,73	8,51
Боязнь одиночества	10,67	10,64
Устранение причины развода	48,17	41,64
Боязнь осуждения со стороны окружающих	3,93	1,22
Иное	1,26	2,43
Ничего	2,53	13,98
Затрудняюсь ответить	1,97	5,78

* Сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать любое число вариантов ответа.

Этот пример типичен. Значимость всех остальных факторов, способных удерживать от расторжения брака и перечисленных в табл. 4, также в первую очередь обусловлена не наличием/отсутствием опыта развода, а возрастом, который в основном и определяет вариацию того и другого (из всех включённых нами в анализ социально-демографических характеристик респондентов: пол, образование, доход и ряд других). Следовательно, с возрастом снижается значимость большинства основных факторов, способных удерживать от развода (и, как следствие, повышается вероятность этого события), в то время как отношение к факторам, определяющим стабильность брака, не зависит от социально-демографических характеристик опрошенных, в том числе от наличия/отсутствия опыта расторжения брака. Но при этом такой опыт определяет в глазах демографически активного населения значимость собственно брака и брачно-семейных отношений в том смысле, что пережитое в прошлом событие развода стимулирует индивида в большей степени «ценить» данные отношения, что особенно характерно для мужчин.

Сравнительный анализ брачно-семейных установок двух категорий населения (имеющие опыт развода и не имеющие такового) обнаруживает «сильные» установки брачности, относительную стабильность ценности семьи. Однако события жизненного курса индивида отражаются на реализации этих брачно-семейных установок, причём аналогичные тенденции обнаруживаются и за рубежом [12, 13]. Полученные данные свидетельствуют о том, что среди россиян сильна установка на сохранение семьи ради детей, однако она полностью не реализуется, наличие детей зачастую лишь откладывает распад брака, увеличивает период от осознания проблемы до окончательного принятия решения о разводе. Следовательно, довольно сильная установка на сохранение брака ради детей всё же «проигрывает» установке на развод, что подтверждают и результаты аналогичных исследований [14, 15]. Очевидно, что траектории жизненного курса заставляют респондентов согласовывать свои представления о норме с событиями собственной биографии.

Таблица 5

Базовые статистические показатели, демонстрирующие связь наличия/отсутствия опыта развода с возрастом, лет

Базовые статистические показатели	Средняя арифметическая	Стандартное отклонение	Медиана	50%-ный интервал «квартиль-квартиль»	80%-ный интервал «дециль-дециль»
Разводились	39,43	10,17	39	32–47	26–53
Не разводились	31,85	12,85	27	22–41	19–51

Таблица 6

Базовые статистические показатели, демонстрирующие связь значимости наличия общих детей в качестве фактора, способного удержать от развода, с возрастом, лет

Базовые статистические показатели	Средняя арифметическая	Стандартное отклонение	Медиана	50%-ный интервал «квартиль-квартиль»	80%-ный интервал «дециль-дециль»
Не значимый	36,06	11,63	35	26–43	22–52
Значимый	32,99	12,98	28	22–42	19–52

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130.
2. Барашкова А.С. Когортный анализ поведения населения на брачном рынке // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15. С. 27–32.
3. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
4. Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150.
5. Meggiolaro S., Ongaro F. Repartnering after marital dissolution: Does context play a role? // Demographic Research. 2008. № 19. P. 1913–1934.
6. Vanassche S., Corijn M., Matthijs K. Post-divorce family trajectories of men and women in Flanders // Demographic Research, 2015. № 32. P. 859–872.
7. Dickert-Conlin S., Meghea C. The Effect of Social Security on Divorce and Remarriage Behavior. Boston: Center for Retirement Research Working Paper, 2004.
8. Trost J. LAT relationships now and in future // Matthijs K. The family: Contemporary perspectives and challenges. Leuven: Leuven University Press, 1998. P. 209–222.
9. Schneller D.P. After the Breakup: Adult Perceptions and Expectations of Post-Divorce intimate Relationships. Virginia Polytechnic Institute and State University, 2001.
10. Wang H., Amato P.R. Predictors of divorce adjustment: Stressors, resources, and definitions // Journal of Marriage and the Family. 2000. № 62. P. 655–669.
11. Messinger L. Remarriage between divorced people with children from previous marriages: A proposal for preparation for remarriage // Journal of Marriage and Family Counseling. 1976. № 2. P. 193–200.
12. Elder G.H. Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches / G.H. Elder, J.Z. Giele. NY, 1998.
13. Bengtson V.L., Allen, K.R. The life course perspective applied to families over time / Family theories and methods: a contextual approach. NY, 1993.
14. Carrere S. Predicting marital stability and divorce in newlywed couples // Journal of Family Psychology. 2000. Vol. 14. № 1. P. 42–58.
15. Синельников А.Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–38.

ENGLISH

Impact of the divorce experience on the marital and family mindsets

Elena Gennadievna Laktyukhina – Candidate of Social Sciences, Associate Professor at Volgograd State University, head of project “Post-marital practices, structure and functioning of the market of remarriages in modern Russia” (15-13-34002a/B).

E-mail: laktuchina@mail.ru

Georgy Vyacheslavovich Antonov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor at Volgograd State University, executor of the above project.

E-mail: antonovgv@mail.ru

The article presents a comparative analysis of marital and family mindsets of two categories of the demographically active population of modern Russia: (1) individuals that have no experience of a divorce and (2) those who have already experienced one or more official termination of a marriage. The empirical base of the analysis is the data of the author’s questionnaire sur-

vey conducted by representative sampling in Volgograd and Volgograd Region in 2015–2016. The analysis was made on the following basic empiric indicators: optimal (from the viewpoint of the respondents) age for the first marriage, frequency of mentioning marital and family statuses as the respondents describe their own social and demographic “portrait”, legitimate causes of a divorce and a number of others.

It is found that, in the case of sufficiently strong traditional marital and family mindsets, perception of marital norms is adjusted, if an “abnormal” event (such as a divorce) occurs in the individual's life course. At the same time, perception of the marriage stability is less variable and does not depend on the social and demographic characteristics of the respondents, including the presence/absence of a marriage termination experience. The “strongest” factor that affects the change of the marital and family mindsets is age. With age (and, consequently, experience accumulation), importance of the majority of main factors capable of preventing the individual from a divorce decreases and, therefore, the risk of such event increases.

Keywords: institution of marriage, marriage and divorce rates, marital and family mindsets, marital and post-marital behavior

REFERENCES

1. Gol'tsova E.V., Leshchenko Ya.A. Faktory sotsial'noy sredy kak determinanty brachnosti i rozhdaiemosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 2. S. 125–130 (in Russian).
2. Barashkova A.S. Kogortnyy analiz povedeniya naseleniya na brachnom rynke // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2011. № 15. S. 27–32 (in Russian).
3. Arkhangel'skiy V.N. Reproduktivnoe i brachnoe povedenie // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 2. S. 129–136 (in Russian).
4. Antonov A.I. Sovremennye demograficheskie tendentsii i analiticheskie prognozy, problemy semeyno-demograficheskoy politiki v sotsial'nom gosudarstve // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2010. № 4. S. 134–150 (in Russian).
5. Meggiolaro S., Ongaro F. Repartnering after marital dissolution: Does context play a role? // Demographic Research. 2008. № 19. R. 1913–1934.
6. Vanassche S., Corijn M., Matthijs K. Postdivorce family trajectories of men and women in Flanders // Demographic Research, 2015. № 32. R. 859–872.
7. Dickert-Conlin S., Meghea C. The Effect of Social Security on Divorce and Remarriage Behavior. Boston: Center for Retirement Research Working Paper, 2004.
8. Trost J. LAT relationships now and in future // Matthijs K. The family: Contemporary perspectives and challenges. Leuven: Leuven University Press, 1998. P. 209–222.
9. Schneller D.P. After the Breakup: Adult Perceptions and Expectations of Post-Divorce intimate Relationships. Virginia Polytechnic Institute and State University, 2001.
10. Wang H., Amato P.R. Predictors of divorce adjustment: Stressors, resources, and definitions // Journal of Marriage and the Family. 2000. № 62. R. 655–669.
11. Messinger L. Remarriage between divorced people with children from previous marriages: A proposal for preparation for remarriage // Journal of Marriage and Family Counseling. 1976. № 2. R. 193–200.
12. Elder G.H. Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches / G.H. Elder, J.Z. Giele. NY, 1998.
13. Bengtson V.L., Allen, K.R. The life course perspective applied to families over time / Family theories and methods: a contextual approach. NY, 1993.
14. Carrere S. Predicting marital stability and divorce in newlywed couples // Journal of Family Psychology. 2000. Vol. 14. № 1. R. 42–58.
15. Sinel'nikov A.B. Sotsial'no odobryaemye prichiny razvoda v proshlom i nastoyashchem // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992. № 2. S. 27–38 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**А.М. ЛЮБОМУДРОВ*****К 100-летию реформы
правописания. Судьба русского
языка в публикациях журнала
«Народоправство»**

УДК 811.161.1+821.161.1+930.85

ГРНТИ 16.21.31, 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-97-110

Работа, приуроченная к 100-летию реформы русского правописания, посвящена истории борьбы за национальные культурные ценности в эпоху революционной ломки. В центре исследования — публикации 1917 г. в журнале «Народоправство», до сих пор остававшиеся вне поля зрения учёных. Это статьи «Судьба языка» Д. Аркина, «Обязательная неграмотность» Н. Досекина и «Наш язык» Б. Зайцева. Обращение к этим текстам позволяет уточнить особенности языкового сознания российского общества, внести дополнительные штрихи в картину культурно-исторического процесса начала XX в. Авторы статей, осознавая угрозу уничтожения культурного слоя, выступают против нарастающих негативных тенденций в языке, предлагают пути очищения русской речи, возвращения ей жизненности и силы. Центральный пункт полемики — орфографическая реформа, начатая Временным правительством и жёстко внедрённая большевиками. Рассмотрены аргументы против нового правописания, главный из которых — разрыв с многовековым достоянием народа.

В работу включён обзор выступлений писателей и творческих деятелей, пытавшихся, вслед за «Народоправством», добиться отмены реформы в первый год советской власти, а также приведены оценки традиционной орфографии в русском зарубежье и современном научном дискурсе.

Ключевые слова: Д.Е. Аркин, Н.В. Досекин, Б.К. Зайцев, русская литература, русский язык, речь, орфографическая реформа, правописание, алфавит, искусство, культурные ценности, русская революция, 1917 год

Сто лет назад, в эпоху революции, в России происходила грандиозная по своим масштабам ломка традиционной культуры. Многие художники, писатели, критики, публицисты активно включились в борьбу за сбереже-

ние национальных ценностей, оказавшихся под угрозой в результате падения царской власти. Главнейшей среди них была русская речь. Одним из острых пунктов полемики стала орфографическая реформа. В годы советской вла-

* **Любомудров Алексей Маркович** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), руководитель проекта «Неопубликованное наследие классиков русского литературного зарубежья» (15-04-00102а).
E-mail: anketaspb@yandex.ru

Рис. 1. Титульная страница еженедельника «Народоправство»

сти прогрессивный характер реформы не подвергался сомнению, а её противники были заклеены как сторонники царизма и «белоэмигранты». Но правда истории в том, что в годы проведения реформы (1917–1918) против неё единодушно выступили отнюдь не политики, а выдающиеся художники слова и творческие деятели. Важно понять, какие мнения и аргументы они приводили. Для этого обратимся к журналу московской интеллигенции «Народоправство» (рис. 1). Именно на его страницах появились самые яркие выступления в защиту русского слова – и устной речи, и письменности. Эти статьи на целое столетие оказались забытыми, выпали из научного оборота историков и филологов. Между тем обращение к ним, несомненно, внесет дополнительные штрихи в общую картину культурно-исторических процессов, затронувших Россию в эпоху революций 1917 г.

Еженедельник «Народоправство» выходил с июня 1917 по февраль 1918 г., его

издавало редакционное бюро Московской просветительской комиссии при временном комитете Государственной думы. Главным редактором был Г.И. Чулков. В журнале печатались московские учёные, философы, критики, а также именитые литераторы: А.Толстой, Г.Чулков, Вл.Ходасевич, А.Ремизов, Вяч. Иванов, М.Пришвин, Ив.Новиков, Бор. Зайцев. На страницах еженедельника обсуждались последствия революции, вопросы государственного и культурного строительства новой России [1]. Исследователи так определяют общественно-политическое лицо издания: журнал «выглядит явно правее центра и осмеливается утверждать такое чуть ли не табуированное тогда понятие, как национальное чувство» [2].

Нерадение о слове — признак общего духовного обнищания

Автор статьи «Судьба языка», напечатанной в номере от 1 сентября 1917 г., Давид Ефимович Аркин (1899–1957) (рис. 2) впоследствии стал известным советским художественным критиком, историком

архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В 1917 г. ему было 18 лет, он только что перешёл на второй курс Московского университета. Пафос его статьи – сбережение языка как главной «родовой драгоценности народа». В качестве эпиграфа он выбрал стихотворение И.А.Бунина «Слово» (1915):

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья..
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.*

По мысли Аркина, главная опасность, грозящая русскому слову, – прагматизм. Вышедшее из тьмы «хамское и звериное» намеревается приспособить язык к своим нуждам. «Прислушайтесь к говору улиц и площадей, к речам сходок, к каждодневным, обыденным разговорам: какая страшная бедность словаря, какое убожество словесных образов, какая грубая невнимательность к правильности и чистоте языка, какое нерадение о слове!»; «бедность языка есть лишь первый и самый яркий признак общего духовного обнищания» [3, с. 8, 9]. Автор отмечает прямую зависимость языка от самосознания:

«Судьбы национального сознания нераздельны с судьбами языка; утрата национального сознания (сказавшаяся, в настоящее время, так ярко и выразившаяся, между прочим, в подмене реальности, – национальной идеи – фикцией, идеей “интернационала”), есть утрата <...> *языкосознания*. Напротив, чаемое возрождение национального сознания будет неизбежно сопряжено с возрождением слова, языка» [3, с. 8–9] (здесь и далее курсив автора. – А.Л.).

«Болезнь языка» затронула не только «низы», но и образованный слой. Истоки Аркин усматривает в петровском време-

Рис. 2. Д.Е. Аркин

ни, когда оформился роковой для России отрыв интеллигенции от народа, который привёл к разобщению культур, глухой стеной отделил одну часть от другой. С той поры «народ» и «интеллигенция» заговорили на разных языках и в переносном, и в буквальном смысле. Теперь настало время стереть эту межу.

Заканчивается статья Аркина призывом к напряжённой творческой работе в области языка. Язык – следствие духовно-нравственного устройства общества, поэтому, справедливо полагает Аркин, его очищение «может свершиться лишь через обретение в себе творческих энергий, лишь через очищение нашей собственной души» [3, с. 9]. Здесь первую роль должны сыграть люди творческого духа. Идеальный русский язык автор предлагает искать в поэзии: облагородить обыденную речь, вернуть ей жизненность и силу – это дело прежде всего тех, кто обладает «творческими потенциалами» [3, с. 9].

Статья, написанная молодым человеком ещё до октябрьских событий, в целом оптимистична, исполнена надежд: «возможно, великой трагедии суждено завершиться благодатным *очищением души*, — это очищение будет, вместе, и обретением в себе слова живого» [3, с. 9]. Несмотря на наивность и утопичность прогнозов, диагноз языковым процессам автор поставил точно. Спустя несколько лет тезаурус части советских граждан сократился до словаря ильфовской Элочки.

От кириллицы — к «мануйлице»

Если в устной речи реформатирование языковых норм происходило стихийно, то в речи письменной оно вводилось государственными циркулярами. Реформе правописания посвящены статьи Н.В.Досекина «Обязательная неграмотность» и Бориса Зайцева «Наш язык». Обе они опубликованы в номере «Народоправства» от 7 декабря 1917 г.

История реформы, её причины, проведение и последствия рассмотрены в ряде работ [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Стоит напомнить, что реформа готовилась задолго до революции: она обсуждалась в Орфографической подкомиссии при Императорской Академии наук под председательством А.А.Шахматова, созданной в 1904 г. и включавшей видных лингвистов — они-то и подготовили проект упрощения правописания. С самого начала обсуждения проекта российское общество разделилось: реформу поддерживали учёные-филологи, преподаватели школ, но резко возражали писатели и критики, они рассматривали традиционную орфографию как неприкосновенное национальное достояние.

В императорской России реформа была приостановлена, но Временное правительство, не мешкая, взялось за её реализацию: 11 мая 1917 г. было утверждено «Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания» [11] (в нём перечислялись все изменения); вслед за тем циркуляры министра народного просвеще-

ния А.А.Мануйлова от 17 мая и 22 июня предписали попечителям учебных округов перевести школы на новое письмо. По имени министра новая орфография получила ироническое название «мануйлица».

Суть реформы состояла в устранении букв ъ, ѳ, і (заменяемых соответственно е, ф, и), а также твёрдого знака в конце слов; унификации окончаний для именительного и винительного падежей множественного числа всех родов (*добрѣя дѣла* — *добрые дела*, *синія рѣки* — *синие реки*), замене окончаний *-аго*, *-яго* (*новаго* — *нового*, *ранняго* — *раннего*), замене словоформ женского рода *ея* на *её*, *онѣ* на *они*, замене *з на с* в приставках перед глухими согласными (*безполезно* — *бесполезно*) и в некоторых других изменениях [11]. Такое упрощение привело, в частности, к исчезновению различий в начертании ряда омонимов: *есть* (существует) и *ѣсть* (принимать пищу), *мирѣ* (покой, тишина) и *мірѣ* (вселенная) и т.п. [7; 8; 9].

Аргументы противников реформы носили, однако, не только лингвистический, но и культурно-исторический характер. Голоса протеста вновь раздались со стороны творческой интеллигенции: М.С.Шагинян в иронической заметке «Тяп да ляп» отмечала, что реформа принята лишь «для облегченья учеников приготовительного класса», «ей удастся много запутать и многому повредить», прежде всего как раз «делу народного просвещения». Автора заметки удручали общественные настроения в учительской среде, в которой смешивали политику с орфографией, букву *ять* — с царским режимом; по мнению писательницы, изгоняемая *ять* как раз «значительно упрощала» чтение. Вывод: «Ни научного, ни бытового оправдания реформе нет» [12]. Вас. Розанов в «Новом времени» писал о несвоевременности и нигилизме преобразований, когда в угоду ученикам вносится «ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка» [13].

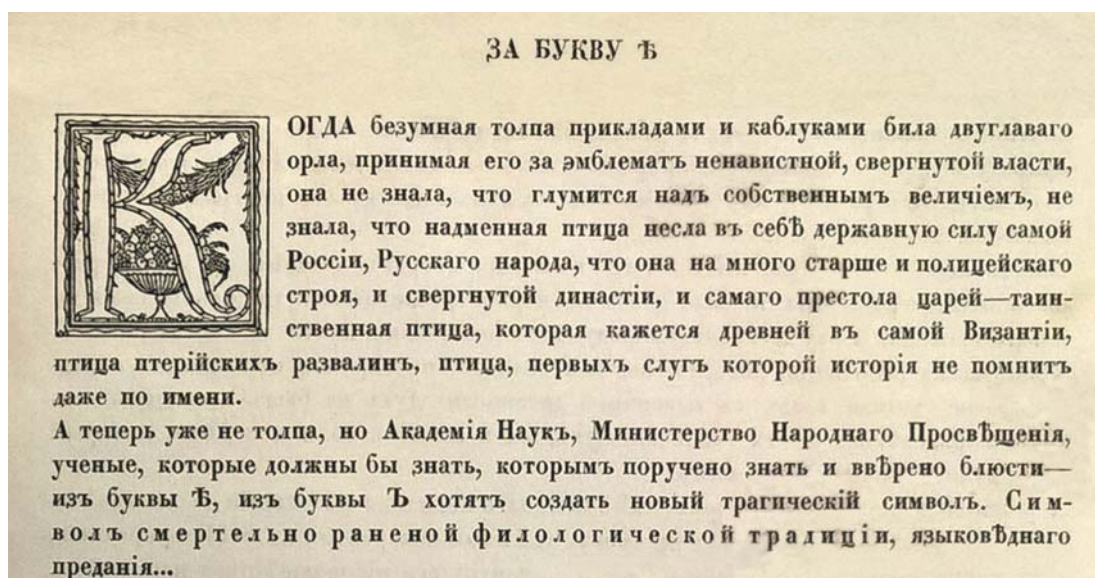

Рис. 3. Начало статьи В.А. Чудовского («Аполлон». 1917. № 4–5)

С настоящим манифестом в защиту традиционного письма выступил журнал «Аполлон»: в апрельско-майской книжке 1917 г. в качестве передовицы была напечатана статья поэта и искусствоведа В.А.Чудовского «За букву ъ» (рис. 3). Реформу он рассматривал в мистико-философском контексте как посягающую на «наследие веков» и наносящую смертельную рану филологической традиции. «Язык — религия; правописание — святой обряд её». Буква ъ есть «символ языковедного предания», и убийство этого символа станет убийством сути. Люди, у которых отняли ъ, «не дойдут до Пушкина. Они застрянут на площадных брошюрках. Не станут искать те, у кого отнято чувство сокровенного» [14, с. VI–VII]. (Подробнее о культуроохранительной позиции журнала «Аполлон» см.: [15].)

Вернёмся к журналу «Народоправство». Его авторы спустя полгода после выхода циркуляров о введении «мануилицы» возобновили полемику с адептами новой письменности и призвали к отмене министерских решений. Историко-культурный казус: уже в наступившую советскую эпоху авторы выступают против пунктов «упрощения русского правописания», принятых ещё Временным правительством, — за две недели до их под-

тверждения правительством большевиков (23 декабря 1917 г. нарком просвещения А.В.Луначарский издал декрет о переходе на новое письмо, повторяющий пункты майского постановления).

«Русский язык есть наше достояние, наше богатство»

Автор первой статьи, Николай Васильевич Досекин (1863–1935) (рис. 4) — живописец-пейзажист, скульптор, сценограф, член Товарищества передвижных художественных выставок, соучредитель Союза русских художников. Отмечая «всеобщее несочувствие реформе», автор последовательно и логично предьявляет претензии к реформе и выдвигает аргументы против неё:

1. Эстетическая несостоятельность: «мы до конца дней осуждены на отравленное чтение».
2. Неуместность и несвоевременность: в эпоху революции и мировой войны, неразрешённых социальных и политических проблем всё грамотное общество вынуждено «переучиваться и заниматься орфографическими упражнениями».
3. Несостоятельна апелляция к тому, что новые правила выработаны учёными-филологами, академиками: «Фило-

Рис. 4. Н.В. Досекин

логия есть наука историческая и не может диктовать свои требования языку».

4. Решение принято лишь ради «практического удобства безграмотной и полуграмотной России», академики выдали карт-бланш учителям: «делайте, как хотите; нам решительно всё равно, что вы сделаете из русского языка, так как *охранять его не стоит*» (курсив автора. — А.Л.).
5. Предъявлен упрёк и самим учителям, которые в массе поддержали новое письмо: реформа сделана исключительно для нужд низшей школы и «вырублена с топорной прямолинейностью».
6. «Самое утверждение, что существующее правописание чрезмерно трудно для русского школьника, признаёт этого школьника принадлежащим к низшей расе, чем дети наших союзников Франции и Англии, где правописание представляет трудности без сравнения большие, чем у нас» [16, с. 9, 10].

Н.В. Досекин призывал к активному протесту против нововведений, к защи-

те отечественной культуры: «Русский язык есть наше достояние, наше богатство и мы не должны допустить расхищать его ни академиком, ни учителям низшей школы» [16, с. 10]. Вывод: «Комиссия, составленная из одних только филологов, учёных и педагогов, не должна быть признана правомочной в решении данного вопроса, а приговор её должен быть признан не имеющим никакой силы» [16, с. 10].

В основе реформы — «утилитаризм и плебейство»

В творческом наследии Б.К. Зайцева (рис. 5), утончённого лирика, певца «спокойствия», «уединения» и «тишины» (названия его рассказов), редко можно встретить острую публицистику на злобу дня. Яркое, страстное, эмоционально окрашенное слово впервые прозвучало из его уст именно в «Народоправстве», когда он выступил в защиту национальной культуры, «цветущей сложности» родной речи. Статья «Наш язык» — не единственная публикация Зайцева в идейно близком ему журнале, возглавлявшемся его другом Г.И. Чулковым. В первом и втором номерах писатель опубликовал свои воспоминания о событиях Февральской революции в Москве — в те дни он был юнкером Александровского военного училища [17]. После Октября, когда журнал включился в борьбу за свободу слова, Б. Зайцев помещает в нём «Открытое письмо А.В. Луначарскому», где обличает литератора и наркома просвещения в содействии тотальной цензуре и закрытии ряда газет [18].

В статье «Наш язык» Зайцев проявляет озабоченность явным снижением уровня образования, прежде всего школьного, в котором очевидны тенденции к «сокращению и упрощению». Он предвидит, что реформа приведёт к умственной и культурной деградации народа. Эти мысли перекликаются и с сегодняшними спорами, касающимися школьных курсов русского языка и литературы.

Указывая, что в реформе есть две стороны — филологическая и эстетическая, Зайцев включается в спор о том, сохраняется ли звуковое отличие гласных, обозначаемых буквами е и ѣ. В майских «Постановлениях...» говорилось, что эти буквы «в настоящее время произносятся одинаково» [11, с. 1]. Однако так считали не все: ряд учёных утверждал, что особое произношение ятя сохранялось в речи и в начале XX в. (В некоторых диалектах особый оттенок звука е на месте прежнего ятя наблюдается до сих пор.) Б. Зайцев убеждён: «Ять острее, я бы сказал — ядовитее по звуку, чем е. Горячее его. Оно почти всегда вызывает на себя ударение и смягчает предшествующую согласную. Отзвук древнего і в нём не утерян. Выбрасывать его — значит упрощать язык в дурном смысле, лишать его оттенка» [19, с. 7].

Но главный критерий, с которым Зайцев подходит к оценке реформы, культурно-эстетический: она искажает облик языка великой русской литературы. В подкрепление своей позиции Зайцев привлекает имена классиков: напоминает слова Тургенева о «великом и могучем» языке, приводит написание пушкинской строки в старой и новой орфографии, чтобы продемонстрировать бедность последнего варианта: «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда — Редее облаков летучая гряда». Лишь люди, напрочь лишённые эстетического чутья, согласятся с реформой:

«Безобразие, нетворческий и мертвенный характер реформы особенно ясны тогда, когда в руках держишь страницы, напечатанные на этом гнусном волапуке. Надо быть или ослеплённым фанатиком, или вообще ничего не понимать в языке, чтобы это нравилось. Дух Пушкина, Толстого, Гоголя передаётся теми же приёмами, какими безграмотный хулиган пишет на заборе» [19, с. 8].

Зайцев приводит мнение художников-оформителей: «графически новая письменность отвратительна. Она губит всякий, даже лучший шрифт» [19, с. 8]. Саркастиче-

Рис. 5. Б.К. Зайцев

ски отзывается о Н.А. Морозове, который призывал изъять «ненужные» буквы из типографий. Слой общества, для которого вопросы языка безразличны, — это «писатели-художники, те, кто полжизни провёл в общении со словом, для кого слово есть жизнь и воздух». Но мнение людей искусства было проигнорировано, и Зайцев варьирует тезис об антиэстетическом характере реформы:

«Утилитаризм и плебейство — вот основы “преобразования”. О каких “оттенках” можно говорить, когда никто из реформаторов ни о каких красках в языке не думал; ни о какой красоте языка — речи не подымалось, и подняться не могло, ибо реформа исходит не от художников слова, а от бухгалтеров его» [19, с. 7].

Может возникнуть вопрос, почему и Зайцев, и Досекин негативно отзываются о школьных учителях. Дело в том, что многие из них активно поддержали новшества. В частности, за реформу правописания высказался Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, проходивший в декабре 1916 — ян-

варе 1917 г. в Москве. О характере настроений после Февраля говорит, например, резолюция народных учителей Пензенского уезда, в которой они выразили своё «революционное требование» по поводу подлежащих исключению букв: «На правах революции изгнать их из употребления и вбить в их могилы осиновый кол. Да сгинет последний остаток ненавистной царской власти» (Цит. по: [12]).

Б. Зайцев ссылается на опыт Франции, где похожая попытка реформы орфографии «провалилась под ударами французских литераторов» [19, с. 7]. Французские писатели, опираясь на поддержку широкой общественности, заблокировали проект филологов. Традиционная беда русской культуры видится Зайцеву в том, что дела здесь вершат бездушные чиновники. Пассажи Зайцева звучат с горькой актуальностью:

«Характерно и то, как это нововведение вводилось: вполне игнорировали людей искусства, художников слова. Это уже древне-чиновничья русская закваска. Русская литература, прославившая Россию на весь мир, чуть не единственное наше незыблемое достояние, — русская литература была на дурном счету как у Николая I и всех дальнейших, так и у нынешних хозяев. Русским художникам, которых при жизни все ругают, кому не лень, можно ставить иногда памятники (если кости вполне истлели). Но считаться с ними, признавать их голос влиятельным — это <...> чрезмерно. <...> Что же, русские писатели привыкли» [19, с. 8].

Одухотворённая, эмоционально напряжённая статья Б. Зайцева завершается призывом к русской интеллигенции не ограничиваться кулуарными пересудами, но решительно выступить в защиту традиций:

«...Нынешняя русская литература может и должна подать свой голос в вопросе, близко её касающемся. Иначе нашу прозу и стихи станут печатать на жаргоне при безгласии безгласной России.

Если нам это не понравится, нас спросят: “почему же вы молчали?”» [19, с. 8].

Голос классиков

Однако в условиях наступившей диктатуры публичный протест становился всё более проблематичным. Откликнулся Вяч. Иванов, написавший для известного сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918) свои заметки с точно таким же названием — «Наш язык» (очевидно, сознательно ориентируясь на Б. Зайцева [см.: 20, с. 208]). Возражая против «произвольных новшеств», поэт-символист говорит о духовном смысле реформы. Он усматривает в ней искусственное обмирщение языка, намерение вытеснить из него церковно-славянские элементы. Но к читателям этот текст попал нескоро: тираж сборника был изъят из обращения. (Детально проанализировал статью Вяч. Иванова В.П. Троицкий [20, с. 208–226].)

Другие литераторы оставили нелестные суждения о реформе лишь в дневниках — как, например, Александр Блок в записи от 18 января 1918 г.: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное моё возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией» [21, с. 319]. Иван Бунин записал 24 апреля 1918 г.: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» («Окаянные дни») [22, с. 88]; и позднее Бунин, вслед за Зайцевым, называл его «заборным». Зинаида Гиппиус в дневниковой записи от 1 сентября 1918 г. заметила: «ввели слепую, искажающую дух языка орфографию» [23, с. 441].

Таким образом, статья Б. Зайцева (наряду с заметкой Н. Досекина) стала первой апо-

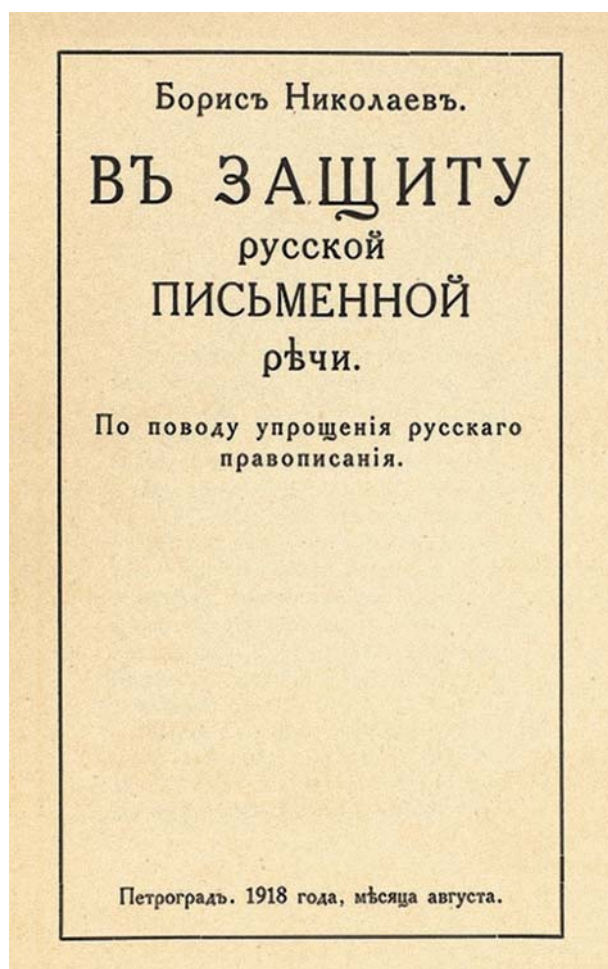

Рис. 6. Б.Н. Николаев. В защиту русской письменной речи. Пг., 1918. Титульный лист

логией традиционной орфографии, опубликованной в России советского периода. В последовавших за ней немногочисленных печатных выступлениях не только повторялись аргументы авторов «Народоправства», но приводились и новые. Историк культуры М.О.Гершензон в заметке «О новом правописании», опубликованной в эсеровской газете «Возрождение» в июне 1918 года [24], напомнил, что чтение есть прежде всего акт зрительный, в то время как в основание реформы положили принцип фонетический и тем самым смешали письменность и звучание. Ревнителя новшеств проф. П.Н.Сакулина, автора книги «Реформа русского правописания» (Пг., 1918), М.Гершензон обвиняет в «чудовищно-ненаучном обращении» с звучанием слова: так, невозможно без специальных аппаратных исследований судить

о том, сохранила ли буква ять особый звуковой оттенок. Зрительный образ слова, его духовное воздействие, заключённые в нём «незримые лучи», «нечто живое» — вот что упустили лингвисты-реформаторы [24, с. 5–6].

Активную деятельность развил художник и архитектор Борис Николаевич Николаев (1869–1953). В период с ноября 1917-го по июнь 1918-го он выступал в ряде творческих объединений, которые затем в своих резолюциях выразили «единодушное признание неудовлетворительности реформы правописания 1917 г. и опасности проведения её в жизнь» [25, с. VI]. К новой письменности он подошёл с позиций психофизиологии чтения и изложил свои воззрения в брошюре «В защиту русской письменной речи. По поводу упрощения русского правописания» (Пг., 1918) (рис. 6). Основная мысль автора: новое письмо, обслуживающее «обывательские интересы учителей», принесёт непоправимый вред русской грамотности [25, с. 39]. Изгнанные из алфавита буквы — вовсе не лишние знаки, они способствуют более быстрому, лёгкому и точному усвоению мысли. «По причинам устройства нашего глаза» затруднит чтение и исключение выступающих за линию строки букв (ѣ и і), и устранение конечного ъ, и унификация окончаний (аго-ого, ея-ее) [25, с. 9, 34, 37].

Возможности печатно выражать протест неуклонно сокращались, закрывались последние оппозиционные новой власти издания. 10 октября 1918 г. вышел ещё один декрет Совнаркома «О введении новой орфографии», окончательно закрепивший реформу. Использование традиционного правописания стало рассматриваться как дело политическое — пособничество контрреволюции. Из типографий насильственно изымались запрещённые наборные литеры — ять и ер. Так старое русское правописание было в буквальном смысле выкорчевано из культурной жизни народа [4; 7; 8]. Но большевики не со-

бирались останавливаться и на этом: «Советское Правительство прекрасно отдавало себе отчёт в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, “февральское”, а не октябрьское», — писал тот же А.В.Луначарский, активно продвигая радикальную идею перевода русского алфавита на латиницу, для чего в Наркомпросе была даже создана специальная комиссия [26].

Сам Борис Зайцев, ставший классиком литературы русской эмиграции, сохранял верность прежнему письму на протяжении всего творческого пути, завершившегося в 1972 г. Издания русского зарубежья в массе своей перешли на новую орфографию только в послевоенные годы, хотя некоторые печатные органы сохраняют её и поныне [6].

Дискуссия о реформе правописания переместилась в русское зарубежье. Политический, историко-культурный и духовный смысл реформы был проанализирован в работах Ивана Ильина «О русском правописании», «О наших орфографических ранах», «Как же это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании)»; архиепископа Аверкия (Таушева) «К вопросу о старой и новой орфографии». Эти и другие работы вошли в «Сборник статей о русском национальном правописании» [5] (подробнее см.: [9, с. 30–32]). Оценкам реформы, полемике и орфографической практике в русском зарубежье посвящены также работы М.Вендитти [27] и Е.А.Оглезневой [6].

Связь времён

Статья Зайцева — яркая, остро публицистичная — стала, безусловно, главным материалом «Народоправства», посвящённым судьбам языка. Блока и Бунина постоянно цитируют в трудах об истории орфографической реформы; работа Зайцева оказалась забытой и в отечественном, и в зарубежном литературоведении. Спустя век, в год 100-летия реформы, она републикована и теперь доступ-

на широкому кругу читателей и исследователей [28, с. 185–188].

Полемика по поводу реформы возобновилась в наши дни. Идеи авторов «Народоправства» зазвучали вновь на новом историческом этапе. Ряд учёных полагает, что отказ от традиционной орфографии был составной частью насильственного изменения культурного кода русского народа, и «сегодняшний упадок письменной и устной речи, беззащитность перед англоязычной экспансией и жаргонизмами» — прямые следствия этой ломки [7]. Современные филологи приходят к выводу: «Отказ от старой орфографии под предлогом того, что она была слишком трудна и громоздка <...> привёл к отчуждению носителя языка от самого облика классических литературных текстов, религиозной литературы, к отчуждению от духовности» [8, с. 123]. Утрату предшествующей письменной традиции Л.Н.Летягин расценивает как «необратимые потери» [29, с. 89], А.Э.Колотилова — как удар по основам языка, приведший к «тяжёлым последствиям» [9, с. 32].

О полном возвращении к прежнему письму речи не идёт, но ряд энтузиастов ставит вопрос о восстановлении старой орфографии в изданиях русской классической литературы, т.е. о возвращении ей первоначального вида [7; 9, с. 33; 30]. Необходимость сохранять исконный вид классических текстов отстаивали в самом начале реформы и Б.Зайцев, и А.Блок — литераторы, «для кого слово есть жизнь и воздух» [19, с. 7]. Первые попытки в этом направлении уже делаются, в частности, в 1995 г. под редакцией проф. В.Н.Захарова начато издание Полного собрания сочинений Ф.М.Достоевского в авторской орфографии и пунктуации [31], осуществлены электронные научные издания Г.Р.Державина, В.И.Даля, Ф.М.Достоевского, М.М., А.М. и А.Г.Достоевских, И.С.Шмелёва, Б.К.Зайцева, И.А.Бунина на сайте кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета [32].

Надеемся, что яркие выступления литераторов и художников в «Народоправстве», извлечённые из векового забвения, займут подобающее место в истории русской мысли. Ведь наполняющий их пафос сбережения ценностей отечественной культуры не утратил актуальности и сегодня. Опасности, угрожающие речевой культуре современного российского общества, очевидны: оскудение и вульгаризация словарного запаса, опошление и выхолащивание речи, утрата чувства красоты языка, засорение его иностранными терминами и словесными оборотами, экспансия латиницы и другие явления, разрушающие заклю-

чённый в языке национальный культурный код.

Сто лет назад лучшие деятели России не остались равнодушны к судьбе родного языка и сочли своим долгом встать на его защиту. Их деятельная забота о чистоте и богатстве русского слова и сегодня служит вдохновляющим примером для творческих и общественных деятелей, учёных и преподавателей, писателей и публицистов. В наши дни насущно необходимы столь же бескомпромиссные, убедительные и аргументированные работы в защиту русского языка. Без такой поддержки трудно будет сберечь, по завету И. Бунина, «наш дар бессмертный — речь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колеров М.А. «Народоправство» (1917–1918): Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб.: Алетейя, 1998. С. 277–286.
2. Толстая Е.Д. Алексей Толстой в революционной Москве // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2004. № 11. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/11/tolstaya11.shtml> (дата обращения: 14.12.2017).
3. Аркин Д.Е. Судьба языка // Народоправство. 1917. 1 сент. № 8. С. 7–9.
4. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004.
5. Сборник статей о русском национальном правописании. М.: Издательство ЛКИ, 2006.
6. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект // Вестник Томского ГУ. 2007. № 299. С. 16–23.
7. Фёдоров А.В. К 90-летию декрета о введении новой орфографии // Русский Вестник. Дата публикации: 05.11.2008. Эл. ресурс: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698> (дата обращения: 14.12.2017).
8. Каверина В.В., Лещенко Е.В. Буква «ять» как идеологема российского дискурса на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 117–124.
9. Колотилова А.Э. Буквенные изменения в русском алфавите // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Вып. 10. С. 29–36.
10. Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: от «книжной искусственности к живой простоте» // Русский язык в школе. 2017. № 3. С. 67–71.
11. Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. Пг., [1917].
12. Шагинян М.С. Тяп да ляп. (Письмо в редакцию) // Русская Воля. 1917. 2 июля. № 155. С. 2.
13. Обыватель [Розанов В.В.] Заметки о новом правописании // Новое время. 1917. 14 (27) июня, № 14802. С. 4.
14. Чудовский В.А. За букву ъ // Аполлон. 1917. № 4–5. С. V–VIII. Републиковано: Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 68–72. Публикация О.С. Широкова.
15. Красовский В.Е. Журнал «Аполлон» и становление экологии культуры в России // Русская литература и журналистика в движении времени. 2013. № 1. С. 87–111.
16. Досекин Н.В. Обязательная безграмотность // Народоправство. 1917. 7 дек., № 17. С. 8–10.

17. Зайцев Б.К. «Мы, военные» // Народопрравство. 1917. № 1. С. 7–9; № 2. С. 5–7. Републиковано (в сокращении): Любомудров А.М. «Господа юнкера, кем вы были вчера...» Отрывки из воспоминаний писателя Серебряного века Бориса Зайцева (1881–1972) – московского юнкера в дни февральских событий 1917 года // Родина. 2017. № 2. С. 98–103.
18. Зайцев Б.К. Открытое письмо А.В.Луначарскому // Народопрравство. 1917. 7 дек., № 17. С. 16. Републиковано: Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 11 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6. С. 327–328.
19. Зайцев Б.К. Наш язык // Народопрравство. 1917. 7 дек., № 17. С. 7–8.
20. Троицкий В.П. «Парерга и паралипомена»: (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» – публикация, комментарии и размышления) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А.Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 203–226.
21. Блок А.А. Собр. соч.: В 9 т. М., Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7.
22. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.
23. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / Сост., примеч., указ. имен Т.Ф.Прокопова. М.: Русская книга, 2005.
24. Гершензон М.О. О новом правописании // Возрождение. Большая ежедневная политическая и литературная газета. 1918. 9 июня (27 мая), № 7. С. 5–6.
25. Николаев Б.Н. В защиту русской письменной речи (По поводу упрощения русского правописания). Пг., 1918.
26. Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 20–26. Эл. ресурс «Наследие А.В.Луначарского», URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (дата обращения: 14.12.2017).
27. Вендитти М. Вопрос о реформе орфографии в эмиграции (Н.К.Кульман и Ф.А.Браун) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014. № 5. С. 716–722.
28. Любомудров А.М. «Утилитаризм и плебейство – вот основы преобразования». Статья Б.Зайцева «Наш язык» в контексте орфографической реформы // Москва. 2017. № 3. С. 183–188.
29. Летягин Л.Н. «Путник, движимый глаголом»: модели поступания между знаком и символом // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 1. С. 86–93.
30. Труды по русскому правописанию. Магадан: Новое Время, 2017. Вып.1.
31. Захаров В.Н. Подлинный Достоевский // Ф.М.Достоевский. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В.Н.Захарова. Т.1.Петрозаводск, 1995. С. 5–13.
32. Электронные научные издания: Г.Р.Державин, В.И.Даль, Ф.М.Достоевский, М.М.Достоевский, А.М.Достоевский, А.Г.Достоевская, И.С.Шмелёв, Б.К.Зайцев, И.А.Бунин // URL: <http://philolog.petsu.ru/> (дата обращения: 14.12.2017).

ENGLISH

Dedicated to the centenary of Russian spelling reform. The fate of Russian language in the publications of Narodopravstvo weekly

Alexei Markovich Lyubomudrov – Dr. Hab. of Philology, leading researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; head of project “Unpublished heritage of the classics of Russian émigré literature” (15-04-00102a).

E-mail: anketaspb@yandex.ru

The work dedicated to the 100th anniversary of the Russian spelling reform deals with the history of the fight for the national cultural values in the epoch of revolutionary destruction. The research focuses on the publications of 1917 in Narodopravstvo weekly that have been staying out

of view of the academicians. These are articles “Fate of language” by D. Arkin, “Obligatory illiteracy” by N. Dosekin and “Our language” by B. Zaytsev. These works allow to clarify some specifics of linguistic consciousness of the Russian society, bring additional shades to the picture of cultural and historical process of early 20th c. Realizing the threat of the cultural layer destruction, the authors of the articles oppose the escalation of negative trends in language and suggest the ways to purify Russian speech, bringing back its vitality and strength. The central point of polemics is the spelling reform begun by the Provisional government and then violently enforced by the Bolsheviks. Arguments against new spelling, the most important of them being a gap with centuries-old heritage of the people are considered.

The work also includes the review of declarations of writers and creative figures who attempted, following suit to Narodopravstvo, to have the reform cancelled in the first year of the Soviet power. Evaluations of traditional spelling among the Russian émigré and in the modern academic discourse are also presented.

Keywords: D.E. Arkin, N.V. Dosekin, B.K. Zaytsev, Russian literature, Russian language, speech, spelling reform, orthography, alphabet, art, cultural values, Russian revolution, 1917

REFERENCES

1. Kolerov M.A. «Narodopravstvo» (1917–1918): Rospis' sodержaniya // Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1997 god. SPb.: Aleteyya, 1998. S. 277–286 (in Russian).
2. Tolstaya E.D. Aleksey Tolstoy v revolyutsionnoy Moskve // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2004. № 11. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/11/tolstaya11.shtml> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
3. Arkin D.E. Sud'ba yazyka // Narodopravstvo. 1917. 1 sent. №. 8 S. 7–9 (in Russian).
4. Grigor'eva T.M. Tri veka russkoy orfografii (XVIII–XX vv.). M.: Elpis, 2004 (in Russian).
5. Sbornik statey o russkom natsional'nom pravopisanii. M.: Izdatel'stvo LKI, 2006 (in Russian).
6. Oglezneva E.A. Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e: orfograficheskiy aspekt // Vestnik Tomskogo GU. 2007. № 299. S. 16–23 (in Russian).
7. Fyodorov A.V. K 90-letiyu dekreta o vvedenii novoy orfografii // Russkiy Vestnik. Data publikatsii: 05.11.2008. El. resurs: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
8. Kaverina V.V., Leshchenko E.V. Bukva «yat'» kak ideologema rossiyskogo diskursa na rubezhe XIX–XX vv. // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2008. № 3. S. 117–124 (in Russian).
9. Kolotilova A.E. Bukvennye izmeneniya v russkom alfavite // Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki. 2011. № 12 (107). Vyp. 10. S. 29–36 (in Russian).
10. Grigor'eva T.M. Reforma russkoy orfografii: ot «knizhnoy iskusstvennosti k zhivoy prostote» // Russkiy yazyk v shkole. 2017. № 3. S. 67–71 (in Russian).
11. Postanovleniya soveshchaniya po voprosu ob uproshchenii russkogo pravopisaniya, prinyaty 11 maya 1917 g. Pg., [1917] (in Russian).
12. Shaginyan M.S. Tyap da lyap. (Pis'mo v redaktsiyu) // Russkaya Volya. 1917. 2 iyulya. № 155. S. 2 (in Russian).
13. Obyvatel' [Rozanov V.V.] Zametki o novom pravopisanii // Novoe vremya. 1917. 14 (27) iyunya, № 14802. S. 4 (in Russian).
14. Chudovskiy V.A. Za bukvu Ъ // Apollon. 1917. No 4–5. S. V–VIII. Republikovano: Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya. 1991. № 6. S. 68–72. Publikatsiya O.S. Shirokova (in Russian).
15. Krasovskiy V.E. Zhurnal «Apollon» i stanovlenie ekologii kul'tury v Rossii // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2013. № 1. S. 87–111 (in Russian).

16. Dosekin N.V. Obyazatel'naya bezgramotnost' // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 8–10 (in Russian).
17. Zaytsev B.K. «My, voennye» // Narodopravstvo. 1917. № 1. S. 7–9; № 2. S. 5–7. Republikovano (v sokrashchenii): Lyubomudrov A.M. «Gospoda yunkera, kem vy byli vchera...» Otryvki iz vospominaniy pisatelya Serebryanogo veka Borisa Zaytseva (1881– 1972) – moskovskogo yunkera v dni fevral'skikh sobytii 1917 goda // Rodina. 2017. № 2. S. 98–103 (in Russian).
18. Zaytsev B.K. Otkrytoe pis'mo A.V. Lunacharskomu // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 16. Republikovano: Zaytsev B.K. Sobr. soch.: V 11 t. M.: Russkaya kniga, 1999. T. 6. S. 327–328 (in Russian).
19. Zaytsev B.K. Nash yazyk // Narodopravstvo. 1917. 7 dek., № 17. S. 7–8 (in Russian).
20. Troitskiy V.P. «Parerga i paralipomena»: (Stat'ya Vyacheslava Ivanova «Nash yazyk» – publikatsiya, kommentarii i razmyshleniya) // Vyacheslav Ivanov: Tvorchestvo i sud'ba: K 135-letiyu so dnya rozhdeniya / Sost. E.A. Takho-Godi. M.: Nauka, 2002. S. 203–226 (in Russian).
21. Blok A.A. Sobr. soch.: V 9 t. M., L.: GIKHL, 1963. T. 7 (in Russian).
22. Bunin I.A. Okayannye dni. M.: Sovetskiy pisatel', 1990 (in Russian).
23. Gippius Z.N. Sobranie sochineniy. T. 9: Dnevnik: 1919–1941. Iz publitsistiki 1907–1917 gg. Vospominaniya sovremennikov / Sost., primech., ukaz. imen T.F. Prokopova. M.: Russkaya kniga, 2005 (in Russian).
24. Gershenzon M.O. O novom pravopisanii // Vozrozhdenie. Bol'shaya ezhednevnyaya politicheskaya i literaturnaya gazeta. 1918. 9 iyunya (27 maya), № 7. S. 5–6 (in Russian).
25. Nikolaev B.N. V zashchitu russkoy pis'mennoy rechi (Po povodu uproshcheniya russkogo pravopisaniya). Pg., 1918 (in Russian).
26. Lunacharskiy A.V. Latinizatsiya russkoy pis'mennosti // Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. 1930. № 6. S. 20–26. El. resurs «Nasledie A.V. Lunacharskogo», URL: <http://lunacharsky.newgod.ru/lib/raznoe/latinizacia-russkoj-pismennosti> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).
27. Venditti M. Vopros o reforme orfografii v emigratsii (N.K. Kul'man i F.A. Braun) // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2014. № 5. S. 716–722 (in Russian).
28. Lyubomudrov A.M. «Utilitarizm i plebeystvo – vot osnovy preobrazovaniya». Stat'ya B. Zaytseva «Nash yazyk» v kontekste orfograficheskoy reformy // Moskva. 2017. № 3. S. 183–188 (in Russian).
29. Letyagin L.N. «Putnik, dvizhimyy glagolom»: modeli postupaniya mezhdru znakom i simvolom // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2010. № 1. S. 86–93 (in Russian).
30. Trudy po russkomu pravopisaniiyu. Magadan: Novoe Vremya, 2017. Vyp.1 (in Russian).
31. Zakharov V.N. Podlinnyy Dostoevskiy // F.M. Dostoevskiy. Polnoe sobranie sochineniy: Kanonicheskie teksty / Pod red. V.N. Zakharova. T.I. Petrozavodsk, 1995. S. 5–13 (in Russian).
32. Elektronnye nauchnye izdaniya: G.R. Derzhavin, VI. Dal', F.M. Dostoevskiy, M.M. Dostoevskiy, A.M. Dostoevskiy, A.G. Dostoevskaya, I.S. Spmelyov, B.K. Zaytsev, I.A. Bunin // URL: <http://philolog.petrus.ru/> (data obrashcheniya: 14.12.2017) (in Russian).

Т.И. ВЕНДИНА*УДК 1751
ГРНТИ 16.21.63
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-111-122

О новом выпуске Общеславянского лингвистического атласа «Личные черты человека» (ареалогический комментарий)

Статья посвящена пространственно-временной интерпретации лексики, представленной на картах нового, 12-го, тома Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) «Личные черты человека», и отвечает на вопрос, о чём говорят карты Атласа? В основе статьи лежат материалы ОЛА, что обеспечивает надёжность и достоверность полученных результатов. Выявленные лексические изоглоссы интерпретируются автором в генетическом, ареальном и типологическом аспектах.

Анализируя карты «Общеславянского лингвистического атласа», автор говорит о том, что в историческом развитии славянского диалектного континуума важную роль сыграли три фактора: фактор генетически унаследованного, фактор универсально-типологического и фактор контактной конвергенции. Этот вывод, подкреплённый обширным материалом, позволил выявить сложную картину ареальных связей славянских диалектов.

Ключевые слова: общеславянский лингвистический атлас, ареалы, изоглоссы

Из предыстории Атласа

В истории славистики «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА) занимает особое место. Он во многом является детищем компаративистики XIX в. Вдохновлённая идеей родства языков, она была сосредоточена на разработке методов определения этого родства. Компаративистика XX в., критически освоившая опыт диахронической лингвистики предшествующего поколения, оказалась, однако, перед фактом ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции мно-

гих праславянских явлений. Уже в начале XX в. стало очевидно, что эмпирические наблюдения над их историей имеют атомарный характер. Необходимы были обширные исследования всех славянских языков с целью систематизации и интерпретации этих явлений в пространственно-временном аспекте. Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А.Мейе выступил с докладом «Projet d'un Atlas Linguistique Slave», в котором поставил вопрос о необходимости создания

* **Вендина Татьяна Ивановна** — доктор филологических наук, руководитель исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН, председатель Международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа при Международном Комитете славистов, руководитель проекта «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект» (17-04-00013а).
E-mail: vendit@rambler.ru

Фото 1. Члены Международной рабочей группы ОЛА. В первом ряду слева направо: А. Ференчикова (Словакия), З. Тополинска (Македония), Т. Вендина (Россия), Я. Сятковский (Польша), Ж. Варбот (Россия); во втором ряду слева направо: В. Пыхов (Россия), М. Маркович (Македония), П. Жиго (Словакия). Охрид, 2008

«Общеславянского лингвистического атласа» для изучения генетических проблем славянских языков методами лингвистической географии.

Так родилась идея создания «Общеславянского лингвистического атласа». Однако «общая политическая обстановка 1930-х гг. в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» [1]. И лишь спустя 13 лет после окончания Второй мировой войны, в 1958 г. на IV Международном съезде славистов этот проект вновь стал предметом обсуждения. Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка «Вопросника» Атласа, его «Программы», а позже и экспедиционная работа по сбору материала в полевых условиях на всей территории Сла-

вии — в 853 населённых пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в Германии, Австрии, Албании, Венгрии, Румынии, Турции и Греции (фото 1).

Программа и основные задачи ОЛА

Программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач: сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов.

Первая — традиционная область славянского языкознания — «охватывает такие вопросы, как образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, решение вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, контакты славянских языков с языками неславянских народов... и т.д.» [2].

Вторая задача Атласа, также не менее важная и к тому же в значительной степени новая, — задача синхронно-типоло-

гическая. Её решение предполагает типологическое изучение славянских диалектов путём создания карт, которые в соответствии с «Программой» Атласа должны репрезентировать фрагменты языковых систем славянских языков для выявления их сходств и различий.

Таким образом, Атлас явился грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. Благодаря «Общеславянскому лингвистическому атласу» славистика вышла за рамки национальных филологий, и, преодолевая атомарность и поверхностность отдельных славистических штудий, обратилась к изучению праславянских явлений в общеславянском масштабе.

Что сделано

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» продолжается почти 60 лет. Несмотря на то, что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом пережил разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать 16 томов: восемь томов фонетико-грамматической серии — «Рефлексы *ě» (Београд, 1988); «Рефлексы *ę» (Москва, 1990); «Рефлексы *q» (Warszawa, 1990); «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994); «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006); «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003); «Рефлексы *о» (Москва, 2008); «Рефлексы *е» (Москва, 2011) (фото 2); и восемь томов лексико-словообразовательной серии: «Животный мир» (Москва, 1988); «Животноводство» (Warszawa, 2000); «Растительный мир» (Мінск, 2000); «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003); «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007); «Человек» (Kraków, 2009); «Сельское хозяйство» (Bratislava, 2012); «Народные обычаи» (Москва, 2015) (фото 3). И это притом, что в 1980-х гг. публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстра-

лингвистического характера, преодолеть которые удалось только спустя 25 лет, когда болгарская национальная комиссия возобновила своё участие в этом проекте. Кроме того, были опубликованы два издания «Вступительного выпуска» Атласа, содержащего его концепцию, информацию о населённых пунктах и эксплораторах, фонетическую и обобщающую транскрипцию; а также два тома болгарских материалов лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии, которые отсутствовали в опубликованных ранее томах Атласа.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международного проекта ведётся работа по подготовке к печати очередных томов Атласа — лексико-словообразовательной серии: «Личные черты человека», «Степени родства», «Транспорт и пути сообщения», «Народная техника», «Строительство», «Одежда и обувь», «Гигиена и медицина», «Метеорология и измерение времени», «Рельеф местности», «Горное овцеводство» и др.; и фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *а», «Рефлексы *i, *у, *и», «Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt»; «Местоимения», «Существительные», «Прилагательные», «Глаголы» и др.

Новый выпуск Атласа

Очередной, 12-й, выпуск «Общеславянского лингвистического атласа» лексико-словообразовательной серии, над которым в настоящее время ведётся работа в российской национальной комиссии ОЛА, будет посвящён лингвогеографическому представлению фрагмента традиционной духовной культуры славян, связанного с представлениями о человеке, его отличительных качествах и свойствах. Он будет включать карты и диалектные материалы, собранные в полевых экспедициях на всей территории Славии.

Карты этого тома охватят следующие сюжеты:

I. названия человека, характеризующие его как существо физическое:

Фото 2. Атласы фонетико-грамматической серии

I.1. сюда войдут названия человека по его внешнему виду, наследственным признакам, в частности такие вопросы «Программы» Атласа, как: L 1989 'лысый' (о человеке), L 1901 'кудрявый', L 1902 'рыжий', SL 1907 'слепой человек', L 1908 'косоглазый, с косыми глазами', SL 1915 'горбатый человек', SL 1921 'толстый человек', 1924 'худой человек', SL 1926 'человек с большой головой', SL 1928 'человек с большой бородой', SL 1930 'человек с большими усами', L 1931 'красивый' и др., в том числе названия, отражающие состояние здоровья человека, его физические недостатки, например, вопросы L 1933 'сильный, обладающий физической силой' (о человеке), SL 1911 'глухой человек', L 1916 'хромой', L 1912 'левша' и др.;

I.2. названия, отражающие склонности и привычки человека, обусловленные его психофизиологическими особенностями, воспитанием, в частности вопросы SL 1990 'человек, который много спит', SL 1991 'человек, который очень много ест', SL 1992

'человек, который любит вкусно поесть', SL 1993 'человек, который любит пить водку, пьяница' и т.д.;

II. названия человека, характеризующие его как личность социальную; сюда войдут названия человека по его отношению к труду, собственности, например, вопросы L 1987 'охотно и хорошо работающий' (о человеке), L 1989 'ленивый человек', L 1938 'скупой' и др.;

III. названия человека, характеризующие его как личность духовную, отражающие его умственные способности, особенности речевой деятельности, например, вопросы LSL 1935 'глупый человек, дурак', L 1974 'заикается', а также особенности поведения, характеризующие отношение человека к себе, окружающим и моральным нормам SL 1976° 'хвастун', SL 2971 'добрый', LSL 'человек, который лжёт', SL 1985 'женщина, которая любит сплетничать' и др.

Кроме этих названий в том предполагается включить карты на названия некоторых абстрактных понятий, признаков,

Фото 3. Атласы лексико-словообразовательной серии

в частности, вопросы L 1918 'большой' (по размеру, по объёму), LSL 1936 'глупость', LSL 1940 'хорошо' (например, работает), F 1982 lъзь, F 1983 pгавъda, F 1977 љсть, F 1978 сорть и др.

Несмотря на то, что работа с картами ещё не закончена, материал тома позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

На картах Атласа отчётливо видно, что в процессе эволюции славянского диалектного континуума сложились два типа лексических ареалов:

- первый, когда лексема имеет тотальное распространение (ср. ареалы лексем *dobr-Ъ¹*, *nѣm-Ъ*, *Slѣp-Ъ*, *љst-ь*, *sil-a* и др.);
- второй, когда в её локализации существуют ограничения (ср. распространение лексем *bord-at-Ъ*, *T₁ъlT₂-Ъ*, *py-an-ic-a*, *kras-iv-Ъ*, *lys-Ъ* и др.).

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление, тогда как второй – широко распространённое.

И уже этот факт говорит о том, что на картах Атласа устойчиво повторяются одни и те же ареальные сценарии, которые являются своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. Это само по себе имеет значение, так как позволяет исключить фактор случайности.

О чём говорят карты Атласа

- Карты Атласа говорят о том, что большинство лексических ареалов славянского диалектного континуума подвержено разрушению. Эта тенденция прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

¹Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

И в этом смысле Атлас вносит коррективы в существующее в славистике мнение о близости славянских языков на лексическом уровне, так как в синхронном плане материалы Атласа демонстрируют сравнительно небольшой процент сохранности общеславянских лексем, притом что несомненное сходство между славянскими языками проявляется в генетической общности морфемного фонда.

О разрушительных процессах, протекающих в славянских диалектах, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся зачастую в отношениях конкуренции с другими лексемами, ср., например, ареал лексемы *doBr-o* (вопрос LSl 1940 'хорошо' (например, работает), которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы — на юге, в частности, в македонских и болгарских диалектах, где с ней конкурируют лексемы (*xub*)-*Av-o* и (*xar*)-*ьп-o*.

Причём разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, чаще всего происходит на юго-востоке южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексемы *bord-at-ъ* вопрос SL 1927 'бородатый, с большой бородой' (о человеке), которая широко распространена в восточнославянских, польских, лужицких, словацких, сербских, хорватских, боснийских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в чешских, словенских, болгарских и македонских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *Vqs-at-ъ* (чеш.), *kos-m-at-ъ* (слн.), *bord-ast-ъ* (слн.), *bord//est-ъ* (блг., мак.).

• Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала праславянских лексем. Показательна сама типология этого процесса, ибо он

связан, как правило, с возникновением новой лексемы на базе старой. Однако в этой новой лексеме сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареал лексем *gъb-ic-a*, *gъb-ъk-a*, *gъb-ищ-ъk-a* вопрос F 1913 *gъb-ъ//gъb-a*).

• Карты Атласа говорят о том, что диалектный ландшафт Славии характеризуется сегодня чрезвычайной дробностью. Разрушительные процессы, протекающие во всех славянских диалектах, привели к образованию нескольких типов локально ограниченных ареалов: **разорванного** (ср., например, ареал лексемы *Vqs-at-ъ* вопрос SL 1927 'бородатый, с большой бородой' (о человеке) в чешских диалектах, которая разрывает ареал лексемы *bord-at-ъ*, характерной для большинства славянских диалектов); **дискретного** (ср., например, ареал лексемы *glup-ost-ъ* вопрос LSL 1936 'глупость', которая в украинских диалектах существует в том же ареальном пространстве, что и лексема *dur-ost-ъ*); **фрагментарного** (ср., например, ареал лексемы *//edr-ъ* вопрос L1918 'большой' в болгарских и македонских диалектах); **латерального** (ср., например, ареал лексемы (*gob*)-*av-ъ* вопрос SL 1914 'горбатый, имеющий горб' (о человеке), который тянется узкой полосой вдоль побережья Адриатического моря) и **микрореала** (ср., например, ареал лексем *tam-ъl-e-(ži)-j-a*, *tam-ъl-a-(ži)-j-a* вопрос LSL 1984 'человек, который лжёт' в македонских диалектах). При этом расчленённость лингвистического континуума, как правило, не соответствует характеру административно-политического деления terra Slavia.

• Карты атласа позволяют проследить не только процесс разрушения ареалов праславянских лексем, но и процесс формирования новых ареалов. Наглядной иллюстрацией могут служить микроареалы эксклюзивных лексем, существующих во всех славянских диалектах (ср., например, распространение эксклюзивных лексем *olk-om-i-j-a*, *olk-om-ъšč-in-a* в бол-

гарских диалектах; *oĭk-om-ьc-a*, *ob-žьt-ux-ъ* — в польских; *ž//er-on-j-a* — в сербских; *po-žer-ux-ъ* — в словенских; *kvar-ьn-ik-ъ* — в словацких; *las-ěj-ь*, *maz-un-ъ*, *maz-ux-a* — в украинских вопрос SL 1992 ‘человек, который любит вкусно поесть’). Микроареалы всех этих лексем сформировались в позднее время, что свидетельствует о том, что во всех этих диалектах идёт процесс перманентного обновления их лексического состава.

• Карты Атласа говорят о том, что изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. Среди множества ареалов, представленных на картах Атласа, отчётливо просматривается несколько групп:

- первую группу ареалов образуют слова, которые имеют глубокие корни и восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые распространены в трёх славянских языковых группах);
- вторая группа ареалов детерминруется факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие зачастую к эпохе самостоятельного развития славянских языков);
- существование третьей группы ареалов определяется факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;
- наконец, четвёртая группа ареалов связана с формированием этнополитического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

В силу этого «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» [3].

• Материалы Атласа говорят о преобладании конвергентных процессов в раз-

витии славянского диалектного континуума. Так, в частности, большинство ареалов северной Славии имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причём в роли языка-донора выступают чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские (ср., например, распространение таких лексем, как *pi-j-ak-ъ* (чеш., слц., плс., укр.) вопрос SL 1993 ‘человек, который любит пить водку, пьяница’; *pĕk-n-ъ* (чеш., слц., плс., блр.) вопрос SL 1931 ‘красивый’; *plet-ъk-ar-ъk-a* (слц., плс., блр., укр.) вопрос SL 1986° ‘женщина, которая любит сплетничать’) и т.д.

Реже эту роль выполняли восточнославянские диалекты (ср., например, распространение таких лексем, как *gьb-ač-ь* (вост.-сл., плс., чеш., слц.) вопрос Sl 1915 ‘горбатый человек’; *dur-ьn-ь* (вост.-сл., плс.) вопрос LSL 1935 ‘тупой человек, дурак’; *lad-ьn-ъ* (вост.-сл., плс.) вопрос SL 1931 ‘красивый’; ещё реже — собственно украинские (ср. распространение таких лексем, как *gьb-an-ь* (укр., плс., слц., чеш.) вопрос Sl 1915 ‘горбатый человек’; *sъp-j-uX-ъ* (укр., слц., плс.) вопрос SL 1990° ‘человек, который много спит’; или белорусские диалекты (ср. ареалы лексем (*zez-o-ok-ъ* (блр., плс.) вопрос L 1908 ‘косоглазый, с косыми глазами’ (о человеке); *man-i-ть* (блр., рус., плс.) вопрос LSl 1984 ‘человек, который лжёт’).

Методика индуктивно-дедуктивного анализа лингвистической карты даёт основания говорить о том, что топография ареальных сценариев картографируемых языковых явлений не является случайной или произвольной, поскольку ареалы многих картографируемых явлений повторяются. Так, например, на картах Атласа отчётливо видно, что русско-польские изоглоссы на территории Польши

часто локализуются в говорах переселенцев с восточнославянских территорий, образуя островные ареалы, ср., например, ареалы лексем в польских диалектах *golv-ač-ь* (вост.-сл., плс.) вопрос SL 1926 ‘человек с большой головой’; *[brex]-un-ъ* (вост.-сл., плс.) вопрос LSI 1984 ‘человек, который лжёт’; украинско-польские изоглоссы образуют островные ареалы в говорах Правобережной Украины, ср., например, ареал лексемы *plet-ъk-a* (укр., плс.) вопрос SL 1986° ‘женщина, которая любит сплетничать’; западно-южнославянские изоглоссы имеют высокую концентрацию в чешских, западно- и среднесловацких говорах, где чаще всего локализуются обширные ареалы корреспондирующих лексем (ср., например, ареалы следующих лексем: *(plěš)-iv-ьс-ь* (слн., хрв., слц.) вопрос SL 1899° ‘лысый человек’; *plač-ьk-o* (серб., мак., блг., слц.) вопрос SL 1955 ‘плаксивый, часто плачущий’ (о ребёнке). И эта повторяемость ареалов указывает на то, что распространение того или иного слова происходит не в его собственных границах, а определяется закономерностями, позволяющими говорить о типологии ареалов, так как то, что, на первый взгляд, кажется произвольным или случайным в распространении того или иного слова при его изолированном рассмотрении, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает глубокий смысл.

Убедительным доказательством повторяемости лексических ареалов является тот факт, что в этом томе Атласа так же, как и в предшествующих томах, восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности, особенно когда речь идёт об ареалах древних лексем (ср., например, ареалы таких лексем, как *kras-iv-ь* вопрос SL 1931 ‘красивый’; *dur-ak-ъ* вопрос LSL 1935 ‘тупый человек, дурак’; *//ob-žer-a* вопрос SL 1991° ‘человек, который очень много ест’ и др.), тогда как для южно- и западнославянского диалектного континуумов свойственна, как правило, гетерогенность (ср., например, ареалы

таких южнославянских лексем, как *gъrb-av-ь* вопрос SL 1914 ‘горбатый, имеющий горб’ (о человеке); *lъž-ьLiv-ьс-ь* вопрос LSI 1984 ‘человек, который лжёт’; *jak-ь* вопрос L 1933 ‘сильный, обладающий физической силой’ (о человеке); или ареалы западнославянских лексем *Lь//g-ar-ь* вопрос LSI 1984 ‘человек, который лжёт’; *(pukl)-j-at-ь* вопрос SL 1914 ‘горбатый, имеющий горб’ (о человеке).

Об этом же говорит и тот факт, что так же, как и в предшествующих томах Атласа, на картах этого тома довольно чётко прослеживается разделение Славии по линии север ~ юг (ср.: север *gъrb-ъ* ~ юг *gъrb-a* вопрос F 1913 *gъrb-ъ//gъrb-a*; север *T,ъst,ъ-ь* ~ юг *dEb-el-ь* вопрос L 1920 ‘толстый’ (о человеке), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается). Причём обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, в отличие от севернославянских ареалов, среди западно-южнославянских ареалов нет таких, которые тотально охватывали бы все западно- и южнославянские диалекты. Чаще всего это локально ограниченные ареалы, которые имеют разную плотность и конфигурацию.

- Карты Атласа свидетельствуют и о такой яркой особенности славянских диалектов, как их динамичность. Она проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению эксклюзивных лексем, определяющих их «портретное» своеобразие.
- Карты Атласа говорят о том, что эксклюзивные лексем могут быть разных типов.

Чаще всего это лексические (или точнее лексико-словообразовательные) эксклюзивы.

Иллюстрацией таких лексических эксклюзивов могут служить, например, эксклюзивные лексем, представленные на карте ‘горбатый, имеющий горб’ (о человеке): среди множества лексем с корнем *gъrb-*, широко распространённых в северной Славии, в словенских, хорватских и сербских диалектах представлены лек-

семь с корнем (*pukl*): (*pukl*)-*ast*-Ъ, (*pukl*)-*j-ast*-Ъ, (*pukl*)-*av*-Ъ, (*pukl*)-*j-av*-Ъ (от нем. диал. *Puckel*, литератур. *Buckel* 'горб'), а также (*gob*): (*gob*)-*ast*-Ъ, (*gob*)-*av*-Ъ (от фриул. *gobe*, итал. *Gobbo* 'горб'), а в болгарских диалектах — с корнем (*kambur*): (*kambur*)-*j-ast*-Ъ (из тур. *kambur* < греч. *καμπύλος*).

Однако, кроме лексических эксклюзивов, на картах Атласа имеется немало и таких, которые являются чисто **словообразовательными**, так как они выделяют те или иные диалекты с точки зрения словообразовательной структуры представленных в них лексем.

Богатый материал словообразовательных эксклюзивов даёт карта на вопрос SL 1991° 'человек, который очень много ест'. На этой карте широко представлены лексемь с корнем *-žer/-žbr*. Однако в польских диалектах они имеют одно оформление (ср. *žbr-l-j-ak-ъ*, *žbr-l-ak-ъ*, *žbr-l-ok-ъ*, *žbr-l=-ъ-ok-ъ*, *žbr-t-ux-ъ*, *ob-žbr-t-ux-ъ*, *ob-žbr-t=-ъ-ux-ъ*, *ob-žbr-t-us-ъ*, *pe-na-žer-a*), в словацких — другое (ср. *žbr-ač-ъ*, *pa-žbr-av-ъc-ъ*), в чешских — третье (ср. *pe-na-ž//br-an-ъc-ъ*, *ž//br-qt-ъ*), в сербских — четвертое (ср. *ž//er-on-j-a*, *pro-ž//br-liv-ъc-ъ*), в словенских — пятое (ср. *po-žer-ux-ъ*), в украинских — шестое (ср. *pa-žer-a*, *za-žer-a*) и т.д. Причём все эти названия являются эксклюзивами.

В распространении эксклюзивных лексем также прослеживаются два типа ареалов: обширный и ограниченный. Причём обширные ареалы, когда лексема плотно покрывала бы всю (или хотя бы большую часть) территории диалектов того или иного языка, встречаются довольно редко (иногда наблюдается и такая ситуация, когда подобный сценарий вообще отсутствует, как, например, в сербских, хорватских, македонских, белорусских или украинских диалектах). Значительно чаще такие ареалы являются локально ограниченными. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры **обширных** ареалов: чеш. *Vqs-at-Ъ* вопрос SL 1927 'бородатый, с большой бородой'; слц. *Sku//l-j-av-Ъ* вопрос L 1908

'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке); блг. *sžn-ъl-ъ=-o* вопрос SL 1990° 'человек, который много спит'; плс. (*zez*)-*ov-at-Ъ* L 1908 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке); рус. *Vbr-un-ъ* вопрос LSl 1984 'человек, который лжёт'; слн. *plěš-ast-Ъ* вопрос L 1898 'лысый' (о человеке). Примечательно, что они характерны в основном для болгарских и чешских диалектов.

Что касается **ограниченных** ареалов эксклюзивных лексем, то они встречаются довольно часто, ср., например, ситуацию на карте, посвящённой вопросу SL 1992 'человек, который любит вкусно поесть', где представлено множество эксклюзивных лексемь: рус. *sold-t-en-a*, *sold-t-en-ik-ъ*, *sold-t-ъn-ik-ъ*, *sold-ъk-o-ěd-j-ъk-a*, *sold-ъk-o-sžn-ěd-ъn-ež-ъ*, *sold-ъk-o-ěd-ъ*, *qlk-om-ic-a*, *liz-o-bljud-ъ*, *liz-o-bljud-ъn-ik-ъ*; укр. *vъš-ъk-o-ěd-ъ*, *maz-un-ъ*, *sžmet-an-ъn-ik-ъ*, *las-ěj-ъ*; блг. *qlk-om-i-j-a*, *qlk-om-ъšč-in-a*; плс. *qlk-om-ъc-a*, *ob-žbr-t-ux-ъ*; слц. *kvar-ъn-ik-ъ*, *ma-SkьRt-ъn-ik-ъ*; серб. *ž//er-on-j-a*; слн. *po-žer-ux-ъ* и т.д. При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение.

Наличие эксклюзивных образований даёт основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов. Причём этот процесс можно наблюдать и сегодня, о чём свидетельствуют их **микроареалы**, которые, как известно, формируются в более позднее время, ср., например, распространение следующих эксклюзивных лексем в русских диалектах: *tъlst-o-brjux-ъ* SL 1919° 'человек с большим животом'; *dik-ar-ъ* LSL 1935 'глупый человек, дурак'; в украинских: *plet-ъ=-uš-ъk-a*, [*brex*]-*ač-ъk-a* SL 1986° 'женщина, которая любит сплет-

ничать'; в белорусских: *o-pi-v-oš-ь* SL 1993 'человек, который любит пить водку, пьяница'; *gnoj-ь* SL 1990° 'человек, который много спит'; в польских: *žir-ak-ъ, žBR-l-ak-ъ, žBR-t-ux-ъ, ob-žBR-t=-ь-ux-ъ, ob-žBR-t-us-ъ* SL 1991° 'человек, который очень много ест'; в лужицких: *sž-lъ//g-an-ьс-ь* LSl 1984 'человек, который лжёт'; в чешских: *jъz-dъx-l-ъ* вопрос L 1988 'ленивый, не любящий работать'; (*cigan*)-*ьstv-ьj-e* F 1982 лъзь; в словацких: *klam-(oš)-ь* LSl 1984 'человек, который лжёт'; *něm-ъt-av-ъ* F 1905 нѣмъ(-жь); словенских диалектах: *toр-ъ, toр-a, tep-ьс-ь* вопрос LSl 1935 'глупый человек, дурак'; (*pukl*)-*j-ast-ъ* Sl 1914 'горбатый, имеющий горб' (о человеке); в сербских: *glup-av-ъk-o* LSl 1935 'глупый человек, дурак'; *vъl-j-ъ* L 1908 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке); в хорватских: *Vъrg-a* F 1913 гърба//гърбъ; *zor-k-av-ъ* L 1908 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке); в македонских: *tyk-ъv-ar-ъ* вопрос SL 1926 'человек с большой головой'; *gor-o-glêd-ъ* L 1908 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке); в болгарских: (*kambur*)-*j-ast-ъ* Sl 1914 'горбатый, имеющий горб' (о человеке); *lъž-ar-ь* LSl 1984 'человек, который лжёт' и т.д.

Основная причина появления эксклюзивных лексем связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация. Это своеобразное видение внешнего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках, лежащих в основании эксклюзивных лексем. Так, например, на карте 'человек с большой головой' основным мотивационным признаком является соматический, отсылающий к части тела человека (ср. блг. *golv-ьс-о*; укр. *golv-aj-ь, golv-ěj-ь*; чеш. *golv-on-ъ, golv-on-ь*; блр. *golv-ьn-ь*), однако в македонских диалектах он получает метафорическое осмысление (ср. мак. *tyk-ъv-ar-ъ*).

Другая причина появления эксклюзивных лексем нередко связана с куль-

турно-историческим влиянием других языков. Причём в западнославянских и словенских диалектах особенно часто немецкого языка (ср. чеш. (*šilh*)-*av-ъ* вопрос L 1908 'косоглазый, с косыми глазами' (о человеке) от нем. *schel, scheel* 'косо-сой'; слн. (*škil*)-*j-Av-ъ* от ст.-в.-нем. *skilihen*, ср.-в.-нем. *schilhen* 'косить глазами'; плс. *o-(šuk)-u-j-e-ть* вопрос L 1979 'лжёт, говорит неправду' от ср.-в.-нем. *souchen* 'искать'; луж. (*glackop*)-*ъ* вопрос SL 1899° 'лысый человек' из нем. диал. *Glatzkopp* и т.д.), а в южнославянских — турецкого (ср. блг. (*sarxoš*)-*ь* вопрос SL 1993 'человек, который любит пить водку, пьяница' из тур. *sarhoş* (< перс. *serhōš*); мак. (*kel*)-*ъk-a* вопрос L 1900 'лысина на голове человека' из тур. *kel* (< перс. *kel*) 'лысина'); серб. (*bekri*)-*j-a* вопрос SL 1993 'человек, который любит пить водку, пьяница' от тур. *bekri* и т.д.). Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов нередко приводило к образованию эксклюзивной лексем.

Вместо заключения

Итак, несмотря на праславянский характер лексем, отобранных для картографирования в «Общеславянском лингвистическом атласе», в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении. Материалы Атласа красноречиво говорят о том, что, прорывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду с типологическим сходством в них отчётливо просматриваются и различия. Они проявляются в бесконечной вариативности, отклонениях, несовпадениях в использовании лексико-словообразовательных средств, что ещё раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая. Не опровергая самого родства языков, эти различия свидетельствуют о своеобразии каждого язы-

ка в систематизации форм человеческого мышления при помощи лексико-слово-образовательных средств. В каждом томе Атласа можно найти обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии всех славянских диалектов и соответственно о дифференциации диалектного континуума Славии. Это прекрасно осознал ещё А.Мейе, который говорил, что Ж.Жильерон создал «лингвистическую геологию», интересующуюся лексическими наслоениями и с помощью карты показывающую, как различные лексические слои оседали с течением времени один за другим. А потому необходимо провести «лингвистические раскопки».

А это значит, что и карты «Общеславянского лингвистического атласа» нуждаются в таких «лингвистических раскопках». Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленных на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Только так лингвистические карты Атласа смогут стать надёжным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Изучение проблемы дифференциации славянских языков обещает выявить новые интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределении на карте праславянского. Представляется, что «путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка

лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп» [4], т.е. ключ к решению данной проблемы даёт лингвогеография с её методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошёл в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий¹.

На современном этапе изучения славянского диалектного ландшафта следует обратить самое серьёзное внимание на создание фактографической базы межславянских диалектных связей, особенно сепаратных схождения, с целью их генетической и ареально-типологической интерпретации. Думается, что только в этом случае появятся объективные предпосылки для перехода от единичных (нередко случайных) констатаций отдельных лексико-семантических схождения к их системному описанию в сравнительно-историческом аспекте. Накопление изоглосс самого разного характера даст возможность ответить на вопрос, что в диалектной структуре современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а что сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 5.
2. Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. 2-е изд. М., 1994. С. 28–30.

¹ См., например, статью [5].

3. Куркина Л.В. Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 64.
4. Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992. С. 9.
5. Трубочёв О.Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания 1959. № 1. С. 16.

ENGLISH

Latest issue of Slavic Linguistic Atlas “Personal characteristics of a human” (arealological commentary)

Tatiana Ivanovna Vendina – Dr. Hab. of Philology, Head of Research Centre of Areal Linguistics at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, chair of the International Commission of the Slavic Linguistic Atlas under the International Committee of specialists in Slavic studies; head of project “Personal characteristics of a human in Slavic dialects. Linguistic and geographic aspect”.

E-mail: vendit@rambler.ru

The article deals with spatial and temporal interpretation of the vocabulary, which is represented on the maps of new 12th volume “Personal characteristics of a human” of “Slavic Linguistic Atlas” (SLA). It gives the answer for the question what the Atlas maps tell. The article is based on the SLA materials that ensure reliability and truthfulness of the research results. The author interprets the revealed lexical isoglosses in terms of genetic, areal and typological aspects.

Analyzing the maps of “Slavic Linguistic Atlas”, the author states that three factors played an important role in the historical evolution of the Slavic dialect continuum, specifically the factor of genetically inherited, the factor of universal typological and the factor of contact convergence. This conclusion is affirmed with the vast materials and allows to reveal a complex pattern of areal relations between Slavic dialects.

Keywords: Slavic Linguistic Atlas, areas, isoglosses

REFERENCES

1. Avanesov R.I. Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas (1958–1978). Itogi i perspektivy // VIII Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov. Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady sovetskoy delegatsii. M., 1978. S. 5 (in Russian).
2. Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Vstupitel'nyy vypusk. 2-e izd. M., 1994. S. 28–30 (in Russian).
3. Kurkina L.V. Praslavyanskiye dialektnye istoki yuzhnoslavyanskoy yazykovoy gruppy // Voprosy yazykozvaniya. 1985. № 4. S. 64 (in Russian).
4. Kurkina L.V. Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoy leksiki. Ljubljana, 1992. S. 9 (in Russian).
5. Trubachyov O.N. Lingvisticheskaya geografiya i etimologicheskie issledovaniya // Voprosy yazykozvaniya 1959. № 1. S. 16 (in Russian).

УДК 811.16 1.1'374

ГРНТИ 16.21.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-123-132

**Е.Б. КУЗЬМИНА,
О.В. ВАСИЛЬЕВА,
Е.В. ПУРИЦКАЯ***

О Словаре лексической прагматики русского языка

В статье излагается концепция Словаря лексической прагматики русского языка, которая была сформулирована в ходе работы над проектом «Лексика русского языка с прагматическим компонентом семантики».

Прагматический компонент слова — это феномен, в котором проявляется национальная специфика языка. Те неявные элементы смысла (включающие оценочные, эмоциональные, экспрессивные, культурные коннотации и т.п.), составляющие прагматический компонент слова, часто являются причиной коммуникативных ошибок в речевой практике носителей языка и иностранцев. Успешная коммуникация требует владения информацией о прагматических свойствах слов, т.е. о прагматической компетенции.

В статье определяются новизна данного Словаря и его соотношение с предшествующей лексикографической традицией, задачи Словаря, его источники, основные параметры (аспекты) описания словарной единицы.

Ключевые слова: лексикография русского языка, лексическая прагматика, прагматический компонент семантики

Возможность выделения лексической прагматики, предметом изучения которой являются прагматические свойства отдельного слова — прагматические компоненты в струк-

туре его значения, появилась, с одной стороны, в связи с разработкой теории интегральной компонентной структуры лексического значения, а именно в связи с выделением микро- и макрокомпо-

* **Кузьмина Елена Борисовна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Лексика русского языка с прагматическим компонентом семантики» (15-04-00373а).

E-mail: elena_kuzmina01@mail.ru

Васильева Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: barcarola@list.ru

Пурицкая Елизавета Владиславовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: purichi@list.ru

нентов лексического значения (в работах Э.С. Азнауровой, В.Н. Телии, И.А. Стернина, Н.Д. Арутюновой, И.М. Кобозевой [1–5] и др.).

С другой стороны, в работах отечественных учёных по лингвистической прагматике (Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телии, Н.А. Лукьяновой, Г.Н. Складневской [7–12] и др.) появляется новое направление исследования — изучение прагматического аспекта слова как центральной единицы языковой системы. При этом рассматривается взаимосвязь семантики и прагматики в структуре значения лексических единиц (в работах зарубежных исследователей (Д. Остин, Д. Серль, Г.П. Грайс, Т.А. ван Дейк [13–16] и др.) прагматические исследования проводятся главным образом на уровне текста, предложения, речевых актов). Иными словами, научная мысль развивается от исследования прагматики текста к изучению прагматики отдельного слова.

Прагматический аспект лексического значения представляет собой дополнительную по отношению к вещественному содержанию слова информацию об условиях и участниках коммуникации, он объединяет всю информацию, связанную с функциональными свойствами слова: «отношениями между лексемой и условиями её употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий, и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» [6, с. 269].

Под термином «прагматический компонент» мы понимаем заключённые в лексическом значении дополнительные оттенки смысла (стилистические, социальные, историко-языковые, историко-культурные, этические, эстетические и т.п.), которые определяют функциональные возможности слова и содержат сведения о речевой ситуации, в которой происходит общение, характеристиках коммуникантов, их целях и намерениях, а также об эмотивных, экс-

прессивных, оценочных составляющих речи и в целом о коммуникативно-прагматическом пространстве [10, 12, 17].

Прагматический компонент в лексическом значении слова в последние годы привлекает всё большее внимание исследователей: вырабатываются подходы к семантизации прагматического макрокомпонента [19], изучается то, как отражены разные типы прагматических компонентов в слове [20–22], разрабатывается база данных прагматически маркированной лексики [23]. Однако прагматически маркированная лексика анализируется с опорой на имеющиеся словари русского языка и традиционную академическую лексикографическую практику, в то время как её анализ требует разработки принципиально новых подходов к лексикографическому описанию.

В рамках исследовательского проекта «Лексика русского языка с прагматическим компонентом семантики» сотрудники Межкафедрального словарного кабинета им. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета разрабатывают принципы лексикографического описания слов с прагматическим компонентом значения, которые положены в основу экспериментального Словаря лексической прагматики русского языка (далее Словарь).

Новизна данного проекта состоит в том, что целенаправленно прагматический компонент слова выделяется как главный предмет лексикографического анализа и описания. На сегодняшний момент в отечественной лексикографии описанию прагматических свойств слов уделяется внимание в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна, но поскольку это аспектный, а не толковый словарь, то подобное описание имеет свою специфику. В двух проектах толковых словарей (Новом академическом словаре (проект Г.Н. Складневской [12]) и Толковом словаре русской разговорной речи (проект Л.П. Крысина) [18]) предлагается выделять отдельно прагматическую зону, кото-

рая будет содержать сведения о прагматических свойствах слова и условиях употребления его в речи, но лишь как один (а не самый главный) из параметров лингвистической характеристики слова наряду с другими (к тому же проект Нового академического словаря до сих пор не реализован).

В основу Словаря положены два принципа лингвистического описания материала:

- 1) активность. Это должен быть словарь активного типа, так как многие современные словари лишь раскрывают значение слов, но не указывают, как их употреблять.
- 2) интегральность — учёт всех типов лингвистической информации, заключённой в слове. Предполагается, что словарная статья «должна содержать (в идеале) исчерпывающую информацию о лексеме, т.е. сообщать весь объём знаний, которые входят в состав языковой компетенции говорящих» [24, с. 130].

Словарная статья данного Словаря отличается от структуры словарных статей в традиционных толковых словарях: лексикографическое описание слов с прагматическим компонентом значения имеет вид последовательно расположенных зон, в каждой из которых содержится один тип информации о слове: о его семантике, реализации в речи, прагматических особенностях (стилистической характеристике, типе прагматического компонента, употреблении слова в различных коммуникативных ситуациях и типовых речевых актах, его типичной сочетаемости), а также парадигматических связях (синонимических и деривационных), содержащейся в нём лингвокультурологической информации.

Словарь не ставит своей задачей отражение всего многообразия лексического состава современного русского языка. Основным критерием включения слова в словник является его фактическое использование в живой разговорной речи. Нас интересует прагматика живого раз-

говорного слова — лексики, актуальной для сегодняшнего употребления, необходимой с точки зрения современной языковой коммуникации. Этим обусловлен и перечень источников Словаря:

- Национальный корпус русского языка (устный подкорпус):

БИЛЕТИК ... *Всегда ходили в театр, даже если не было билетов, в надежде, что кто-нибудь обязательно продаст лишний билетик, и каждый раз в театр попадали (НКРЯ).*

СОЛНЫШКО ... *Сегодня превосходная погода! Солнышко, тепло! Настроение просто отличное! (НКРЯ).*

ОСЁЛ ... *Почему я, осёл, не запер дверь на ключ? (НКРЯ)*

- Интернет (интернет-форумы, блоги и т. п.).

ПАКОСТИТЬ ... *Заведующая не хочет оставлять детей в садике до 8 лет, продолжает пакостить! (Интернет-форум, 2011)*

- Фрагменты записей устной спонтанной речи (источники — Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРПР), опубликованные записи русской разговорной речи):

СТАРИКАШКА ... *Где вы этого старикашку откопали? Он же на ладан дышит. (ТСРПР)*

- Речения в виде словосочетаний или коротких фраз из словарей русского литературного языка, а также собственные примеры составителей, иллюстрирующие типичное употребление слова: *Ты у нас молодец. Молодец ты у меня. Молодец, пять! Садись. Молодец!*

На описание особенностей лексической прагматики слова ориентированы как сама структура словарной статьи, разделённой на зоны, так и особенности наполнения каждой из зон.

Семантическая характеристика слова

Особое внимание уделено блоку словарной статьи, относящемуся к толкованию значения (3).

Наряду с тем, что собственно прагматика слова описывается в особой зоне, на выявление прагматических компонентов в значении направлены и принятые в Словаре принципы толкования слов, хотя, безусловно, разграничение собственно лексической и прагматической составляющих представляет значительную сложность.

При толковании лексической единицы приняты следующие способы отражения прагматической информации, которую несёт слово:

- 1) собственно дефиниция;
- 2) стилистические особенности значения слова;
- 3) лексико-семантические ограничения (семантический конкретизатор);
- 4) указание на статусы коммуникантов.

(1) Словарная дефиниция отвечает основным требованиям лексикографии: она представляет собой толкование лексического значения слова. Однако особенностью лексики, отобранной для описания в Словаре, является наличие прагматического компонента в семантике, что даёт основания для расширения традиционного толкования. Так, для слов, обладающих прагматическим значением уже в силу своей денотативной отнесённости (собственно прагматическое значение), толкование включает указания на эти особенности денотата:

КАТОРГА ... В дореволюционной России и некоторых других странах — особый вид наказания осуждённых: использование их на принудительных тяжёлых работах в местах с суровым климатом; а также место такого наказания.

АД ... Во многих религиях: место, где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам.

АЛКОГОЛИК ... Кто страдает неумеренным употреблением спиртных напитков, имеет болезненное пристрастие к спиртному.

(2) В дефиниции отражаются стилистические особенности значения слова. Это могут быть чувства, эмоции, которые

стремились выразить говорящие, употребляя данную лексему (одобрение, похвала, порицание, презрение, возмущение и др.); оценка денотата по шкале «хорошо/плохо»; соотнесённость употребления слова с тем или иным функциональным стилем. Данные особенности слова в словарях литературного языка чаще всего отражены посредством помет, собственно стилистических и эмоционально-экспрессивных, однако не получают там никакого объяснения. В Словаре указание на эти особенности часто включаются в толкование слова:

МОЛОДЕЦ... О том, чьи действия вызвали одобрение, похвалу у кого-н. (употребляется по отношению к лицам обоего пола).

БУРЖУЙ... Презрительное наименование очень богатого, состоятельного человека.

ВСЯКИЙ ... Плохой, неприятный; вызывающий у говорящих сомнение, пренебрежение.

ПОСЛАТЬ ... Нецензурно, грубо выругаться по отношению к лицу, вызывающему у говорящего негодование.

В дефиниции отражается также свойственное для разговорной речи, особенно речи женщин, стремление сократить дистанцию между собой и собеседником, сделав свою речь более приятной, смягчить свои слова и таким образом преодолеть свой более высокий/низкий статус или статус собеседника. Эта особенность часто выражается в употреблении говорящими слов с суффиксами субъективной оценки:

ДОКУМЕНТИКИ... Проездные документы. Употребляется в ситуации требования предъявить с целью смягчения выражения.

(3) Если слово или значение слова имеет ограничения лексической сочетаемости, в толкование включается указание на такую ограниченность:

ПОРЯДОЧНЫЙ ... При существительных, характеризующих, обычно отрицательно, человека (усилительно). Чрезвычайный, большой, в высшей степени. *Он порядочный плут.*

(4) Дефиниция может содержать указание на социальный статус и социальные роли говорящих. Например, при толковании слов, употребляющихся в функции обращений, учитываются следующие свойства адресата: возрастная характеристика, половая принадлежность, отнесенность к личной сфере говорящего, определяющая возможность или недопустимость употребления данного слова в качестве обращения к незнакомому лицу и другие факторы. Если употребление соответствующего слова возможно только в речи мужчин (женщин), дефиниция содержит и указание на половую принадлежность субъекта речи: мужское (обращение), женское (обращение). Слова, употребляющиеся в основном в речи детей, имеют указание детское (обращение):

ДЕДУШКА... Обращение значительно младшего по возрасту к пожилому человеку.

БАТЯ... мужское. Обращение к незнакомому мужчине, старшему по возрасту.

ТЁТЕНЬКА... преимущ. детское. Обращение к незнакомой женщине.

В дефиниции отражается также стремление говорящих при личном общении сократить дистанцию между собой и собеседником — в том случае, если статус говорящего выше статуса собеседника:

ГОЛУБЧИК ... Ласково-фамильярное обращение (обычно к мужчине).

СОЛНЫШКО ... Ласковое обращение к близкому человеку, чаще к любимой (любимому), ребёнку.

Прагматическая характеристика слова

Главный акцент при описании лексических единиц сделан на зону прагматики (П), в которой отражены сведения о прагматических свойствах слова и его функциональных возможностях. Зона включает 5 подзон: стилистическая характеристика слова; типовой речевой акт (ТРА), в котором употребляется слово, и статусы собеседников (S); типовая

реализация в речи (сочетаемость слова, конструкции, в которых оно употребляется) (ТРР); ограничение употребления слова с прагматическим компонентом (N).

Стилистическая характеристика слова

Описание прагматически маркированной лексики, активно употребляемой в сфере разговорного общения, потребовало более детальной разработки системы стилистических помет.

Принципы стилистической характеристики материала определяются типом словаря, стремящегося с максимальной полнотой описать лексику с прагматическим компонентом. Стилистические пометы отражают оценку характеризующих единиц с точки зрения: а) сферы употребления, б) собственно стилистической окраски и в) эмоционально-экспрессивных качеств.

а) Прагматической составляющей характеризуются два пласта лексики: книжная и разговорная. Объектом нашего исследования являются слова, используемые в живой разговорной речи. Немногочисленные книжные слова с прагматическим компонентом семантики сопровождаются пометой *книжн.* (книжное): НЕКИЙ, местоим., *книжн.*

В тех случаях, когда прагматической информацией обладают слова или значения, относящиеся к разговорной речи, они сопровождаются пометой *разг.* (разговорное): ВЗВИНТИТЬСЯ, сов., *разг.*

Слова с прагматическим компонентом семантики, находящиеся за пределами литературного словоупотребления и используемые той или иной социальной группой, маркируются пометой *жарг.* (жаргонное): ВАЛЕНОК, м., *жарг.* Дилетант.

б) По шкале высокое/низкое вся лексика (не относящаяся к нейтральной) маркируется как высокая (помета *высок.*), сниженная (помета *сниж.*) или грубая (помета *груб.*). Книжная лексика может быть при этом и высокой, и тогда она имеет помету *высок.*, но это необязатель-

ное условие; а лексика разговорная почти всегда является сниженной или грубой, что отмечается соответствующими пометами (ГЛАЗЕТЬ, несов., разг., сниж.).

Пометой *высок.* (высокое) маркируются слова высокого, приподнятого стиля, которые обычно ограничены в своём употреблении торжественной речью и имеют окраску возвышенности, но в разговорной речи употребляются с ироническим или шутовым оттенком:

БЛАГОВЕРНЫЙ... *высок.* В разговорной речи употребляется с ироническим оттенком. *Я тут сижу, волнуясь, думаю, где же мой благоверный, а он, оказывается, с друзьями пьёт (НКРЯ).*

Помета *груб.* (грубое) используется при описании слов, для которых характерна резко выраженная бесцеремонность, языковая грубость (*болван, тупица* и т.п.).

в) Эмоционально-экспрессивная характеристика.

Поскольку разговорная речь характеризуется наличием субъективной оценки, эмоциональных наслоений, повышенной экспрессивностью, в Словаре используется широкий спектр эмоционально-экспрессивных помет, в том числе и новых для толковых академических словарей.

Слова, их значения или формы, имеющие ту или иную эмоциональную окраску, сопровождаются эмоциональными пометами: *ласк.* (ласковое), *одобрит.* (одобрительное), *шутл.* (шутливое), *ирон.* (ироническое), *пренебр.* (пренебрежительное) *уничижит.* (уничижительное), *порицат.* (порицательное), *неодобр.* (неодобрительное), *бран.* (бранное).

Помета *экспр.* (экспрессивное) отмечает количественную характеристику, интенсивность проявления действия (например, у слова *двинуть* в значении 'ударить').

Характеристика типа речевого акта (ТРА)

Прагматический компонент значения слова актуализируется в речевом акте,

поэтому в зоне прагматики даётся описание типов речевых актов (ТРА), в которых употребляется слово (обязательства, побуждения, приказа, сообщения, просьбы, вопроса, оскорбления, обмана и т.д.).

Указание на речевой акт даётся в том случае, если лексическое средство типизировано в качестве маркера данного речевого акта, что даёт говорящему возможность спонтанной реализации коммуникативной установки. Так, например, сниженная, грубая лексика употребляется в речевых актах осуждения, лексика с ласкательными суффиксами – в речевых актах похвалы, просьбы. Например:

ЖУЛИК ... Человек, склонный к мошенническим проделкам, к обману. Употребляется в ТРА осуждения. *Ну и жулики вы, так и норовите обвесить!*

МОЛОДЕЦ ... Употребляется в ТРА похвалы, одобрения. *Ты у меня молодец!*

СВЯЗАТЬСЯ ... Употребляется в речевых ритуалах, в ТРА просьбы, обещания: *Свяжитесь со мной, пожалуйста, когда сможете. Оставьте заявку, и мы обязательно свяжемся с вами.*

При употреблении прагматически маркированного слова в ТРА обозначаются статусы коммуникантов, реализуемые в этом речевом акте. Поэтому вслед за описанием ТРА следует характеристика адресата и адресанта, а именно:

- возрастная характеристика (адресант старший, равный, младший по возрасту);
- половая принадлежность;
- социальное, профессионально-должностное положение (адресат старший, равный, младший по социальному положению);
- принадлежность/отсутствие принадлежности к личной сфере говорящего (адресат: знакомый, незнакомый, родственник, свой/чужой и т.п.).

АЛКОГОЛИК... S Употребляется по отношению к лицам, чей статус ниже статуса говорящего, само употребление дан-

ного слова по отношению к кому-либо, а особенно при обращении к кому-либо означает понижение его в статусе. Не употребляется по отношению к лицам, входящим в личную сферу говорящего. Если же необходимо сказать, что близкий человек страдает алкоголизмом, для смягчения выражения употребляются устойчивые сочетания эвфемистического характера, часто разговорные (например, *кто-н. пьёт, любит выпить, выпивает, не враг бутылке, закладывает за воротник*).

Типовая реализация значения слова в речи (ТРР)

В этой подзоне описываются типовая реализация слова в определённом значении в речи, особенности его лексико-семантической, синтаксической сочетаемости, а также особенности употребления слова, обусловленные его прагматическими свойствами.

ХАЛТУРИТЬ... Может употребляться не только по отношению к третьим лицам (*Папа вечерами халтурил*), говорящий может употребить это слово и по отношению к себе. *Я вчера весь вечер халтурил* (в отличие от синонимов *шабашничать, левачить, калымить*, которые характеризуются как неодобрительные и поэтому могут быть употреблены только по отношению к третьим лицам).

ВЗВИНТИТЬ/ВЗВИНЧИВАТЬ ... подразумевает субъект действия (того, кто поднял, увеличил цены), хотя он может формально отсутствовать, как в приведённых обобщённо-личных предложениях: *Как взвинтили цены на продукты! Все время взвинчивают!*

БАНДИТКА... Применительно к девочкам и животным женского пола. *Коза-бандитка, забралась в огород, всю капусту поела!*

СИНЕНЬКИЙ ... Употребляется в ситуациях общения с детьми. *Давай завяжем синенький бантик!*

ОТЪЯВЛЕННЫЙ... слово сочетается с оценочными существительными пейора-

тивной семантики, называемыми чело- века (*плут, обманщик, хулиган, мошенник, нахал, балбес и др.*) ... Не употребляется с неоценочными существительными и со словами мелиоративной семантики.

СОЛНЫШКО ... В сочетании с предлогом *на* означает место, освещаемое, нагреваемое солнцем. *Я на солнышке лежу; (о ребёнке:) Вы его на солнышко посадили, ничего?* В сочетании с предлогом *по* означает солнечную сторону дороги, улицы. *А там так очень приятная дорога туда идёт, и мы пошли по солнышку, там очень хорошо.*

Нормативная характеристика (N)

В зоне прагматики приводится указание на нормативность употребления слова или значения слова. Под нормативностью понимается не только соответствие словоупотребления литературной норме, но и уместность использования выбранных речевых средств для достижения цели коммуникации.

Чаще всего такое указание содержит информацию об ограничении употребления конкретного слова с прагматическим компонентом. Дается информация о допустимости/недопустимости употребления слова в зависимости от взаимоотношений коммуникантов.

ХАЛТУРИТЬ... N Недопустимо употребление слова по отношению к лицу, чей статус выше статуса говорящего.

СВИНЬЯ... N По отношению к собеседнику слово допустимо только в разговоре между очень хорошо знающими друг друга, близкими людьми, но даже в этом случае ирония не всегда смягчает грубость оценки.

БАРАХЛО ... N Недопустимо употребление слова в обращении к лицу, чей статус выше статуса говорящего, и в ситуации официального общения.

Таким образом, внимание к прагматической стороне языкового знака требует иных способов лексикографического описания слов с прагматическим компо-

нением в современных словарях русского языка.

Новые подходы к лексикографическому описанию слов, содержащих различные виды прагматической информации

в семантике, дают возможность раскрыть национальное своеобразие языка, увидеть русский язык в его реальном функционировании, а также позволяют избежать многих ошибок в речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
3. Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
6. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. М.: Восток-Запад, 2006.
7. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование: Сборник научных трудов. М.: Наука, 1988. С. 10–22.
8. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 1995. С. 156–198.
9. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Там же. С. 135–155.
10. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
11. Склярская Г.Н. Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // Scando-Slavika. Т. 39. 1993. С. 166–177.
12. Склярская Г.Н. Новый академический словарь: Проспект. СПб., 1994.
13. Остин Дж.Л. Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
14. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В.З. Демьянкова // Там же. С. 170–194.
15. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
16. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
17. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–67.
18. Крысин Л.П. Толковый словарь русской разговорной речи. М.: Проект, 2010.
19. Саженин И.И. К вопросу о построении базы данных прагматически маркированной лексики // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 114–121.
20. Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Там же. № 2. С. 28–40.
21. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 5–19.
22. Кузьмина Е.Б. Идеологический прагматический компонент семантики слов русского языка (лексикографический аспект) // Studia Rossica Gedanensia. 2016. № 3. С. 159–168.

23. Басалаева Е.Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 112–125.
24. Апресян Ю.Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 123–139.

ENGLISH

On the lexical pragmatics Dictionary of Russian language

Elena Borisovna Kuzmina – Candidate of Philology, senior lecturer at the Department of Russian Language in St. Petersburg State University, head of project “Vocabulary of Russian language with a pragmatic component of semantics” (15-04-00373a).

E-mail: elena_kuzmina01@mail.ru

Olga Vladimirovna Vasilyeva – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language in St. Petersburg State University, executor of the above project.

E-mail: barcarola@list.ru

Elizaveta Vladislavovna Puritskaya – Candidate of Philology, senior researcher at the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, executor of the above project.

E-mail: purichi@list.ru

The article outlines the conception of the lexical pragmatics Dictionary of Russian language that was formulated while working on research project “Vocabulary of Russian language with a pragmatic component of semantics”.

The pragmatic component of the word is a phenomenon in which the national specifics of language is manifested. Those implicit elements of meaning (including evaluative, emotive, expressive, cultural connotations, etc.) that constitute the pragmatic component of the word often cause communicative mistakes in the speech practice of native speakers and foreigners. Successful communication requires possession of the information about pragmatic properties of the words, i.e., about pragmatic competence.

The article determines the novelty of this Dictionary and its correlation to the preceding lexicographic tradition, the Dictionary tasks, sources, and main parameters (aspects) of the description of a lexical unit.

Keywords: lexicography of Russian language, lexical pragmatics, pragmatic component of semantics

REFERENCES

1. Aznaurova E.S. Pragmatika khudozhestvennogo slova. Tashkent: Fan, 1988 (in Russian).
2. Teliya V.N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit. M.: Nauka, 1986 (in Russian).
3. Sternin I.A. Problema analiza struktury znacheniya slova. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1979 (in Russian).
4. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
5. Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. M.: Editorial URSS, 2000 (in Russian).

6. Susov I.P. Lingvisticheskaya pragmatika. M.: Vostok-Zapad, 2006 (in Russian).
7. Apresyan Yu.D. Tipy kommunikativnoj informatsii dlya tolkovogo slovarya // Yazyk: sistema i funkcionirovanie: Sbornik nauchnykh trudov. M.: Nauka, 1988. S. 10–22 (in Russian).
8. Apresyan Yu.D. Konnotatsiya kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskij aspekt) // Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1995. S. 156–198 (in Russian).
9. Apresyan Yu.D. Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya // Tam zhe. S. 135–155.
10. Luk'yanova N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya. Problemy semantiki. Novosibirsk: Nauka, 1986 (in Russian).
11. Sklyarevskaya G.N. Real'nyj i irreal'nyj mir tolkovogo slovarya (k voprosu o pragmaticheskom komponente slova) // Scando-Slavika. T. 39. 1993. S. 166–177 (in Russian).
12. Sklyarevskaya G.N. Novyj akademicheskij slovar': Prospekt. SPb., 1994 (in Russian).
13. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie / Per. s angl. A.A. Mednikovoj // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov. M.: Progress, 1986. S. 22–130 (in Russian).
14. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov / Per. s angl. V.Z. Dem'yankova // Tam zhe. S. 170–194 (in Russian).
15. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshchenie / Per. s angl. V.V. Turovskogo // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. M.: Progress, 1985. S. 217–237 (in Russian).
16. Dejk T.A. van. Voprosy pragmatiki teksta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII: Lingvistika teksta. M.: Progress, 1978. S. 259–336 (in Russian).
17. Teliya V.N. Mekhanizmy ekspressivnoj okraski yazykovykh edinit' // Chelovecheskij faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. S. 36–67 (in Russian).
18. Krysin L.P. Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi. M.: Proekt, 2010.
19. Sazhenin I.I. K voprosu o postroenii bazy dannykh pragmaticheski markirovannoj leksiki // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 5. S. 114–121 (in Russian).
20. Tripol'skaya T.A., Bulygina E.Yu. Ideologicheskaya semantika kak ob"ekt leksikografirovaniya raznovremennymi slovaryami // Tam zhe. № 2. S. 28–40 (in Russian).
21. Bulygina E.Yu., Tripol'skaya T.A. Natsional'no-kul'turnyj komponent v semantike slova i sposoby ego predstavleniya v baze dannykh pragmaticheski markirovannoj leksiki // Voprosy leksikografii. 2017. № 11. S. 5–19 (in Russian).
22. Kuz'mina E.B. Ideologicheskij pragmaticheskij komponent semantiki slov russkogo yazyka (leksikograficheskij aspekt) // Studia Rossica Gedanensia. 2016. № 3. S. 159–168 (in Russian).
23. Basalaeva E.G. Pragmaticheskij makrokomponent i sposoby ego semantizatsii v elektronnoj baze dannykh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 6. S. 112–125 (in Russian).
24. Apresyan Yu.D. Formal'naya model' yazyka i predstavlenie leksikograficheskikh znaniy // Voprosy yazykoznanija. 1990. № 6. S. 123–139 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

В.А. МАЗИЛОВ*

Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход

Проблема актуальна как для общей психологии, так и для других отраслей психологической науки, но особенно она сложна в истории психологии. Сложность состоит в том, что даже те факты, которые не подвергаются сомнению в смысле их подлинности, оцениваются разными историками совершенно по-разному. Разумеется, это негативно сказывается на взаимопонимании специалистов и, в конечном счёте, на развитии истории психологии как научной дисциплины. В статье обсуждаются вопросы, связанные с детерминацией восприятия факта. Выдвигается предположение, что в области психологии факт имеет трёхуровневое строение, тогда как в физиологии — двухуровневое. В этом проявляется специфика психологии как науки.

Ключевые слова: факт, история психологии, идея, предмет психологии, структура, уровни

Проблема факта в психологии

Практически каждому, кто занимается исследованиями в области психологии, известен афоризм И.П.Павлова: «Факты — это воздух учёного». Крылатое выражение, принадлежащее великому физиологу и психологу, интуитивно понятно. И всё же давайте уточним. Если у Вас возникли ассоциации с дыханием, то вы понимаете мысль великого учёного не вполне точно. Академик

И.П.Павлов, обращаясь к научной молодёжи, имел в виду то, что на факты необходимо опираться — иначе не взлетишь. «Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать чёрную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты. Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять её ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух учёного. Без них вы никогда не сможете взлететь.

* **Мазилев Владимир Александрович** — доктор психологических наук, заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, руководитель проекта «Проблема факта в психологии» (15-06-10716а).
E-mail: v.mazilov@yspu.org

Но, изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие» [12, с. 133].

Уже по этому высказыванию великого учёного можно заключить, что факт сложнее, чем представляется на первый взгляд.

В психологии проблеме факта не очень повезло. Он представлялся простым и интуитивно понятным, поэтому специальным психологическим исследованиям практически не подвергался. В поле зрения психологов он попадал в тех случаях, когда изучались более крупные вопросы: структура психологического исследования или строение психологического знания.

Характерно, что факт в психологии понимается как простой и однозначный. Обратимся к популярному Большому психологическому словарю, который сообщает, что факт — это «результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований» [2, с. 578].

Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее «нескольких истолкований», является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Главное препятствие состоит в том, что факт при таком подходе не выступает (и не может выступать) основанием, объединяющим исследователей, дающим основу для конструктивного диалога. На уровне эмпирическом это затрудняет формирование фактологической основы науки, лишая возможности провести дополнительный анализ научного психологического факта как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, и тем самым делая невозможным разработку стандарта для описания факта в психологии. На уровне теоретическом недооценка данной проблематики приводит к то-

му, что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне методологическом отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволяют принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали совершенно различные описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Не станем приводить данные обзора философской литературы по проблеме факта [3, 5]. Обратим внимание на работы философа А.Л. Никифорова, посвящённые разработке проблемы факта на материале естественных наук [6, 7].

Психологический факт: историко-психологическое и психологическое исследование

В ходе выполнения проекта рассматривались и изучались факты в области общей психологии, истории психологии, экологической психологии, экономической психологии, психологии труда. Ока-

Фото 1. И.М. Сеченов

залось, что роль психологического факта во всех рассмотренных областях и его место в общей схеме психологического исследования (факты в области общей психологии, истории психологии, экологической психологии, экономической психологии, психологии труда) остаются инвариантными.

Приведём несколько примеров из истории психологии. Возьмём хорошо известные и многократно описанные в литературе эпизоды, достоверность которых никаких сомнений не вызывает.

Эпизод первый. В 1862 г. в лаборатории Клода Бернара (Париж) Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) экспериментально проверил гипотезу о влиянии центров головного мозга на двигательную активность. И.М.Сеченов (фото 1) обнаружил, что химическое раздражение среднего мозга кристаллами поваренной соли блокировало рефлекторную двигательную реакцию конечности лягушки. Сегодня этот сеченовский опыт испол-

зуется как лабораторная работа в курсе нормальной физиологии. Сеченов продемонстрировал свои опыты Клоду Бернару, затем в Берлине – Эмилю Дюбуа-Реймону и в Вене – Карлу Людвигу и Эрнсту Брюкке. Этот опыт получил заслуженное признание коллег, обнаруженный учёным центр был назван «сеченовским центром», а феномен центрального торможения – сеченовским торможением. Было доказано предположение о тормозящем влиянии одной части нервной системы на другую.

Обратим внимание на то, что выдающиеся физиологи дали заслуженно высокую оценку открытому И.М.Сеченовым факту. Для нас важно, что его собственная оценка этого факта была значимой. Она была психологической, что, несомненно, доказывает, что уже в то время Сеченов мыслил как психолог. Если говорить коротко, для Сеченова в этом простом физиологическом эксперименте открылся психологический смысл: он увидел в данном феномене не просто торможение, а механизм воли – самого загадочного и трудноуловимого для исследования психического процесса. Как об этом писал М.Г.Ярошевский: «Речь шла о таком поведении организма, которое не только приспосабливается к среде, но и обладает внутренней силой сопротивления непосредственно действующим раздражителям, способностью не идти у них на поводу, а противостоять им и следовать собственной внутренней программе. Открытие торможения доказывало, что организм обладает такой способностью. Объектом экспериментов Сеченова были высшие нервные центры лягушки. Но ставя эти эксперименты, он имел в виду человека и его поведение. Об этом говорит, в частности, и его попытка изучить торможение не только на животном, но и на самом себе. Конечно, он не рисковал здоровьем других. В качестве подопытного он избрал самого себя, поставив на себе мучительный и небезопасный эксперимент. Открытие

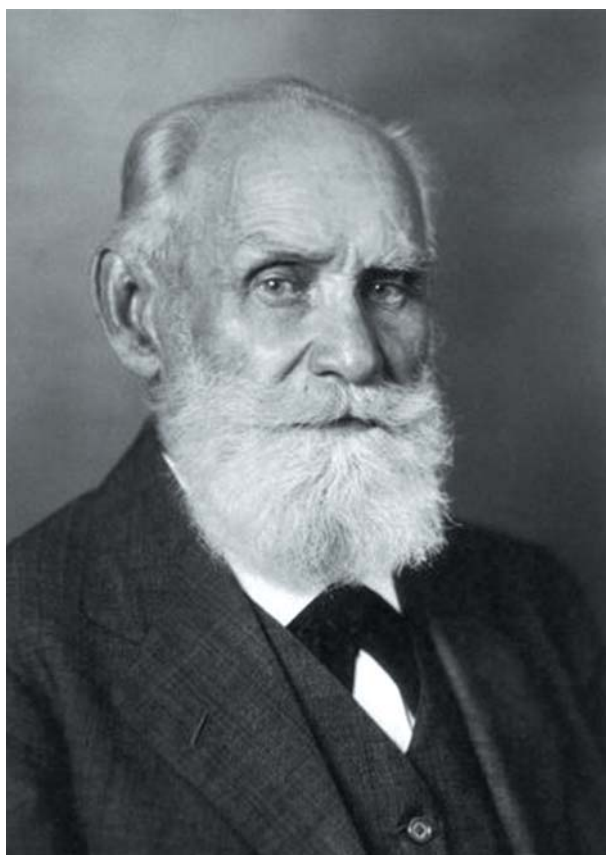

Фото 2. И.П. Павлов

центрального торможения использовалось Сеченовым не только для объяснения того, как формируется волевая личность. Когда рефлекс обрывается, не перейдя в движение, то это, по Сеченову, вовсе не означает, что первые две трети рефлекса оказались зряшными. Не получив внешнего выражения, завершающая часть рефлекса (а она, как отмечалось, несёт в качестве движения познавательную нагрузку) «уходит вовнутрь», превращается в мысль, хотя и незримую, но продолжающую служить организатором поведения. Этот процесс преобразования внешнего во внутреннее получил имя интериоризации» [15, с. 353].

Понятно, что оценить масштаб открытия для психологии выдающиеся физиологи не могли. Иными словами, происходит то же самое, что позднее породит дискуссии, был ли психологом И.П. Павлов.

К случаю И.П. Павлова (1859–1936) мы вернёмся чуть ниже. А пока отметим, что оценку этого факта Сеченов прово-

дил с позиций психологии, что объясняет принципиально иные его «перспективы» по сравнению с коллегами-физиологами. Обратим внимание на этот момент, к анализу которого нам ещё придётся вернуться, что видение психолога и физиолога заметно отличается.

Случай И.П. Павлова (фото 2). Итак, был ли Павлов психологом? Конечно, и это не подлежит сомнению. Приведём цитату из его Нобелевской речи: «В сущности нас интересует в жизни только одно наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был, и сейчас ещё опутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека: искусство, религия, литература, философия и история науки — всё это объединилось, чтобы пролить свет в эту тьму. Но в распоряжении человека есть ещё один могучий ресурс — естествознание с его строгими объективными методами» [11, с. 255]. Достаточно обратиться к его «Введению» к «Двадцатилетнему опыту...». Работая в течение нескольких лет над пищеварительными железами, исследуя тщательно и подробно условия их деятельности, И.П. Павлов пишет: «Я естественно не мог оставить без внимания и так называемое до тех пор психическое возбуждение слюнных желёз, когда у голодных животных и у человека при виде еды, разговоре о ней и даже при мысли о ней начинает течь слюна. И это тем более, что я сам точно установил также и психическое возбуждение желудочных желёз» [9, с. 9].

А.Т. Снарский предпринял анализ внутреннего механизма этого возбуждения, стоя «на субъективной точке зрения, т.е. считаясь с воображаемым, по аналогии с нами самими, внутренним миром собак (опыты делались на них), с их мыслями, чувствами и желаниями» [Там же]. Как отмечает Павлов, при этом-то и произошёл небывалый в лаборатории случай: «Мы резко разошлись друг с другом в толковании этого мира и не могли никакими дальнейшими пробами согласиться на каком-либо общем заключе-

нии и, вопреки постоянной практике лаборатории, когда новые опыты, предпринятые по обоюдному согласию, обыкновенно решали всякие разногласия и споры» [Там же]. Павлов пишет далее, что д-р Снарский остался при субъективном истолковании явлений, я же, поражённый «фантастичностью и научной бесплодностью такого отношения к поставленной задаче, стал искать другого выхода из трудного положения. После настойчивого обдумывания предмета, после нелёгкой умственной борьбы я решил, наконец, и перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога, т.е. объективного внешнего наблюдателя и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями и их отношениями» [Там же].

Как свидетельствует исследователь творчества Павлова: «Отказаться вообще от термина психическое и от субъективного мира человека, как это предлагали в то время некоторые учёные, И.П.Павлов не мог, так как он, как физиолог, изучающий функции пищеварения, придавал психическому фактору исключительное значение» [13, с. 100].

Действительно, как отмечает Павлов, «при наблюдении нормальной деятельности слюнных желёз нельзя не быть поражённым высокой приспособляемостью их работы. Вы даёте животному сухие, твёрдые сорта пищи – льётся много слюны; на богатую водой пищу слюны выделяется гораздо меньше» [9, с. 100]. Иными словами, И.П.Павлов приходит к выводу, что в деятельности «плёвой желёзки» (как он часто именовал слюнные железы) мы можем увидеть недвусмысленные и очевидные проявления «внутреннего мира собаки», их «мыслей, чувств и желаний». В работах Павлова мы, таким образом, наблюдаем последовательный естественно-научный подход к анализу психических явлений. Это недвусмысленный ответ на тот вопрос, который Павлов некогда адресовал самому себе: «нельзя ли

найти такое элементарное психическое явление, которое целиком и с полным правом могло бы считаться вместе с тем и чистым физиологическим явлением, и, начав с него – изучая строго объективно (как и всё в физиологии) условия его возникновения, его разнообразных усложнений и исчезновения, – сначала получить объективную физиологическую картину всей высшей нервной деятельности животных» [13, с. 322].

Эпизод второй: Зигмунд Фрейд (фото 3). Как пишет Ю.Б.Гиппенрейтер, «интерес к неосознаваемым процессам возник у З.Фрейда (1856–1939) в самом начале его врачебной деятельности. Толчком послужила демонстрация так называемого постгипнотического внушения, на которой Фрейд присутствовал и которая произвела на него потрясающее впечатление» [1, с. 89]. Одной даме внушили в гипнозе, что она по пробуждении должна взять зонтик кого-то из го-

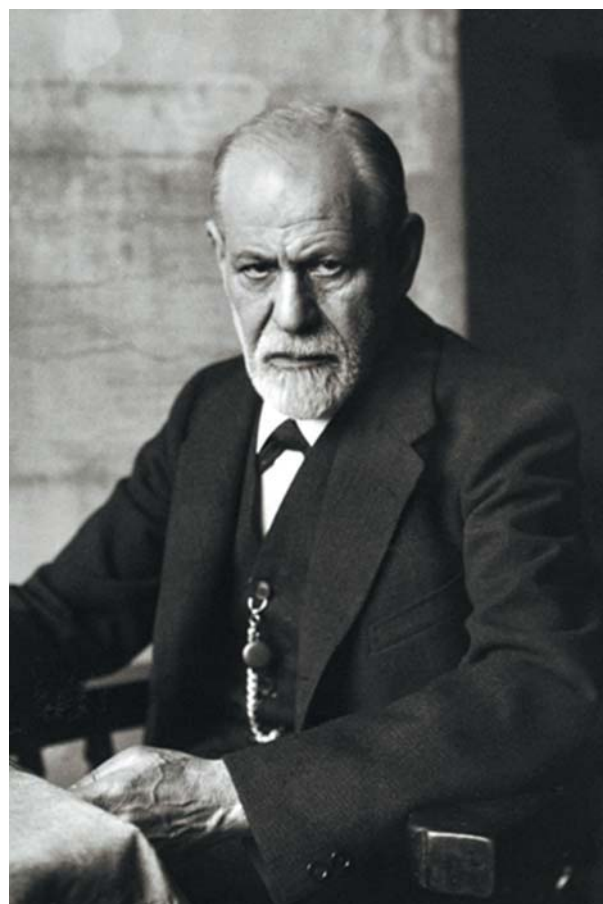

Фото 3. З. Фрейд

стей, стоящий в углу комнаты. Когда она проснулась, то действительно взяла зонтик и раскрыла его. На вопрос, зачем она это сделала, дама ответила, что захотела проверить, исправен ли зонтик. Когда же ей заметили, что зонтик чужой, она смутилась и поставила его на место. Какие особенности феномена постгипнотического внушения привлекли внимание Фрейда? Во-первых, неосознаваемость причин совершаемых действий. Во-вторых, абсолютная действенность этих причин: человек выполняет задание, несмотря на то, что сам не знает, почему он это делает. В-третьих, стремление подыскать объяснение, или мотивировку, своему действию. Наконец, в-четвёртых, возможность иногда путём длительных расспросов привести человека к воспоминанию об истинной причине его действия, по крайней мере, так было в случае с зонтиком [1, с. 90].

Известно, что З.Фрейд обсуждал этот феномен с разными коллегами, в частности с Ж.Шарко. На последнего эти факты, насколько можно судить, не произвели особого впечатления. По-видимому, это произошло потому, что Шарко находился на позиции психиатра, и для него гипноз являлся средством исследования истерии. Для Фрейда этот психологический феномен выступил как модель устройства психики человека. Фрейд увидел в этом факте психологический феномен – метафору психической жизни в целом, когда бессознательные явления реально управляют поведением человека, тогда как сознание не имеет об этом ни малейшего представления.

Итак, мы кратко рассмотрели два эпизода из истории психологии. Количество эпизодов легко может быть умножено, но думается, для нашего обсуждения вполне достаточно двух.

О чём свидетельствуют эти эпизоды?

Факт, т.е. то, что непосредственно наблюдается, воспринимается субъектами, расценивается наблюдателями явно по-разному. Представляется, что факт

всё же не простое, однозначное явление, каким его обыкновенно представляют, но феномен, имеющий некоторую структуру.

Структура факта

Уже поверхностный анализ свидетельствует о том, что факт внутренне неоднороден.

Пытаясь установить состав факта, можно выделить уровень процедурный (или технический). На этом уровне факт будет представлен совокупностью тех процедур, которые необходимо выполнить для того, чтобы получить факт (например, взять лягушку, сделать срез мозга, поместить на него кристаллики соли и т.д.).

Думается, на этом уровне никаких разногласий не предвидится. Более того, если бы они прогнозировались, то под угрозой оказалась бы воспроизводимость факта.

Очевидно также, что наблюдаемый факт является событием, которое существует как научный феномен. Имеется в виду то, что он воспринимается как имеющий отношение к науке, подчиняющийся закономерностям науки, соотносящийся с системой её понятий и трактуемый в терминах науки. Этот уровень следует именовать предметным (или концептуальным). Например, лягушка потому не отдергивает лапку, что происходит тормозящее влияние. Это, несомненно, физиологическое объяснение, кстати, являющееся значимым вкладом в физиологию.

Как следует из рассмотренных нами эпизодов, для психологического факта характерно наличие ещё одного уровня – идеологического (или методологического). Это связано с тем, что в области психологии существует неоднозначная трактовка предмета, и по этой причине явление может восприниматься по-разному в зависимости от того, как понимается сам предмет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с уникальностью положения в психологии, чего не наблюдается в других науках.

Итак, в структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии: предметный и процедурный, соответственно, — с базовой категорией и моделирующими представлениями как важнейшими компонентами предтеории. Напомним: предтеория представляет собой комплекс исходных представлений учёного, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования; предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т.п.). Обратим внимание на то, что предтеория может не осознаваться самим исследователем, для её экспликации необходимо использовать специальные процедуры [3].

Основным фактором, определяющим различия в квалификации факта, выступают различия в предтеориях субъектов. Этот результат открывает интересные и многообещающие перспективы дальнейших исследований. Такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разные учёные одни и те же факты воспринимали и оценивали принципиально по-разному. С нашей позиции, в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному «теоретически нагруженными», так как оценивались с позиции разных предтеорий. В качестве предтеории, определяющей восприятие и трактовку факта, могут выступать элементы профессиональных представлений, являющиеся фрагментами теорий, которые субъект как профессионал принимает. Например, субъект может руководствоваться известными в психологии теориями. Скажем, в отечественной пси-

хологии известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. К примеру, для С.Л.Рубинштейна в его подходе базовой категорией является процесс, тогда как для А.Н.Леонтьева это структура [3]. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой — совместно-распределённое взаимодействие индивидов в решении общей задачи [3]. Такого рода различия опыта субъектов будут в значительной степени определять различия в рецепции фактов, которые представляются практически неизбежными.

Перспективы исследования

Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, важно понять, каким образом происходит эта интерпретация. Неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Здесь мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии. Действительно, психологами исследовано много различных видов профессиональной деятельности, но только не деятельность самого психолога. Конечно, изучение профессионального сознания связано с большими трудностями. Как представляется, более конструктивно рассматривать обсуждаемые вопросы в другом контексте. Речь идёт о понятии внутреннего мира человека. Применительно к нашей проблематике можно говорить о внутреннем мире психолога. Таким образом, может быть поставлена задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна и представляет собой самостоятельную

исследовательскую задачу. Структура факта (по А.Л.Никифорову [7, 6]) и уровневое строение вполне органично интегрируются в рамках уровневой модели. Процедурному уровню соответствует тот структурный компонент факта, который А.Л.Никифоров называет «материально-практическим компонентом». Имеется в виду совокупность приборов, инструментов и совокупность практических действий с этими приборами, а также навыки, умения, используемые при установлении факта. Уточним, что в психологии для получения факта не обязательно используются приборы, но действия для его получения совершаются непременно. Предметному уровню соответствует перцептивный компонент (по А.Л.Никифорову). Напомним, в этом случае подразумевается определённый чувственный образ или совокупность чувственных образов, включённых в процесс установления факта. Этому же уровню соответствует лингвистический компонент факта (по А.Л.Никифорову). Лингвистический компонент, Напомним, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чём-то как о факте.

Идеологический уровень характеризует представленность предмета психологии, т.е. отражает специфику факта

как именно психологического. Вероятно, этот уровень характеризует уникальность психологического факта, ибо в психологии (в отличие от других дисциплин) сохраняется множественность трактовки предмета. Оказалось необходимым сопоставить строение факта в психологии и в смежных дисциплинах (например, в физиологии мозга или в социологии). Оказалось, что строение радикально различается: в психологии наличествуют три уровня, тогда как в смежных дисциплинах их только два. В психологии необходимо присутствует идеологический уровень, а в физиологии мозга или социологии его нет. Таким образом, оказалась выявленной потенциальная причина возможного непонимания представителей смежных специальностей при проведении междисциплинарных исследований. Этот вывод дополнительно подтверждает, что своеобразие психологии, по сравнению с другими науками, значительно больше, чем обыкновенно полагают.

Наши исследования убедительно показывают, что факт, обладающий уровневой структурой, имеет как инвариантные, так и изменяющиеся составляющие. В этом мы видим большие перспективы применения данного подхода в сфере философии и истории науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 2002.
2. Еникеев В.Н. Факт // Большой психологический словарь / Под ред. В.П.Зинченко и Б.Г.Мещерякова. СПб., 2008. С. 578.
3. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017.
4. Мазиллов В.А. Методологические проблемы исследований в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Т. II: Психолого-педагогические науки. ЯГПУ, 2015. № 1. С. 91–97.
5. Мазиллов В.А. Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 157–168.
6. Никифоров А.Л. Факт // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 157–158.
7. Никифоров А.Л. Философия и история науки. М.: Идея-Пресс, 2008.
8. Ноздрачёв А.Д. И.П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 1: Нобелевская эпопея Павлова. СПб.: Гуманистика, 2004.

9. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности М.: Наука, 1973.
10. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. М.; Л, 1951. Т. 3. Кн. 2.
11. Павлов И.П. Нобелевская лекция // Ноздрачев А.Д. И.П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 1: Нобелевская эпопея Павлова. СПб.: Гуманистика, 2004. С. 236–255.
12. Сапарина Е.В. Последняя тайна жизни: Павлов. Этюды о творчестве. М.: Молодая гвардия, 1986.
13. Шингаров Г.Х. Научное творчество И.П. Павлова: проблемы теории и метода познания. М.: Медицина, 1985.
14. Энциклопедия истории психологии. Т. 4. Кн. 2. М., 2010.
15. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. М.: Академия, 1997.

ENGLISH

The scientific fact in psychology: a structural-and-level approach

Vladimir Aleksandrovich Mazilov – Dr. Hab. of Psychology, Head of Department at K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, head of project “Problem of the fact in psychology” (15-06-10716a).
E-mail: v.mazilov@yspu.org

The problem is relevant for both general psychology and other fields of psychological science, but it is especially complex in the history of psychology. The difficulty is that even those facts that are not questioned in terms of their authenticity are still evaluated in absolutely different ways by different historians. Naturally, it has a negative impact on the mutual understanding among the specialists and, ultimately, on the development of the history of psychology as an academic subject. The article discusses issues associated with determination of the fact perception. A hypothesis is advanced that in the sphere of psychology, the fact has a three-level structure, whereas in physiology it has a two-level structure. This is where specifics of psychology as science are manifested.

Keywords: fact, history of psychology, idea, subject of psychology, structure, levels

REFERENCES

1. Gippenreyter Yu. B. Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu. M., 2002 (in Russian).
2. Enikeev V.N. Fakt // Bol'shoy psikhologicheskii slovar' / Pod red. V.P. Zinchenko i B.G. Meshcheryakova. SPb., 2008. S. 578 (in Russian).
3. Mazilov V.A. Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'. Yaroslavl': YAGPU, 2017 (in Russian).
4. Mazilov V.A. Metodologicheskie problemy issledovaniy v istorii psikhologii // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. T. II: Psikhologo-pedagogicheskie nauki. YAGPU, 2015. № 1. S.91–97 (in Russian).
5. Mazilov V.A. Metodologiya psikhologii: k razrabotke kontseptsii psikhologicheskogo fakta // Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik. 2015. № 4. S. 157–168 (in Russian).

6. Nikiforov A.L. Fakt // Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 4. M., 2010.S. 157–158.
7. Nikiforov A.L. Filosofiya i istoriya nauki. M.: Ideya-Press, 2008 (in Russian).
8. Nozdrachyov A.D. I.P. Pavlov – pervyy Nobelevskiy laureat Rossii. T. 1: Nobelevskaya epopeya Pavlova. SPb.: Gumanistika, 2004 (in Russian).
9. Pavlov I.P. Dvadtsatiletniy opyt ob"ektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti. M.: Nauka,1973 (in Russian).
10. Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochineniy. M.; L, 1951. T. 3. Kn. 2 (in Russian).
11. Pavlov I.P. Nobelevskaya lektsiya // Nozdrachyov A.D. I.P. Pavlov – pervyy Nobelevskiy laureat Rossii. T. 1: Nobelevskaya epopeya Pavlova. SPb.: Gumanistika, 2004.S. 236–255 (in Russian).
12. Saparina E.V. Poslednyaya tayna zhizni: Pavlov. Etyudy o tvorchestve. M.: Molodaya gvardiya, 1986 (in Russian).
13. Shingarov G.Kh. Nauchnoe tvorchestvo I.P. Pavlova: problemy teorii i metoda poznaniya. M.: Meditsina, 1985 (in Russian).
14. Entsiklopediya istorii psikhologii. T. 4. Kn. 2. M., 2010 (in Russian).
15. Yaroshevskiy M.G. Istoriya psikhologii ot antichnosti do serediny XX veka. M.: Akademiya, 1997 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-143-151

**А.В. ЧЕРНЕЦОВ, Е.В. БУЛАНКИНА,
И.Ю. СТРИКАЛОВ***

Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани)

Старая Рязань относится к числу наиболее изученных стольных городов крупнейших земель-княжеств средневековой Руси [1]. В ряду подобных памятников она не является ни самым крупным, ни одним из наиболее древних. Эталонное значение Старорязанского городища в другом. Старая Рязань подверглась такому страшному разгрому полчищами Батюга, что полноценная городская жизнь неизбежно должна была прекратиться. Некогда динамично развивавшийся молодой столичный центр превратился в классический мёртвый город. Это трагическое обстоятельство создало исключительно благоприятные условия для его археологического изучения. В отличие от других столиц крупнейших древнерусских княжеств, переживших разорение, но выстоявших в качестве центров городской жизни и в наши дни занятых современной застройкой, Старая Рязань от неё свободна и практически полностью доступна для археологических исследований. Неслучайно памятник иногда называют «русскими Помпеями».

Именно Старая Рязань явилась первым памятником, с изучения которого начались археологические исследования древнерусских городов. Первые раскопки — с современной точки зрения их трудно назвать вполне профессиональными — были проведены почти 200 лет назад, в 1822 г. Автор книги об этих работах и находках в Старой Рязани, К.Ф.Калайдович, называет свои исследования «археологическими исследованиями» [2]. Отметим, что, в отличие от многих современников как в России, так и за рубежом, К.Ф.Калайдович понимал слово «археология» в том смысле, который становится общепринятым значительно позже (в то время профессия археолога ещё не существовала).

Современные профессиональные раскопки городища, проводимые совместно Институтом археологии РАН (первоначально ИИМК АН СССР) и Рязанским историко-культурным музеем-заповедником, были начаты известным археологом-славистом А.Л.Монгайтом в 1945 г. В наши дни Старорязанская экспедиция, возобновлённая в 1994 г.,

* **Чернецов Алексей Владимирович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проекта «Старорязанская археологическая экспедиция» (17-01-18048е).
E-mail: avchernets@yandex.ru

Буланкина Елена Владимировна — старший научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, исполнитель того же проекта.
E-mail: ev@riamz.ru

Стрикалов Игорь Юрьевич — старший научный сотрудник Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: igor.strikalov@gmail.com

стала возможной благодаря постоянной финансовой поддержке Фонда [3].

«Изюминкой» Старорязанской экспедиции являются богатые клады роскошных ювелирных изделий, сокрытые обитателями города в момент опасности. На сегодняшний день в российских музеях хранятся 17 кладов из Старой Рязани. По числу кладов, связанных с нашествием Батыея, этот древнерусский город уступает только Киеву. К сожалению, не все сокровища средневекового города попадают в музеи. Периодически поступают сведения о находках, связанных с незаконными раскопками, в частности, в Старой Рязани [4]. В настоящее время на городище размещён пункт охраны, что сдерживает деятельность поисковиков с металлодетекторами.

Ювелирные изделия из подобных кладов, несомненно, предназначались для представителей княжеского рода и богатейшего боярства. Это не значит, что мы всегда можем определить социальную принадлежность лица, зарывшего данный клад. Часть кладов, очевидно, прятали под наблюдением глав знатных семей. Но в обстановке паники, предшествовавшей взятию города, клады могли зарывать и младшие представители семейства, и доверенные лица (вроде ключников), а также простые слуги. Что-то в подобных обстоятельствах могло быть украдено и припрятано вором, а что-то — вражеским воином, желавшим утаить ценную добычу от своих командиров. Наконец, часть сокровищ могла в момент опасности находиться в руках изготовлявших их ювелиров. Искусные ремесленники не были их собственниками и работали, как правило, с драгоценным сырьём заказчика. Вместе с тем очевидно, что у них в руках достаточно долго оставались вещи, находящиеся в работе или ремонте.

Насколько полно дошедшие до нас клады представляют богатство русской знати кануна монгольского нашествия? Клады зарываются в землю для того, что-

бы их откопать. Клад, оставшийся в земле, — свидетельство того, что закопавший его человек погиб или был угнан в плен и не вернулся. Часть кладов, спрятанных при приближении войск Батыея, могла быть вырыта их владельцами, близкими или челядью. Захватчики, несомненно, также искали и иногда находили спрятанные сокровища.

В одной из богатейших усадеб Старой Рязани, связанной, скорее всего, с представителем княжеского рода, археологи обнаружили четыре клада. Очевидно, владельцы сознательно рассредоточивали сокровища, надеясь, что хоть что-то уцелеет. Но неужели на всем известной усадьбе богатейшего владельца в дальнейшем ничего не искали и не находили ни завоеватели, ни уцелевшие горожане? Сколько же всего могло быть зарыто кладов, если при раскопках, которые сегодня охватывают всего 6% укрепленной территории города, их найдено 17?

Эта публикация посвящена материалам, связанным с последним кладом, обнаруженным в Старой Рязани (№ 17, клад 2013 г.) [5] (рис. 1). Клад привлекает к себе внимание прежде всего потому, что он, несомненно, связан с ремесленником, занимавшимся изготовлением ювелирных изделий. Об этом убедительно свидетельствует наличие в составе клада незавершенных изделий, ювелирного сырья, а также входящий в него инструментальный ювелира для производства этих изделий.

Клад был обнаружен в ходе обследования с металлодетектором участка, расчищенного от отвалов старых раскопок. Сразу же была начата разборка основного скопления находок, выявленного при обследовании. Выборка клада и фиксация взаимного расположения находок произведены с максимально возможной тщательностью. При этом характер залегания клада в первый год раскопок не был выяснен до конца, поскольку тогда не удалось исследовать участок городища, окружающий клад. Предполагалось, что клад может

Рис. 1. Предметы из клада 2013 г.

находиться внутри постройки (жилой, хозяйственной или производственной), занимать определённое место в пределах усадебного комплекса. Следы подобных сооружений и границы усадебных комплексов, как правило, читаются в нижележащих напластованиях.

В ходе раскопок 2014 г. удалось установить, что на участке, где был найден клад, располагалось кладбище, а не усадьба. Более того, клад сокрыт непосредственно в могиле, в ногах погребённого. Можно предположить, что была использована свежая могила, с тем чтобы следы нового разрытия остались незаметными.

Клад зарыт очень неглубоко, как и многие другие в Старой Рязани. Очевидно, это связано со спешкой и трудностью рытья мёрзлой земли (осада города происходила в декабре 1237 г.). Верхняя часть клада впоследствии пострадала от земледельческих работ, и часть ювелирных изделий была перемещена в разные стороны (до 4–5 м). По этой причине клад 2013 г.

не может рассматриваться как полностью сохранившийся закрытый комплекс.

С кладом несомненно связан значительный комплекс предметов, относящихся к ювелирному производству, прежде всего — ювелирные матрицы (рис. 2). Эти находки были сильнее потревожены при обработке почвы и оказались перемещёнными на гораздо большее расстояние, чем ювелирные изделия («шлейф» матриц протянулся полосой до 15 м, преимущественно в юго-западном и южном направлении). Соответственно, их продолжали находить, постепенно расширяя раскопанную площадь, и в 2014-м, и в 2015-м, и в 2016-м, и в 2017-м гг. Можно полагать, что клад состоял из двух вместилищ (ларцов или мешочков), причём то из них, что содержало менее ценные вещи, лежало сверху, и поэтому матрицы были сильнее смещены земледельческими работами [6].

Рассмотрим основные доказательства того, что данный комплекс связан с дея-

тельностью ювелира. Прежде всего, это наличие в комплексе незавершённых изделий. Так, некоторые каменные крестики имеют полный комплект серебряных оправ-накладок, часть из них оправлена в серебро не полностью, а часть – совсем лишена накладок. Один из крупных медальонов, украшенный гравированным мотивом процветшего креста, скорее всего, должен был быть дополнительно декорирован чернью.

В составе клада присутствует ювелирное сырьё: небольшой слиток золота, рулон золотой фольги и обрубки серебряных слитков, а также уникальная серебряная позолоченная с одной стороны лента длиной более 5 м. Эту находку можно расценить как нечто среднее между ювелирным сырьём и полуфабрикатом.

Главной особенностью рассматриваемого комплекса является обилие в нём матриц для тиснения ювелирных изделий и их деталей из тонкого золотого или серебряного листа. Среди них встречаются уплощённые и имеющие значительный объём, с простыми и сложными очертаниями, с элементами орнамен-

тальной разделки и, наконец, с сюжетными изобразительными мотивами.

Количеством серия исключительно велика. К настоящему моменту она включает около 100 экз. (из 140 матриц, найденных в Старой Рязани). Среди находок крупных серий подобных изделий можно назвать только одну более многочисленную (свыше 200 экз.) из Чернигова [7].

Большая часть матриц представляет собой своеобразные шаблоны для тиснения ювелирных изделий известных типов или их деталей. Назначение же некоторых не вполне ясно или полностью неясно.

Значительная серия матриц предназначена для изготовления биконических бус, как гладких, так и ребёрчатых. Одна матрица украшена каплевидными выпуклыми овалами. Две декорированы косыми перекрещивающимися линейными углублениями.

В серии представлено большое число полушаровидных матриц, очевидно, предназначенных для изготовления половинок пустотелых шариков. Какая-то часть из них могла использоваться для шаровидных бус, другие – для шариков, рас-

Рис. 2. Образцы ювелирных матриц из раскопок Старой Рязани

полагавшихся по периметру чечевицевидных колтов (височных ювелирных украшений, прикреплявшихся к головному убору) или по концам звёздчатых колтов. Среди матриц одна представляет собой шаблон для изготовления седловидной детали, являющейся основанием, к которому крепилась дужка для подвески звёздчатых колтов.

Известные в древнерусском археологическом материале матрицы для тиснения центральных медальонов чечевицевидных колтов в данной серии отсутствуют (хотя подобные готовые изделия в кладе встречаются).

Очень многочисленны и разнообразны матрицы для тиснения колодочек, входивших в состав рясен — цепочек, на которых подшивались колты.

Весьма интересны уникальные матрицы для тиснения деталей колоколовидных рясен (ещё одной разновидности головных украшений) (рис. 3). Среди находок — матрицы для изготовления «боковинки» колоколовидной основы украшения, круглых и каплевидных подвесок. Они позволяли создавать основу детали, которая в дальнейшем дополнительно декорировалась зернью и сканью и приобретала более нарядный вид.

Одна из матриц представляет собой основу для тиснения крестов-тельников. Ещё одна предназначена для изготовления тиснёной иконки святого (по-видимому, св.Николая). Две матрицы предназначены для оттиска деталей с изображением птицы, ещё две — для завершений браслетов, украшенных изображениями головы дракона.

Несколько матриц первоначально мы рассматривали как имеющие неясное назначение. При сравнении с материалами найденных ранее старорязанских кладов выяснилось, что с их помощью изготов-

Рис. 3. Колоколовидные рясны из клада 2005 г. и матрицы для тиснения деталей подобных украшений

ливали оправы для вставки драгоценных камней (рис. 4).

Представлены также матрицы для оттиска криновидных подвесок в виде стилизованного цветка лилии.

Отметим явную избыточность серии матриц. Среди них многие полностью дублируют друг друга (в частности, полушаровидные). Колодочек для рясен, используемых при изготовлении подвесок колтов, также явно больше, чем требовалось одному ювелиру. Разнообразие видов декора подобных колодочек также несомненно превышает потребности одной мастерской.

Ряд матриц (особенно для тиснения колодочек) имеет неудалённые дефекты литья (заусенцы, остатки литников), некоторые представляют собой несомненный литейный брак. Перед нами явно

Рис. 4. Медальон из клада 1822 г. и матрицы для тиснения оправ драгоценных камней

предметы, которые буквально выхвачены из текущего производственного процесса и не могут быть связаны ни с кем другим, кроме ремесленника.

Помимо ювелирных матриц, комплекс находок включает типологически тождественные объекты, но изготовленные

не из бронзы, а из легкоплавкого мягкого металла (олова?), непригодные для использования. Среди них колодочки от рясен для подвески колтов, модель для изготовления криновидной подвески (рис. 5). Последняя показалась мастеру неудачной и была смята (предназначена на пере-

Рис. 5. Бракованная модель матрицы подвески в форме процветшего креста из легкоплавкого металла и готовое изделие сходного типа

плавку). Очевидно, это своего рода промежуточные отливки, которые можно было оттискивать в глине и далее изготавливать настоящие бронзовые матрицы, пригодные для работы.

О том, что мы имеем дело с ведущей мастерской, свидетельствует избыточность набора матриц – очевидно, их изготавливали для нескольких более мелких мастерских, вторичных центров ювелирного производства. В эти мастерские поставляли не только матрицы, пригодные для работы, но и их реплики из мягкого металла, предназначенные для последующего копирования в бронзе.

Как и большинство старорязанских кладов, клад 2013 г. включает только серебряные изделия. Но сокрывший клад ювелир работал и по золоту, о чём свидетельствует наличие в кладе золотого слитка. Между тем лишь два старорязанских клада из 17 включали золотые изделия. Следовательно, наш ювелир принадлежал к числу элитных мастеров, отнюдь не рядовых представителей своей профессии. О том же свидетельствуют матрицы, предназначенные для изготовления оправ для драгоценных камней. Такие оправы находят аналогию лишь в самом богатом старорязанском кладе.

В своё время случайная находка на территории частной усадьбы, расположенной на Северном городище (наиболее ранняя часть древнерусского города), исключительно крупной ювелирной матрицы с изображением полёта Александра Македонского на грифонах (сюжет, связанный с феодальной эмблематикой и апологией монархической власти) (рис. 6) позволила предположить, что где-то поблизости могла находиться главная великокняжеская ювелирная мастерская города [8].

Позднее, при раскопках на соседней усадьбе, были найдены сильно разрушенные остатки более ранних крупных отопительных сооружений, большая серия сопел для нагнетания в печи воздуха с целью достижения высоких темпе-

Рис. 6. Крупная матрица с изображением полёта Александра Македонского

ратур, связанная с ремесленным производством, а также ряд ювелирных матриц. Отсюда до клада, зарытого выдающимся ювелиром, всего несколько сот метров. Очевидно, что археологи оказались на близких подступах к исключительно ярким находкам.

2 июля 2017 г. на территории более новой части средневекового города (на Южном городище) были найдены две каменные литейные формы для отливки ювелирных украшений тех типов, которые представлены в кладах дорогих изделий (рис. 7). Это ещё одно свидетельство того, что Старая Рязань являлась крупным центром художественного ремесла. Значение этих находок раскрыто не до конца.

Подобные изделия, изготовленные в технике литья, ещё не найдены. Шарики по периметру чечевицевидных колтов из кладов тиснёные, пустотелые, а не цельнолитые. Дужки для их подвешивания всегда делали из проволоки, а не отливали в каменной форме.

Исследователи, по-видимому, будут ещё долго заниматься поисками новой информации о древнерусском ювелирном производстве в материалах обнаруженного комплекса. Но уже сейчас он даёт весьма выразительную картину работы выдающего-

Рис. 7. Формы для отливки чечевицевидного колта из раскопок 2017 г. и отреставрированные изделия этого типа, изготовленные в иной технике (спаянные из тиснёных деталей) из клада 2005 г.

ся мастера и связанной с ним мастерской. Любопытно, что незаурядность мастера становится очевидной не на основе художественных особенностей или технического совершенства найденных ювелир-

ных изделий, а благодаря находкам, связанным с процессом производства. На сегодняшний день производственные секреты древнерусских мастеров раскрыты далеко не полностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995; Старая Рязань // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–240; Старая Рязань // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: Сборник научных статей. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 2012. С. 16–89.
2. Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных в 1822 г. древностей. М., 1823.
3. Проект РФФИ «Старая Рязань. Комплексное историко-археологическое изучение столичного древнерусского города и его окружи» (94–06–19073а) (рук. В.П. Даркевич). См.: Чернецов А.В., Буланкина Е.В., И.Ю. Стрикалов. Новые работы в Старой Рязани и её округе (Рязанская область, 2000 г.) // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 191–199; Усков В.А., Водорезов А.В., Стрикалов И.Ю., Милованов С.И., Чернецов А.В., Шишов С.И. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32). С. 53–61; Чернецов А.В. Буланкина Е.В., И.Ю. Стрикалов. Старая Рязань: находки последних лет // Вестник РГНФ. 2014. № 1. С. 178–188. Междисциплинарные исследования памятника с использованием методов естественных наук были поддержаны грантами РФФИ «Междисциплинарные исследования Старорязанского археологического комплекса: историческая топография и трёхмерное георадиолокационное моделирование» (08–06–00459а) (рук. А.А. Ключко) и «Реконструкция фрагментов археологических объектов, подвергшихся воздействию оползневых процессов, разрушающих городище Старая Рязань» (11–06–00158а) (рук. В.А. Усков).
4. Чернецов А.В. Раны Старой Рязани // Природа. 2009. № 12. С. 71–76; Чернецов А.В. К изучению прикладного искусства Рязанской земли // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. V. М., 2012. С. 236–253.
5. Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. 2014. № 2. С. 153–163; Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 51–56, 97, 98.
6. Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2015. Вып. 241. С. 202–206.
7. Моця О.П., Казаков А.Л. Давньоруський Чернігів / Науч. ред. Г.Ю. Івакін. Київ. Стародавній світ, 2011. С. 127, 128, цв. вклейка на с. 128–129; ил. на с. 151–156.
8. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 188.

А.Ю. СКАКОВ, А.И. ДЖОПУА*

Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии

Джантухский могильник в Абхазии [1] был обнаружен в 1970–1980-х гг., когда подвергся активному разграблению местными жителями. Часть находок была передана абхазским археологам, которые в 1981, 1983 и 1985 гг. выполнили на памятнике работы небольшого масштаба [2]. К сожалению, уровень проведённых исследований оказался методически столь неудовлетворительным, что выделить из опубликованного материала достоверные комплексы крайне затруднительно. Кроме того, основная часть материала была опубликована в 1990 г. в Тбилиси, оказавшись малодоступной. Опубликованные материалы оказались в Музее абхазского оружия в г. Гагра и пропали в ходе грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг.

Могильник находится на одной из вершин горы (на высоте 693 м), между посёлками Акармара и Джантух (относящимися к городу Ткуарчал), в Республике Абхазия, в ущелье реки Галидзга (Аалдзга). Место работ, проводив-

шихся в 1980-е гг., было обнаружено нами в 2005 г. С тех пор работы на памятнике проводились ежегодно, в рамках совместной экспедиции Института археологии РАН, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии и Абхазского государственного музея. За эти годы на двух раскопах (позже объединённых траншеей) (рис. 1) исследованы погребальные ямы 3 и 6 (по сути, это одна яма, использовавшаяся в три хронологических этапа — XIII–XI, вторая половина VIII — начало VII в., IV–III вв. до н.э., при этом погребальные слои разделены стерильными прослойками), 4 (IV в. до н.э., яма частично разрушила более ранний погребальный комплекс IX в. до н.э.), 5 (IV–III вв. до н.э.), 7 (VI–V вв. до н.э.), 10 (конец VIII — начало VI в. до н.э.). Погребальная яма 8 сильно разрушена, её также можно датировать в рамках V–III вв. до н.э.

Объекты представлены погребальными ямами различного размера (7,7 × 2,9 м, 5,2 × 2,7 м, 10 × 6 м, 11 × 12 м). В ранних

* **Скаков Александр Юрьевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проектов РГНФ—РФФИ «Джантухский могильник — памятник раннего железного века Восточной Абхазии» (09-01-18107е), «Джантухский могильник — памятник позднего бронзового — раннего железного века юго-восточной Абхазии» (10-01-18036е), «Джантухский могильник — памятник раннего железного века Восточной Абхазии» (11-01-18054е), «Джантухский могильник — эталонный памятник позднего бронзового — раннего железного века Восточной Абхазии» (12-01-18064е), «Джантухский могильник — эталонный памятник эпохи раннего железа в Абхазии» (13-01-18047е), «Джантухский могильник — эталонный памятник эпохи раннего железа Западного Закавказья» (14-01-18076е), «Комплекс археологических памятников эпохи бронзы — раннего железа на горе Джантух (Юго-Восточная Абхазия)» (15-01-18061е), «Комплекс археологических памятников на горе Джантух (Юго-Восточная Абхазия)» (16-01-18087е), «Исследования Джантухского могильника эпохи поздней бронзы — раннего железа в Юго-Восточной Абхазии» (17-01-18091е).

E-mail: skakov09@gmail.com

Джопуа Аркадий Иванович — кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, старший научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

E-mail: arkadi100@rambler.ru

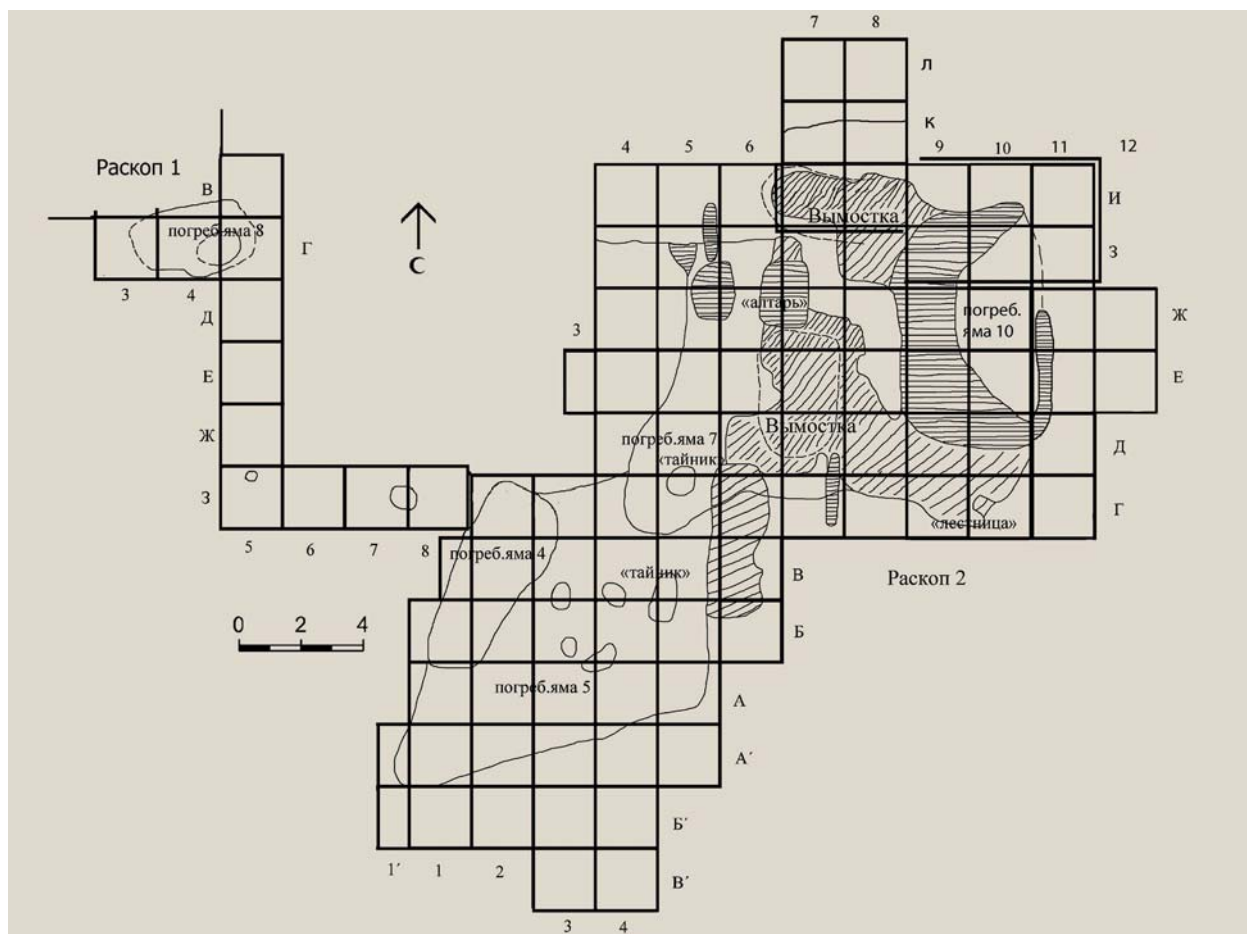

Рис 1. План-схема основных объектов на раскопе 2 на могильнике Джантух

комплексах мы видим коллективные захоронения по обряду кремации на стороне, в более поздних (начиная как минимум с VI в. до н.э.) — по обряду кремации на месте. При этом встречается только характерный для могильников Колхиды (ингури-рионская колхидская культура, выделенная одним из авторов этой статьи) вторичный обряд погребения. Большинство выявленных погребальных комплексов, за исключением наиболее древних, было разграблено, но сохранившийся материал разнообразен и представляет большой интерес. Обнаруженный материал после обработки и реставрации поступает в Абхазский государственный музей. Трудоёмкую и дорогостоящую реставрацию финансирует Правительство Республики Абхазия.

Особый интерес представляет изученный в 2011–2017 гг. погребально-поминальный комплекс, не находящий пря-

мых аналогов среди памятников Кавказа эпохи раннего железа (см. рис. 1). Комплекс занимает общую площадь около 160 кв. м и состоит из нескольких вымосток сложной формы, явно разновременных и неоднократно перестроенных, двух «алтариков» из выложенных кругом камней, вырубленной в материковой глине «лестницы», двух стеночек-перегородок, одной погребальной ямы (№ 10), к сожалению, сильно разрушенной. Сами вымостки, выложенные из камней различного размера, иногда подтёсанных, зачастую сильно обожжённых, а также из фрагментов пифосов, от действий грабителей не пострадали.

Среди камней в большом количестве встречены человеческие кости, как правило, сильно фрагментированные и побывавшие в огне. В составе вымосток обнаружены три камня со знаками (рис. 2): на одном нанесён крест, на другом — сва-

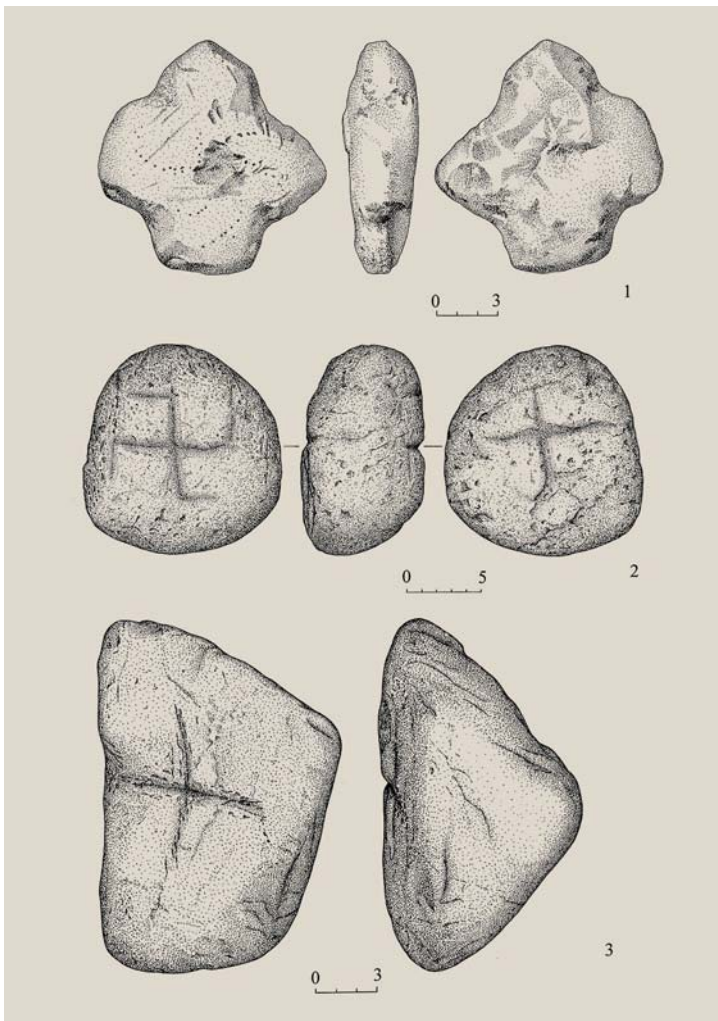

Рис 2. Камни с изображениями из погребально-поминального комплекса

стика на лицевой стороне и крест на обороте, на третьем, обтёсанном в форме креста, – вихревое изображение (из центра уплощённой стороны камня исходит шесть загнутых в одну сторону линий, выбитых точечными углублениями).

Среди камней вымосток найдены десятки наконечников копий (рис. 3, 4), железных колокольчиков (рис. 6, 7, 8), стержней, вероятно использовавшихся для их подвешивания, два однолезвийных кинжала с антенновидными навершиями и прямоугольными перекрестьями (рис. 5, 3, 4). Один из них был воткнут между камнями. У части копий перья намеренно изогнуты (рис. 4, 7), у одного, фрагментированного, кончик пера завёрнут и забит с применением инструмента. Также необходимо отметить копье с по-

мещённым в отверстие на пере кольцом, к которому были подвешены два колокольчика (рис. 6, 1). Кстати, несколько таких копий, уникальных для Кавказа, уже были встречены на могильнике.

Заметим также, что многие колокольчики не имеют язычков (рис. 6, 7), значительная их часть была найдена группами по несколько штук, в том числе и лежащими в ряд. Думается, их можно сравнить с коническими предметами из железа, известными в ряде предскифских памятников и уже сопоставленными с подобными шумящими металлическими привесками, входящими в состав шаманского одеяния.

Датировка погребально-поминального комплекса определяется, с одной стороны, несколькими находками, относящимися к концу VIII–VII в. до н.э. и связанными, вероятно, с погребальной ямой 10. В первую очередь, это часть упряжи колесницы предскифского времени (рис. 6, 10) – фрагмент подвижной привески на кольце или сдвоенной бляхи, или кольца рас-

пределителя – предмет в виде диска сегментовидного сечения с обломком стержня на оборотной стороне, украшенный кольцевым углублением, что указывает на конец VIII – рубеж VIII–VII вв. до н.э. Это вторая находка такой привески на могильнике. Видимо, перед нами одно из пока немногочисленных подтверждений «киммерийских» походов через Большой Кавказ. К этому же времени, возможно, следует отнести единственный на могильнике бронзовый наконечник копья (рис. 4, 5) и фрагмент массивной бронзовой гривны, также найденные рядом с остатками погребальной ямы 10, в восточной части погребально-поминального комплекса. Что покажетельно, именно в этой части вымостка в значительной степени образована

Рис 3. Находки копий в погребально-поминальном комплексе; фотография in situ

Рис 4. Копья, найденные в погребально-поминальном комплексе (1–4, 6–8 — железо; 5 — бронза)

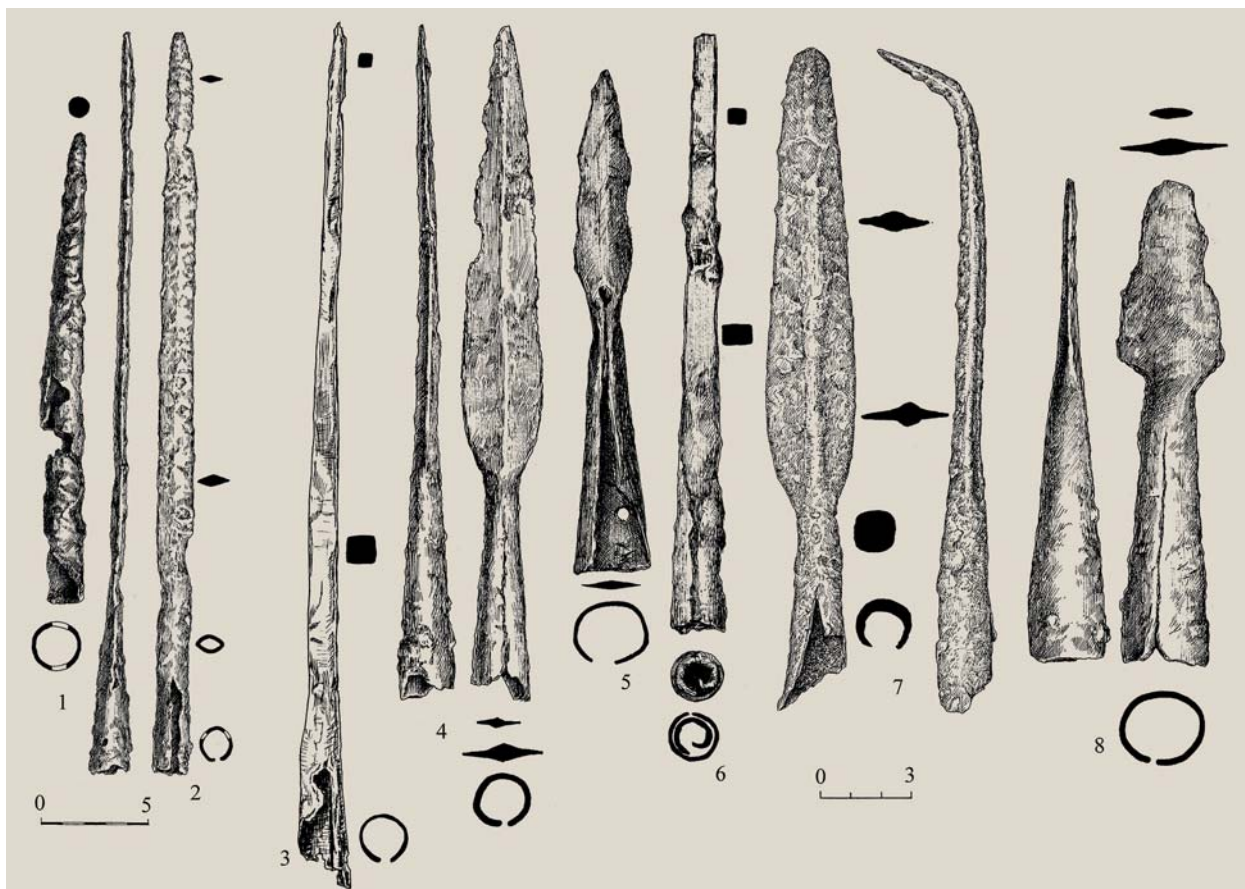

Рис 5. Мечи и их фрагменты из погребально-поминального комплекса и ям-«тайников» (1,2,5,6 — яма-«тайник» погребальной ямы 5; 3,4 — выемка; 7 — отдельная находка). Все — железо

фрагментами богато орнаментированных пифосов, имеющих достаточно архаичский облик.

Поблизости обнаружена бронзовая бляшка с изображением лежащего кабана (рис. 7, 5), которая находит аналогии в скифских древностях, происходящих в том числе из Малой Азии и из кургана VI—V вв. до н.э. у с. Александровка на Днепропетровщине. Рядом с ней найден бронзовый орнаментированный колокольчик так называемого казбекского типа (рис. 6, 3,4), для которого предпочтительной датой на территории Закавказья и Центрального Кавказа представляется VI—V вв. до н.э. [3]. Ещё один колокольчик «казбекского типа», но на этот раз лишённый декора, кроме вертикального рифления по тулову, и несколько фрагментированный, был обнаружен чуть в стороне, у северо-восточного угла раскопа (рис. 6, 6).

В северной части комплекса обнаружена вторая на могильнике (рисунок первой был опубликован в 1991 г. и не позволяет нам составить чёткое представление об её форме, хотя, видимо, она сходна с нашей) бронзовая трёхлопастная втульчатая с треугольным пером стрела скифского типа, достаточно миниатюрного размера (рис. 7, 3). Видимо, обе стрелы можно датировать в рамках V—IV вв. до н.э. Необходимо отметить, что стрелы, как железные, так и бронзовые, для могильника не характерны, всего три предмета могут быть предположительно отнесены к железным стрелам. В материале погребальной ямы 3 имеется также одна железная трёхгранная стрела с вытянутым и утолщённым в средней части черешком (рис. 7, 4), находящая некоторые аналогии в прохоровских памятниках IV—II вв. до н.э., при том что на Кавказе в сарматских комплексах Прикуба-

нья сходные (но не идентичные) типы появляются во второй четверти II в. до н.э. В эпоху раннего железа стрелы вообще не характерны для могильников Абхазии и, шире, Колхиды.

Среди других находок при разборке вымосток были обнаружены бронзовая женская антропоморфная фигурка (рис. 7, 6), выполненная в стиле, характерном для пластики Колхиды эпохи раннего железа [4], и полая золотая подвеска в виде лежащего барана (рис. 7, 2), являвшаяся, видимо, частью ожерелья и находящаяся по своему стилю и технологии производства аналогии в памятниках Колхиды V—IV вв. до н.э. [5].

Загадочными кажутся два предмета в виде усечённого конуса из цельного железа с продольным отверстием (ширина по основанию 7,3 и 7,4 см, ширина по верху — 4,7 и 4,8 см, высота — 4 и 2,9 см, диаметр отверстия — 0,3 и 0,4 см) (рис. 6, 9).

Единственными вспоминающимися аналогами, пусть и полыми внутри и несколько большего размера, являются известные в скифских памятниках золотые «ворворки» или части наверший аналогичной формы.

Судя по античному керамическому импорту, погребально-поминальный комплекс бытовал и во второй половине IV—III вв. до н.э. [6]. Наконец, позднейший период его существования связан с перестройкой центральной части вымостки и может быть датирован в рамках II в. до н.э. Основанием для этого являются находки античного керамического импорта, в том числе двух фрагментов рельефной, так называемой мегарской чаши, и, кроме того, местная золотая монета — подражание статеру Александра Македонского (рис. 7, 1), относящаяся к раннему типу [7].

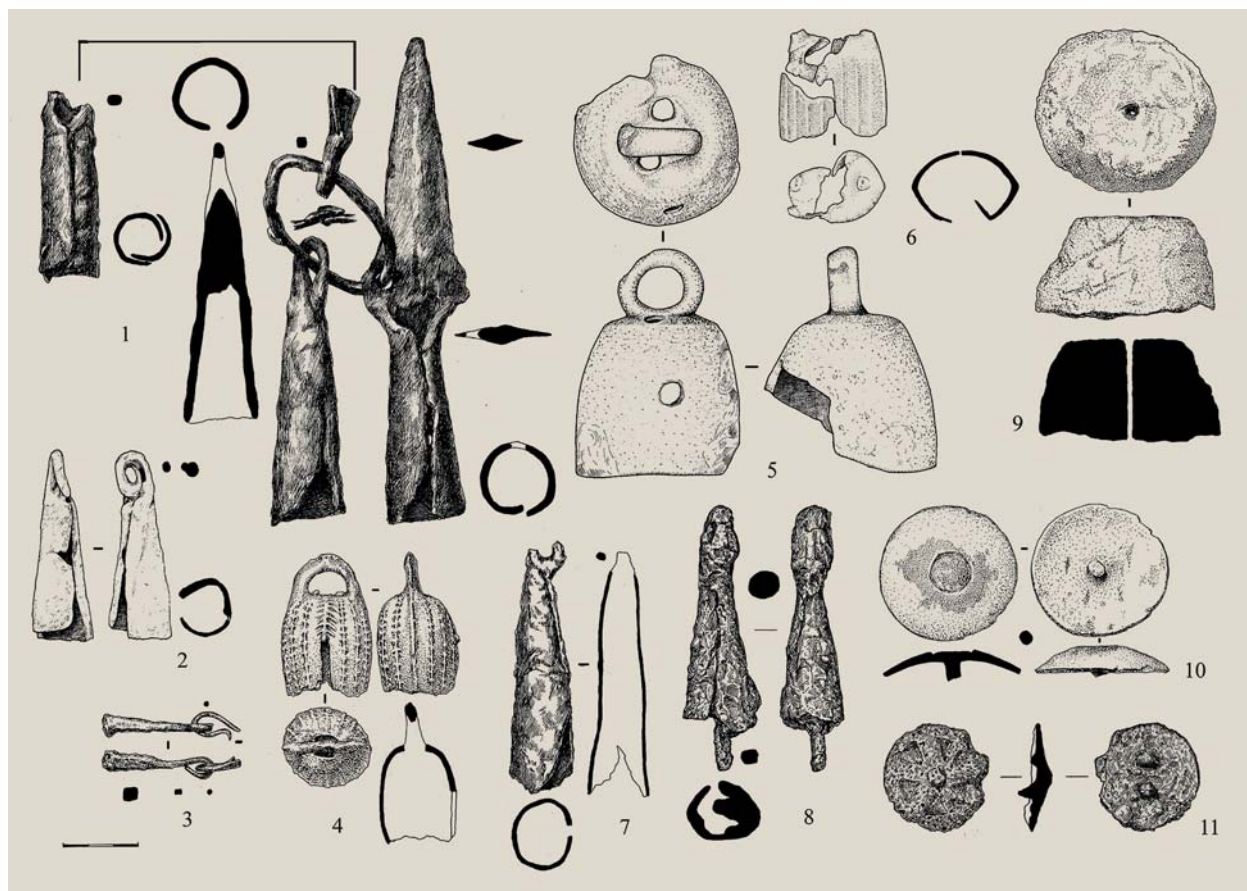

Рис 6. Находки из погребально-поминального комплекса и ям-«тайников» (1,3,4,6–10 — погребально-поминальный комплекс; 2 — отдельная находка; 5 — яма-«тайник» погребальной ямы 7; 11 — яма-«тайник» погребальной ямы 5). 1,2,7–9 — железо, 3 — железо и бронза, 4–6,10,11 — бронза

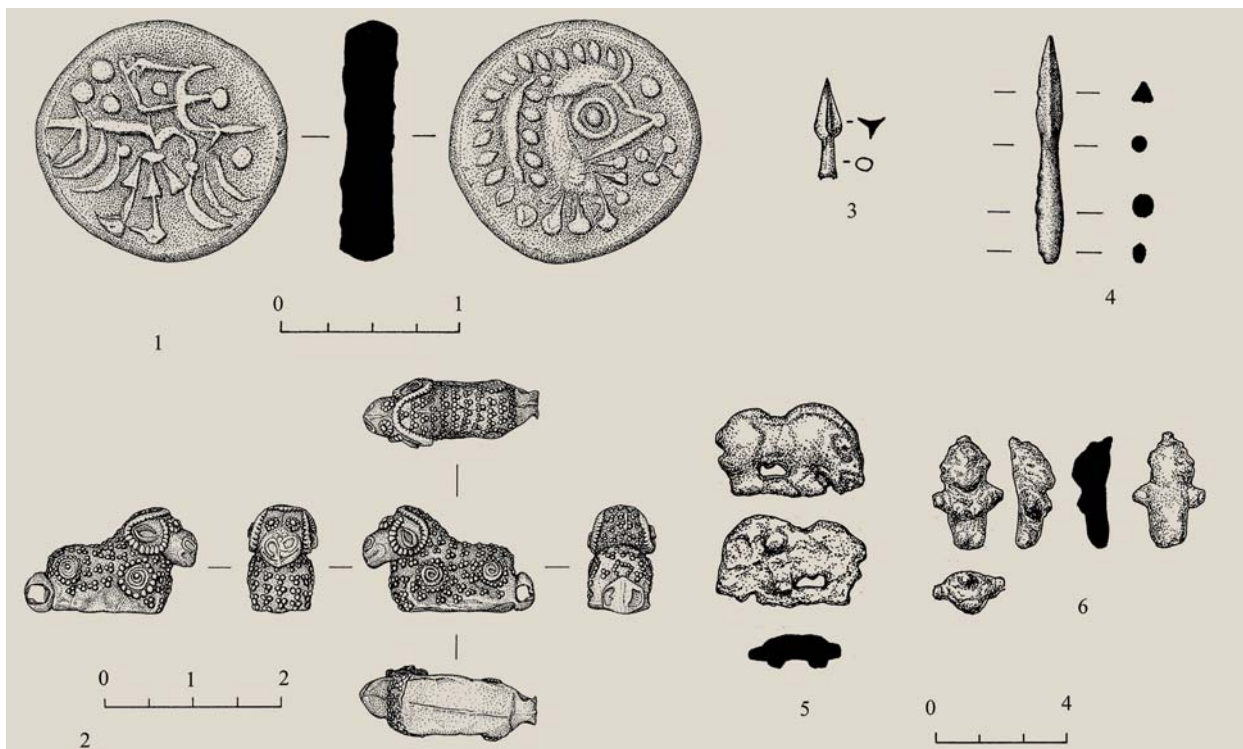

Рис 7. Находки из могильника Джантух (1–3,5,6 — погребально-поминальный комплекс; 4 — погребальная яма 3). 1,2 — золото, 3,5,6 — бронза, 4 — железо

Таким образом, импортная керамика позволяет обосновать достаточно надёжную дату для данного комплекса, являющегося позднейшим в хронологическом ряду колхидских погребальных ям. Ранее позднейшими комплексами считали погребальную яму 1 могильника Ларилари в Сванетии с фрагментами импортной керамики конца IV — начала III в. до н.э. и погребальную яму 2 того же могильника, датированную эпохой раннего эллинизма. При этом данные комплексы не были полноценно введены в научный оборот. Среди специалистов доминировало представление о том, что после VI в. до н.э. обряд коллективных погребальных ям со вторичным захоронением в Колхиде не существовал. Теперь мы можем уверенно говорить о существовании «колхидского» погребального обряда вплоть до II в. до н.э.

Перед созданием комплекса поверхность участка была выровнена путём подсыпки преимущественно материковой глины. При этом находящаяся на севере

участка промоина естественного происхождения, трактованная нами изначально как погребальная яма 9, оказалась заполнена слоем суглинка, среди которого встречено небольшое число инвентаря и костей. Приблизительно в центре участка обращает на себя внимание находка под слоем подсыпки из материковой глины небольшого числа измельчённых кальцинированных костей, нескольких фрагментов керамики (в том числе орнаментированного венчика и поддона, выполняющего роль жаровни), каменного орудия типа мотыжки, нескольких кремневых пластин и отщепов, кремневого наконечника стрелы с выемкой в основании. Показательно, что фрагмент этого наконечника стрелы был найден на расстоянии 6,5 м над слоем подсыпки, что и позволяет предполагать разрушение данного комплекса при сооружении более позднего погребально-поминального объекта.

Отметим, что кремневые изделия и до этого встречались при раскопках

могильника, как правило, на уровне предматерика. На этот раз обращает на себя внимание наличие кальцинированных костей и компактность обнаружения целой группы находок. В связи с этим можно достаточно осторожно говорить, что в процессе подготовки участка к созданию погребально-поминального сооружения был разрушен более ранний погребальный или поминальный комплекс. Судить о его дате по имеющимся находкам сложно, но, очевидно, это период до эпохи раннего железа. По форме и декору сосуда, а также по наконечнику стрелы наш материал можно сблизить, в том числе, с находками из слоёв III и IV поселения Пичори в Гальском районе Абхазии, датируемыми в рамках середины — второй половины II тыс. до н.э., а также с инвентарём верхнего слоя Наохвamu в Западной Грузии, отнесённым к XII—XI или XI—X вв. до н.э. Нельзя исключать, что он синхронен нижнему слою погребальной ямы 6 (XIII—XI вв.

до н.э.). Эти находки ещё раз свидетельствуют о необходимости отнести появление обряда кремации при вторичном погребении в коллективных погребальных ямах на Кавказе как минимум ко второй половине — концу II тыс. до н.э.

В качестве своеобразного поминального приношения можно рассматривать находку возле раскопа (в 4,8 м к северу), в краю заложенного шурфа, на уровне материка, двух лежащих рядом предметов — согнутого почти пополам однолезвийного меча длиной 51 см, напоминающего махайру (рис. 5, 7), с загнутым (и намеренно забитым с применением инструментов) кончиком, и железного колокольчика (рис. 6, 2). Мы уже упоминали о встречающихся случаях ритуальной порчи копий, видимо, в данном случае мы имеем дело с тем же обычаем «умертвления» оружия, принадлежавшего покойнику.

Неизвестной ранее особенностью колхидского погребального обряда, не встре-

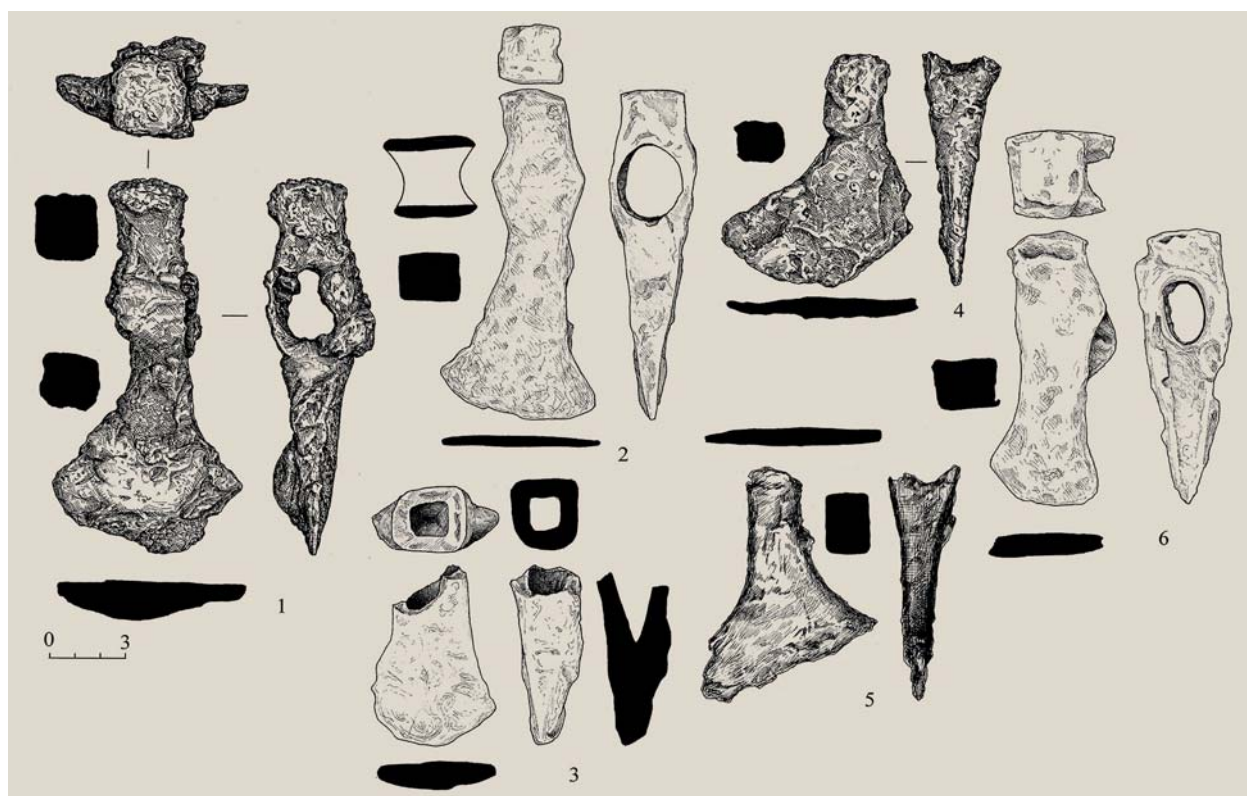

Рис 8. Топоры из ям-«тайников» (1,4,5 — яма-«тайник» погребальной ямы 5; 2, 3,6 — яма-«тайник» погребальной ямы 7). Все — железо

чающейся и в других регионах Кавказа в эпоху раннего железа, стало открытие на одном из участков могильника (раскоп 2) двух ям-«тайников», а по сути — жертвенных комплексов. «Тайники» были сооружены при устройстве погребальных ям 5 и 7, представляли собой вырытые в материке ямы, замазанные сверху глиной, размерами в одном случае (погребальная яма 7) $2,3 \times 2,3$ м, в другом (погребальная яма 5) — $3,9 \times 5,1$ м. Глубина, соответственно, 0,5 и 0,7–1,15 м.

Ямы оказались заполнены значительным количеством (десятки килограммов) бронзовых и железных изделий определённого ассортимента. Набор предметов достаточно ограничен: железные копья, кинжалы (доминируют экземпляры с антенновидными и серповидными наконечниками) (рис. 5, 1,2,5,6), ножи, топоры (рис. 8) (в том числе и уникальный топор типа кельта (рис. 8, 3) с вертикальной втулкой), бронзовые колокольчики (рис. 6, 5), гривны, браслеты, фибулы, цепочки, биспиральные подвески, своеобразные «футляры» и не находящие аналогов фигурные накладки, украшенные гравированным орнаментом в виде фигур животных [8]. Немногочисленны подвески нескольких типов, зооморфная пластика, бляхи (рис. 6, 11). Керамика, бусы, некоторые типы украшений, орудия труда и кости в тайниках отсутствуют. В первом случае помещённые в «тайник» предметы были сильно обожжены на стороне, во втором — на месте, при этом они зачастую превратились в конгломераты бронзовых и железных изделий, далеко не всегда поддающихся реставрации.

Набор предметов в обеих ямах в целом однотипен, тем не менее некоторые особенности позволяют говорить о несколько различной хронологии двух комплексов. Дату «тайника» погребальной ямы 5 определяют серебряная подвеска так называемого брильского типа (середина V — первая половина IV в. до н.э.) и доминирование железных топоров-секир, появляющихся в памятни-

ках Северо-Западного Закавказья около середины — второй половины IV в. до н.э. Для датировки «тайника» погребальной ямы 7 важны находка здесь единственного на могильнике бронзового сегментовидного орудия, датирующегося временем не позднее конца VI в. до н.э., и заметное число архаичных железных топоров с почти прямым корпусом, хотя они и существовали на территории Абхазии до V–IV вв. до н.э.

В инвентаре «тайников», да и в целом среди находок на участке погребально-поминального комплекса, доминируют предметы мужской субкультуры, в первую очередь, оружие. По сути, обнаруженные «тайники» сами по себе являются поминальными объектами, на что указывает и определённый набор встречающихся в них вещей. В этом они аналогичны хорошо известным на территории Кавказа для эпохи поздней бронзы — раннего железакладам, в том числе так называемымкладам литейщиков, не имеющим в своём большинстве ничего общего с самими литейщиками. По нашему мнению, этиклады являются поминальными комплексами (вотивными объектами, посвятельными жертвами, «сокровищами мёртвых») и/или заменой самих погребений [9].

Отметим, что на территории Абхазии, да и, вероятно, Западного Закавказья в целом, в памятниках эпохи раннего железа такого количества предметов вооружения (за исключением практически отсутствующей конской узды и единичных наконечников стрел), как на Джантухском могильнике, ранее не встречалось. Обращает на себя внимание милитаризованность данного общества. Необходимо также отметить специфику материальной культуры и погребального обряда Джантухского могильника, отличающих его от памятников соседних регионов. Определяющей чертой здесь является архаичность материальной культуры (и, как мы видели, погребального обряда), когда типы инвентаря (к примеру, бронзовые фибулы с утолщениями по краям дуж-

ки, ажурные катушкообразные и крестовидные подвески, акинаки с антенновидным или бивалютным навершием), давно вышедшие из употребления на соседних территориях, продолжают в большом количестве встречаться в джантухских комплексах. Очевидно, благодаря относительно многочисленному античному импорту, неожиданно поздние даты ряда комплексов не могут быть подвергнуты сомнению. Это заставляет задуматься о таком методическом вопросе, как возможность механического перенесения датировок однотипных предметов из одного региона в другой. Кроме того, отметим роль общества, оставившего Джантухский могильник, в качестве своего рода фронта, сочетающего как «колхид-

ские», так и «кобанские» и «кобано-колхидские» черты.

В заключение отметим, что благодаря шурфовке, проведённой на различных участках горы Джантух, удалось выявить значительное по своей площади поселение, синхронное могильнику. Рядом с поселением, на одном из отрогов горы, обнаружен крупный производственный комплекс. На раскопе площадью 44 м насчитывается как минимум 7 железодельных горнов различной конструкции. Датировка участка определена преимущественно по керамическому материалу, пусть и отличающемуся своей специфичностью от керамики могильника, античный импорт здесь пока не обнаружен. Джантухский комплекс является уникальным для Абхазии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скаков А.Ю. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4(65).
2. Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984; Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси, 1990.
3. Скаков А.Ю. Об одном из типов бронзовых колокольчиков Кавказа эпохи раннего железа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах. Вып. 9. Ставрополь, 2017. С. 34–51.
4. Брилёва О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – V в. н.э.). М., 2012. С. 137.
5. Saprykina I., Skakov A. Investigation of the chemical Composition of the colchian Gold Articles of 5–2 cc. b.c. from Dzhantuch burial Mound // XIX Colloqued'Archeometrie du GMPCA 22–26 avril 2013. Universite de Caen Basse-Normandie – France. P. 216–217.
6. Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Журавлёв Д.В. Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада. Материалы конференции (Сухум, 4 декабря 2015 г.). Сухум, 2016. С. 58–59.
7. Скаков А.Ю. Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М., 2012.
8. Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 245. Ч. 1. М., 2016. С. 158–159.
9. Бочкарёв В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 45–54; Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 223. М., 2008. С.154.

В.Ш. ХАИРОВА*

Формирование градостроительной среды безуездного города конца XIX века (на примере г. Сухиничи Калужской области)

Архитектура XIX в. малых городов России редко оказывается в центре внимания исследователей, хотя именно она является тем историческим фоном, на котором существует современное провинциальное зодчество. Сухиничи, ставший безуездным городом в 1840 г., являет пример наполнения пространства характерными для Калужской губернии торговыми и образовательными постройками.

В ходе полевого исследования были изучены общественные здания, большинство которых создано сотрудниками Строительного отделения Калужского губернского правления – выпускниками Санкт-Петербургского Института гражданских инженеров (Строительного училища). Найденные в архивах документы рассказывают об активности городских органов управления, а также о небольших финансовых возможностях заказчиков, главной заботой которых становилась экономическая обоснованность проекта.

Провинциальная архитектура – многообразный и малоизученный пласт в истории русского зодчества. Облик современных малых городов России составляют именно эти, пришедшие из глубины XIX в. здания – своеобраз-

ные каменные или деревянные носители исторической памяти народа. Многие из них функционируют и сегодня, хотя зачастую и не представляют художественной ценности. Их присутствие помогает полному проникновению в архитектурную среду того времени и создаёт обрамление для подчас выдающихся произведений провинциального зодчества.

Рассказ об архитектуре безуездного города следует начать со второй половины XVIII в., когда село Сухиничи превратилось в крупный торговый центр купечества не только Калужской губернии, но и других городов. Уже в начале следующего столетия возникла необходимость в расширении торгового пространства, поэтому в 1816 г. началась переписка с губернским землемером, Козельским городничим и судьёй по вопросу командирования уездного землемера в с. Сухиничи с целью распланирования местности для постройки лавок и домов [1].

К середине XIX в. многие купцы завели постоянные конторы, и в селе стали возводиться каменные здания. И если ряд уездных центров Калужской губернии тогда по виду был ближе к деревням, то село Сухиничи своим обликом, а главное, активной хозяйствен-

* **Хаирова Валентина Шайхитдиновна** — учитель ИЗО и черчения МКОУ «Средняя школа № 2» г. Сухиничи Сухиничского района Калужской области, руководитель проекта «Архитектура русской провинции: обследование сохранившихся зданий рубежа XIX–XX веков в Сухиничском районе Калужской области» (17-14-40601e(p)).
E-mail: hairova@mail.ru

ной деятельностью стало больше походить на город. Именно это обстоятельство способствовало переименованию 1 августа 1840 г. села в безуездный, т.е. не имеющий в своем подчинении уезда, город [2]. К заштатным городам в конце XIX в. относились, например, в Санкт-Петербургской губернии – Гатчина, Кронштадт, Нарва, Павловск, а в Калужской – Воротынский и Серпейск.

Новый город был учреждён для нужд хозяйственного управления. Что касается занятий его населения, то в безуездных, как и «в уездных городах торговое сословие преимущественно формировалось из крестьян, которые первоначальный капитал приобретали двумя основными путями: получали доход от контроля за деятельностью рассеянных мануфактур или брали винные откупа... Купцы были основными заказчиками строительства каменных зданий. На их деньги город благоустраивался: строились храмы, больницы и др. Купечество быстро богатело и могло позволить менять деревянные дома на каменные» [3].

Административным зданием в городской застройке являлась ратуша, о которой практически ничего не известно: её облик сохранился только на старых фотографиях. Высотными доминантами архитектурной среды являлись культовые сооружения. Первым храмом стал каменный собор в честь святителей Афанасия и Кирилла, построенный в 1745 г. Другой собор, в честь Смоленской иконы Божией матери, располагался рядом и открыл свои двери чуть позже, в 1770 г. Площадь, соответственно, была названа Соборной, одноимённой стала и прилегающая улица. Наряду с православными церквями, для прихожан действовали молельни четырёх старообрядческих общин.

1861 г. открыл новую страницу в истории России. Освобождение крестьянства

увеличило приток жителей в город. «Тут им не составляло трудности приобрести то или иное здание у обедневших владельцев домов. Но при этом наблюдалось явление переноса вкусов и привычек из сельской местности в город. Так, появились на классических фасадах элементы сельской народной резьбы» [4]. В городе к тому времени насчитывалось 945 зданий, хотя только 5 из них были каменными. По числу жителей Сухиничи в полтора раза превосходили соседние уездные города. Для их нужд в наёмных помещениях открыли Сухиничский общественный банк и телеграфную станцию. Это всё говорит об активности местных органов управления, а также о небольшом уровне финансовых возможностей частных заказчиков.

Поскольку Сухиничи с давних времён считался торговым центром, в его архитектуре подавляющее большинство составляли здания для совершения сделок купли-продажи. Степень контроля центром градоформирующей ситуации в регионе ярко продемонстрировала история строительства лавок, шатра и важни¹. Переписка об их постройке началась с сообщения о том, что 20 сентября 1860 г. «Сухиничское Купеческое и Мещанское общество, быв в Общественном собрании, рассмотрело проект архитектурного помощника Кондратьева и признало его удобным» [5]. Пётр Петрович Кондратьев (1833–1878), выпускник Санкт-Петербургского Института гражданских инженеров (Строительного училища), работал в Калужской губернии с 1854 г.

Через год, 21 октября 1861 г., бургомистр Сухиничской городской Ратуши подал рапорт на имя губернатора, что «если в будущем году не выстроят новые лавки, старых большое количество никто не возьмёт в содержание по причине их ветхости и ратуша неминуемо должна

¹ Важня – помещение, в котором взвешивают товар. Там находились валовые весы (вага) (см.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов: Т. 1: А – Пантомима. М.: Русский язык, 1993. С. 131; Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 2. М.: Наука, 1975. С. 11).

лишиться городских доходов» [Там же]. Было решено возвести современные торговые ряды. В «Пояснительной записке к проекту на постройку торговых лавок, шатров, балаганов, шалашей и важни в г. Сухиничи» сказано: «1) Устроить два корпуса деревянных лавок на каменных фундаментах с подвалами на одну сторону и с антресольными этажами, расположив корпус сзади ратуши один за другим, но не рядом — на том основании, что убедились уже на опыте на старых существующих лавках, стоящих в два ряда, что вторые ряды, считая от Собора, торгуют гораздо хуже первых и потому занимаются торговцами только некоторые, а большая часть стоят пустыми...» [Там же].

Как видно из документов, главным для местных властей было максимально выгодное использование отведённого под застройку участка. Об их активности говорит ещё одно письмо 1862 г.: «Сухиничская Городовая Ратуша донесла Губернскому правлению, что в г. Сухиничи во время весны и осени улицы делаются весьма неудобными для проезда, по случаю размывтия водою весьма глубоких канав; почему ратуша предположила, вместо замощения площадей, вымостить городские улицы, употребив на это потребную сумму 1559 руб. из ассигнований на замощение площади...» [Там же].

В 1863 г. правительство выделило дополнительные деньги [6]. 31 мая Городовая ратуша попросила разрешения произвести в 1863 г. постройку лавок только для двух корпусов и питейного дома с ледниками. Разрешение было получено, и строительство началось. Надзор за постройкой вели братья, начальник искусственного стола А.С.Купинский (1828–1908) и архитекторский помощник П.С.Купинский (1838–1923). Сегодня невозможно выяснить, в каком архитектурном стиле были решены здания, нельзя назвать имена их строителей. Но благодаря найденным документам можно сделать вывод о том, что экономическая

обоснованность проекта становилась одним из решающих факторов при оценке качества сооружения.

В последние десятилетия XIX в. провинциальный город продолжал застраиваться каменными гражданскими сооружениями уже с элементами эклектики. Именно тогда «появляются новые типы общественных зданий: здания для органов местного самоуправления, училища, народные дома, вокзалы, промышленные предприятия, склады и т.д. ... Новые училища, больницы, вокзалы, большинство производственных сооружений выносятся на окраины, часто становясь центрами новых кварталов. Они играют ведущую роль в окружающей застройке, становятся композиционными центрами бывших окраин» [7, с. 164], а также архитектурными доминантами всего города. Этим объясняется индивидуальность их проектирования, ужесточение требований к внешнему виду и размерам.

В архитектуре провинциальных городов «складываются определённые закономерности, связанные с обликом общественных зданий. Так, здания дворянских собраний, благотворительных учреждений обычно строятся в классическом стиле.

Для сооружений, в которых размещались выборные учреждения, предпочитался псевдорусский стиль, и декор постройки указывал, что назначение этого здания непосредственно связано с народным благом. Часто псевдорусский стиль использовался при строительстве больниц и богаделен» [7, с. 165].

В 1872 г. в Российской империи началась работа по составлению нового Устава общественного призрения, который так и не был принят. Тем не менее благотворительная деятельность процветала. Существовали богадельни при церквях, церковные братства, различные попечительства о бедных. Среди частных благотворительных заведений Калужской губернии выделялась Сухиничская городская богадельня для 30 призриваемых

мых, построенная мешковским купцом 1-й гильдии Чубькиным в 1880 г. Сохранилась его переписка со Строительным отделением Калужского губернского правления по поводу выбранного под постройку участка. Предполагаемое богоугодное заведение находилось на расстоянии чуть более 20 метров (10 сажен) от ближайших домов, что способствовало соблюдению всех санитарных и противопожарных требований.

Здание из кирпича планировалось Г-образной формы, с двором внутри, причём 40% прямоугольного участка отводилось под сад. Въезд предполагался со стороны существующих Сенной, Дровяной и Конной площадей. Проект рассматривался 22 июня 1879 г., и комиссия постановила, что «местность, избранная Сухиничской Думою под постройку по Высочайше утверждённому 4 января 1846 г. плану г. Сухиничи, не назначена для каких-либо построек, но... имея в виду, что означенная Сенная и Дровяная площадь, как видно на плане, находится на окраине города, а следовательно при застройке ча-

сти ей вреда для города в гигиеническом отношении не предвидится, равно также в... техническом, то строительное отделение постановило: для отвода места, просимого городскою Думою для постройки богадельни сделать выкопировку с плана той местности, где предполагается означенная постройка и нанести очертаения границ отводимой в ней местности с соблюдением ширины и направления улиц, входящих в площадь и выкопировку вместе с сим протоколом представить на утверждение г. Губернатора» [8]. Все требования Калужского губернского правления были выполнены.

Здание городской богадельни до сих пор существует, сейчас здесь находится один из корпусов средней общеобразовательной школы № 1 (ил. 1). Как отмечают исследователи, многие памятники XIX в. «...в той или иной степени сохранили ценные компоненты историко-культурного (архитектурного) наследия: внешние фасады, внутренние интерьеры, функционально-планировочную структуру, а также элементы природно-

Ил. 1. Богадельня на 30 призреваемых (ныне один из корпусов средней общеобразовательной школы № 1). Сухиничи. 2017 г. Фото автора

В. К. Савельевъ.

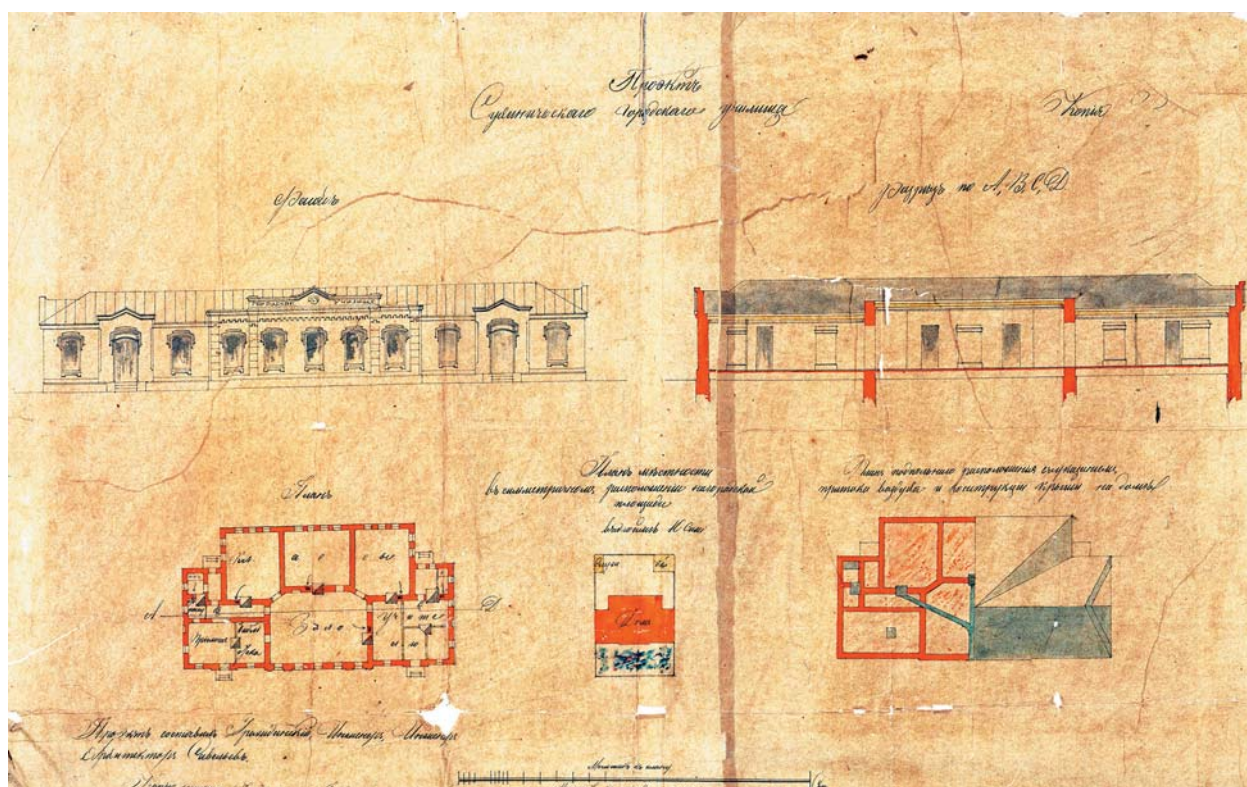
Ил. 2. В.К. Савельев. Фото из «Юбилейного Сборника сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища). 1842–1892»

го ландшафта» [9]. В бывшей богадельне фасады и внутренняя планировка сохранились только частично, так как со временем исчезла домовая церковь без колокольни, освящённая в честь святителя Петра в 1885 г. Внутри «каждое окошечко — отдельная комната, выходившая в единый большой коридор, к которому примыкала кухня, также здесь располагались кубовая, баня. Имелось центральное воздушное отопление. С другой стороны здания была домовая церковь... По фасаду и углам здания построены объёмные трёхгранные полуколонны, которые делят плоскость главного фасада на 5 одинаковых по размеру частей с тремя окнами. Окна прямоугольные, под ними неглубокие ниши. Венчает фасад куполообразный фронтон. Под зданием большие подвалы, часть которых была засыпана в советское время» [10]. Генеральный план полностью поменялся уже к началу XX в., когда рядом было выстроено многоэтажное здание нового училища.

Город продолжал благоустраиваться. В 1880-х гг. началась переписка с властями о постройке по ходатайству горожан двухклассного городского училища [11]. Проект разработал Владимир Каллистратович Савельев (1840–1901), с 1877 г. занимавший должность калужского губернского инженера (ил. 2). Ему принадлежит авторство многих духовных учебных заведений и храмов, не считая созданных до приезда в Калугу подобных зданий в новгородской губернии [12]. Училище было Т-образной формы с приёмной, библиотекой, залом, тремя классами, учительской из четырёх комнат. Входов (предполагалось) несколько: два — со стороны главного фасада (для учеников и учителей отдельные), два — с заднего. План составлялся согласно Указаниям Инспектора народных училищ Калужской губернии.

Впоследствии, в 1892 г., в статье «Калужских губернских ведомостей» всё ещё говорилось о необходимости открытия читальни и двухклассного городского училища [13]. Только 20 марта 1897 г. решено было «приступить к постройке с начала лета сего года каменного здания для городского училища в г. Сухиничи, на что губернским архитектором г. Савельевым и составлен план, фасад оно и смета потребных материалов для постройки» [11].

К концу XIX в. центр села стал выглядеть как настоящий город, с благоустроенной площадью и двумя мощёными бульваром главными улицами (ил. 3). При этом чётко соблюдался принцип зонирования, предполагавший возведение в центре каменных, а на окраине — деревянных зданий, а также изменение их этажности. Городские дома были почти все «...деревянные, крытые тёсом или щепой, а на окраинах даже соломой. Только на главной, или на так называемой Болховской, улице есть несколько обширных двухэтажных каменных домов, которые можно назвать городскими. Есть несколько очень порядочных домов и на Собор-

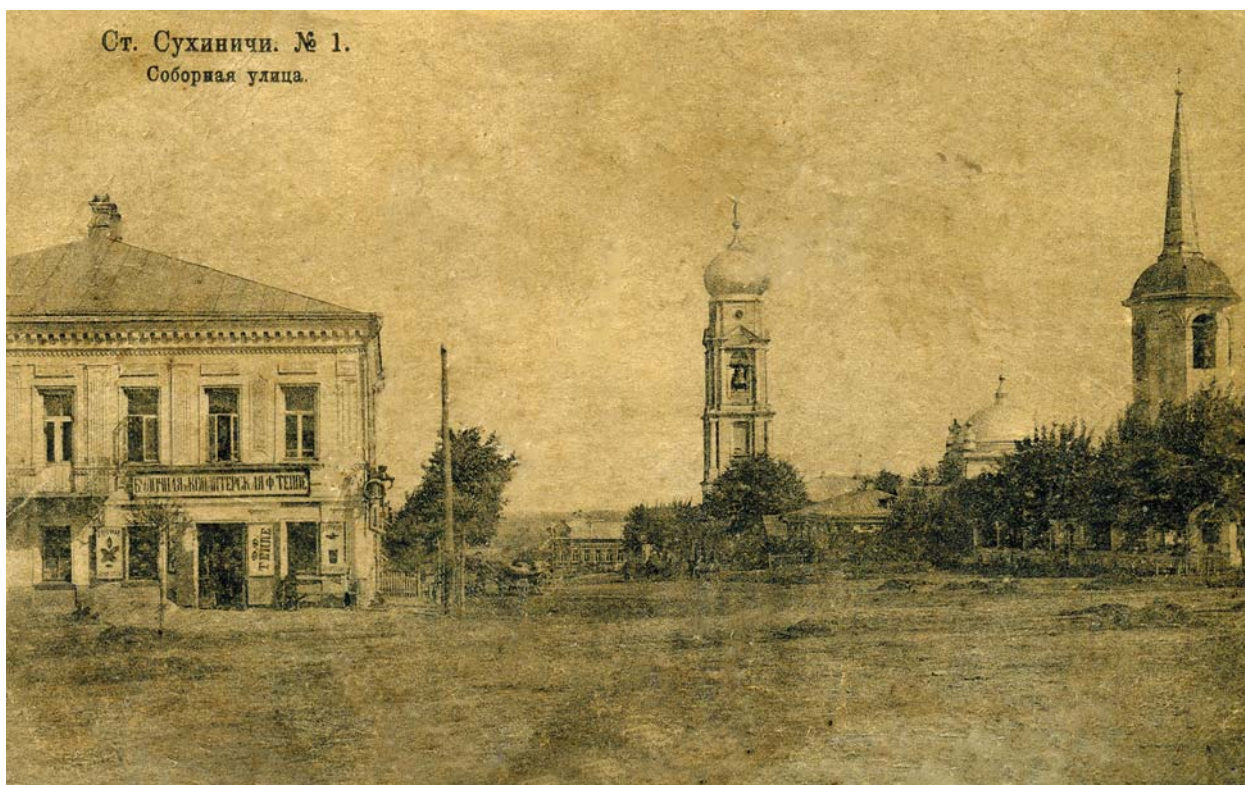

Ил. 3. Савельев В.К. Проект Сухиничского городского училища. 1879 г. ГАКО

ной улице. Некрасивый вид домов увеличивается ещё от неправильного расположения улиц. Все улицы, за исключением главной, разделяющей весь город на две половины, расположены без всякого определённого плана и порядка и разбросаны во все стороны. Они не имеют никаких тротуаров и даже плохой мостовой (кроме двух улиц). Единственным украшением города служат только две каменные церкви...» [14].

Развернувшееся в конце XIX в. железнодорожное строительство явилось новым градообразующим фактором. Небольшой город с 7000 жителями стал обладателем сразу двух станций и оборотного локомотивного депо, которые изменили его силуэт. Как отмечалось в «Калужских губернских ведомостях» в 1905 г., «Сухиничи (Козельского уезда) занимает площадь около 4,5 кв. вёрст. В нём считается до 64 улиц и переулков. Имеется 4 площади пространством около 40,000 кв. сажен. Общее протя-

жение улиц и переулков около 8 вёрст, протяжение же мощёных улиц — около 2 вёрст. Тротуаров нет. Городской сад занимает площадь до 2 десятин. Кроме того, имеется до 5 улиц, обсаженных деревьями, протяжение их 2 версты. Число жилых строений 1070, в том числе 48 каменных и 1022 деревянных. Железом крыто 400 строений, деревом — 600 и соломой — 70... Церквей в городе 2, но богослужение совершается только в одной, при богадельне. Две часовни. В городе имеются низшие учебные заведения: городское двухклассное училище, 1 приходское мужское и 1 женское. Учащих в них 9 человек, учащихся до 200 человек. 1 церковно-приходская школа и при ней 3 учащих и 40 учащихся. Имеется городская публичная библиотека и при ней до 10 абонентов. Имеется в городе земская больница на 40 кроватей. Аптек две: 1 земская и другая вольная. Общественные учреждения в городе: 1 гостиница, 2 постоялых двора с но-

Ил. 4. Сухиничи. Соборная улица.
Фотографическая открытка около 1900-х гг.

Ил. 5. Сухиничи. Яковлевская площадь и управа.
Фотографическая открытка около 1900-х гг.

Ил. 6. Сухиничи. Общий вид города. Фотографическая открытка около 1900-х гг.

мерами и 6 чайных. Два кирпичных завода. Два завода кожевенных с 22 рабочими» [15] (ил. 4).

Из свидетельства современника видно, что город стабильно рос и развивался, и вместе с ним менялась и стилевая направленность его архитектуры (ил. 5). «Меняются и градостроительные задачи. Здания теперь формируют облик улицы, а не площади. В классицизме каждое сооружение является самостоятельной единицей, в эклектике здание мыслится в городе, оно открыто по отношению к окружающей его архитектурной среде. В связи с этим изменяется принцип организации фасада — если здания классицизма рассчитаны на фронтальную точку зрения, то во второй половине XIX в. фасады воспринимаются в панораме улицы, единой лентой. Это ведёт к отказу от характерной для классицизма композиции фасада с выделением центра, декоративные элементы становятся менее объём-

ными и повторяются по всей плоскости фасада» [7, с. 33].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что калужские губернские архитекторы в своём творчестве следовали примеру авторов застройки крупных городов, но всё это происходило с явным опозданием, с использованием местных традиций и материалов, с учётом вкусов заказчиков в основном из купеческого и мещанского сословия. Поэтому иногда нельзя чётко определить стилистическую принадлежность многих общественных зданий: «...в период эклектики не было резкого разрыва с классицизмом, а в период модерна — с эклектикой» [16] (ил. 6).

На основании изученных материалов можно говорить об идентичности видения провинциальными архитекторами градостроительного силуэта малых городов России, о широкой системе контроля за качеством проектирования и строительством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Ед. хр. 1076. Переписка с губернским землемером, Козельским городничим и судьёй по вопросу командирования уездного землемера в с. Сухиничи для распланирования местности для постройки лавок и домов. 4 мая, 30 мая 1816 г.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 31. Д. 395. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1841 г. Об утверждении плана безуездного города Сухиничи. 13 июня 1841 г. – 29 мая 1846 г.
3. Хомутова О.Ю. Структура торговых операций: калужское купечество в сравнении с купечеством центральных губерний в конце 18 – первой половине 19 в. // Калуга в шести веках: Материалы 9-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2012. С.12–16.
4. Днепровский-Орбелиани А.С. Калуга деревянная. Серия «Драгоценная память». Калуга: Фридрихсбург, 2013.
5. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Ед. хр. 11. Калужское губернское правление. Строительное отделение. Дело о постройке лавок, шатра и важни в г. Сухиничи. 4 апреля 1861 – 15 декабря 1865 г.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 32. Д. 898. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. 1863 г. Об отпуске из запасных средств г. Сухиничи сумм на постройку двух корпусов деревянных лавок. 10 июня 1863 г. – 19 декабря 1863 г.
7. Шульгина Д.П. Региональные особенности архитектуры эклектики в российской провинции. М.: ЛЕНАНД, 2010.
8. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 775. Дело о разрешении постройки в г. Сухиничи на Сенной площади богадельни купцу Чубыкину с приложением плана. 16–25 июля 1879 г.
9. Курочкин М.В. Архитектура Прикамья. Михаил Купинский – вятский губернский инженер и архитектор. Ижевск: Удмуртский университет, 2013.
10. Горлова А. Купеческий город // Организатор. № 53. 23 июля 2016. С. 11.
11. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 781. Калужское губернское правление. Строительное отделение. Дело об утверждении плана на постройку здания для городского училища в г. Сухиничи с приложением плана. 11–20 апреля 1879 г.
12. Барановский Г.В. Юбилейный Сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища). 1842–1892. СПб.: типография К.Л. Пентковского, 1892.
13. Зрачек. Г. Сухиничи // Калужские губернские ведомости. № 126. 1892.
14. Житель Гор. Сухиничи. Общественный быт города // Калужские губернские ведомости. № 70. 27 июня, 1895. С. 273.
15. И.Б. (Балабанов И.) Города Калужской губернии: Сухиничи // Калужские губернские ведомости. № 52. 21 мая. 1905. С. 5.
16. Николаева Н.А. Архитектурная среда уездного города прошлого века // Тезисы Международной научно-практической конференции «Человек – Сфера – Вселенная». Иркутск, 1997. С. 49–51.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-171-176

**В.А. ЛАМИН, Л.И. ЖУРОВА,
И.А. ШИПИЛОВ***

III Всероссийская научная конференция, посвящённая памяти академика РАН Н.Н. Покровского, «Актуальные вопросы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Новосибирск, 12–14 октября 2017 г.)**

В Институте истории СО РАН с успехом прошла очередная конференция, посвящённая памяти академика Н.Н.Покровского (фото 1). Николай Николаевич в течение десятилетий вёл огромную работу по изучению истории Сибири, православия и книжной культуры, Русской православной церкви и старообрядчества, был крупным организатором сибирской археографии (в том числе полевой) и уникальным специалистом в области источниковедения, разработал продуктивную методику исследования источников, оказал заметное влияние на развитие современной исторической науки, создал научную школу.

Ученики, последователи и единомышленники Н.Н.Покровского традиционно собираются в новосибирском

Академгородке, чтобы поделиться результатами своих исследований. Члены Академии и аспиранты, представители духовенства, профессора вузов и сотрудники академических институтов, библиотек из 20 научных центров России, Казахстана, Словении обсуждали проблемы истории церкви, письменной культуры и книжности XII–XVIII вв., происхождения и бытования многообразных источников на протяжении XVII–XX вв., истории России XX в.

Большинство исследований строилось на методологических принципах комплексного изучения рукописных и печатных материалов, разработанных Н.Н.Покровским и оправдавших себя в практике научного анализа рукописных и печатных источников.

* **Ламин Владимир Александрович** — доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, директор Института истории СО РАН (ИИ СО РАН), председатель Оргкомитета конференции.

E-mail: lamin@history.nsc.ru

Журова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИИ СО РАН, ответственный секретарь Оргкомитета конференции.

E-mail: zhurova@ngs.ru

Шипилов Илья Александрович — младший научный сотрудник ИИ СО РАН, секретарь Оргкомитета конференции.

E-mail: shipilof@yandex.ru

** Проект 17-01-14001г.

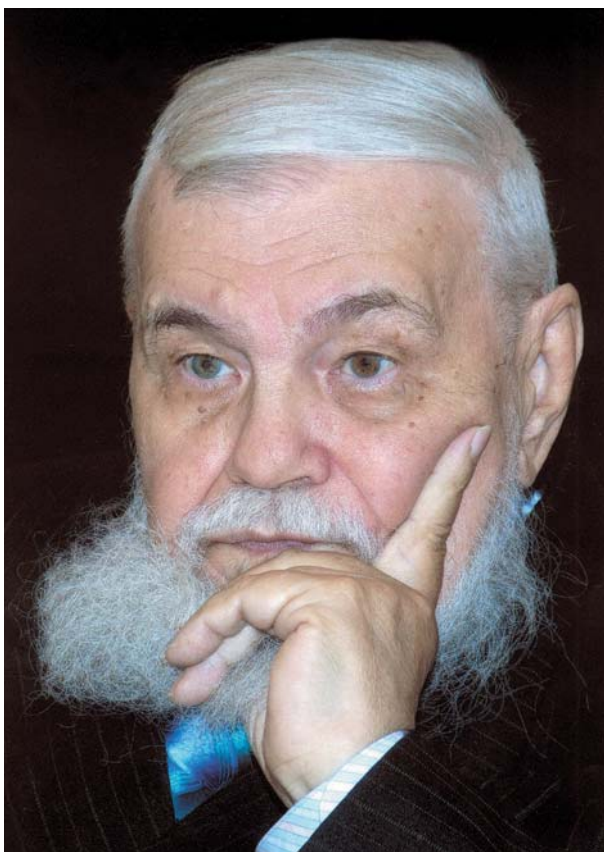

Фото 1. Академик Н.Н. Покровский

Открыл конференцию директор Института истории СО РАН чл.-корр. РАН В.А.Ламин (фото 2). Выступление академика, заместителя директора Института археологии и этнографии СО РАН, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН В.И.Молодина (Новосибирск) было посвящено оценке научного вклада Н.Н.Покровского в отечественную науку и его роли в становлении археографических изысканий в Сибири.

Большой интерес вызвали доклады биографического характера. Так, д.и.н. Н.Д.Зольникова (Новосибирск) впервые обнародовала личную переписку Н.Н.Покровского с родственниками в годы его заключения. Эпистолярное наследие было представлено не только как отражение драматических изменений повседневной жизни учёного и его близких, но и как факт из истории отечественной науки советского периода.

Переломному событию в жизни Н.Н.Покровского – переезду его в новосибирский Академгородок – было посвящено выступление д.и.н. Н.П.Матхановой (Новосибирск). Она описала отношения Н.Н.Покровского с академиками М.Н.Тихомировым и М.А.Лаврентьевым, свидетельствующие об их участии в разработке судьбоносных решений о развитии гуманитарной науки в Сибири.

Об особенностях научных исследований Н.Н.Покровского шла речь в докладе чл.-корр. РАН, д.и.н. А.В.Сиренова (Санкт-Петербург), много лет сотрудничавшего с Николаем Николаевичем. На примере анализа одной из редакций Латухинской Степенной книги была продемонстрирована эффективность разработанных Н.Н.Покровским методов анализа источников.

С большим вниманием был заслушан доклад д.и.н. А.Х.Элерта и к.ф.н. Л.В.Титовой об истории ежегодника (научной серии) «Археография и источниковедение Сибири», основанного Н.Н.Покровским в 1975 г. и ставшего авторитетным научным изданием.

Одними из главных тем конференции стали история и идеологии старообрядчества XVII–XX вв. О высоком уровне развития этих научных направлений свидетельствовал пленарный доклад д.ф.н. Е.М.Юхименко (Москва). На основе анализа открытых ею Выговских Четых Миней выявлены генетические связи рукописного памятника с богослужебным уставом Выго-Лексинского общежития, определены время составления и авторство сборников, отмечена преемственность выговской книжной традиции от соловецкой.

Научные представления о масштабах и характере публикационной деятельности старообрядцев расширил протоиерей к.и.н. П.И.Мангилев (Екатеринбург). Д.и.н. И.В.Починская (Екатеринбург) дала характеристику старообрядческому сборнику, обнаруженному ею в Болгарии. Сложный процесс использования

Фото 2. Открытие конференции

противниками церковной реформы Никона исторических фактов в качестве аргументов в отстаивании старого церковного обряда описала д.и.н. Н.С.Гурьянова (Новосибирск). О неизвестной странице истории беглопоповцев горнозаводского Урала XVIII в. шла речь в докладе к.и.н. С.А.Белобородова (Екатеринбург). К.и.н. Н.А.Старухин (Новосибирск) сделал вывод о сохранении в XX в. остроты эсхатологических переживаний, изначально присущих старообрядческому движению.

Пolemическое сочинение часовенного согласия «Рассуждение о временах века сего», написанное в конце XIX – начале XX в., ввела в научный оборот к.и.н. Ю.В.Боровик (Екатеринбург). Эвристический характер носили доклады о музыкальной культуре старообрядцев (м.н.с. А.А.Михеева, Екатеринбург; к.иск. Т.Г.Казанцева, Новосибирск).

Проблемы изучения истории Русской православной церкви XVII–XX в. были актуализированы в ряде докладов. Важные принципы исследования, горячо поддержанные в своё время Н.Н.Покровским, нашли отражение в докладе док-

тора богословия Б.И.Пивоварова (Новосибирск) об источниковедческих аспектах записок алтайских миссионеров. Особого внимания заслуживают результаты исследования региональной церковной истории, представленные уральскими исследователями. Формирование женских монашеских сообществ Западной Сибири в XVII в. (д.и.н. И.Л.Манькова, Екатеринбург), проблемы денежных сборов с приходов и населения Сибирской епархии в конце XVII в. (священник И.А.Никулин, Екатеринбург), читательские интересы учащихся региональных духовных школ в первой половине XIX в. (д.и.н. А.В.Мангилева, Екатеринбург), частотные списки фамилий священно- и церковнослужителей регионального духовенства XIX – начала XX в. (д.и.н. А.Г.Мосин, Екатеринбург), периодика второй половины XIX – начала XX в. как источник по истории становления идентичности единоверцев (к.и.н. А.С.Палкин, Екатеринбург) – таков широкий круг вопросов, по которым были предложены оригинальные научные доклады.

Одно из важнейших направлений в работе конференции традиционно связано

с источниковедческой проблематикой. Исследование разнообразных источников на самом высоком уровне продемонстрировали известные учёные. На основе анализа актовых источников и делопроизводственных материалов д.и.н. А.Х. Элерт определил роль промышленного человека в истории Сибири.

Необычным оказался доклад известного лингвиста, академика РАН А.Е. Аникина (Новосибирск) о сибирской топонимике. На основе анализа происхождения названия реки Енисей учёный продемонстрировал сложность протекавших на территории Сибири этносоциальных процессов и межкультурного взаимодействия. Устные предания донских казаков XVI в. стали предметом анализа д.и.н. Н.А. Мининкова (Ростов-на-Дону).

Прорывом в области исторической демографии можно считать начатое группой екатеринбургских учёных исследование таких массовых источников, как метрические книги Екатеринбурга конца XIX в. Их исследование позволило д.и.н. Е.М. Главацкой (Екатеринбург) сравнить демографические процессы сибирского региона с тенденциями в европейских странах. Вопросам генезиса древнейшего славянского перевода книги Есфирь был посвящён доклад д.филол.н. В.М. Лурье (Санкт-Петербург). Живой интерес вызвало выступление д.ф.н. Л.С. Соболевой (Екатеринбург) о рукописном песеннике XIX в.

Участники конференции проанализировали состав и информационные возможности эго-текстов крестьянства (д.и.н. М.К. Чуркин, Омск), служилых людей (доц. А.А. Бродников, Новосибирск; к.и.н. И.П. Каменецкий, Новосибирск), купечества (к.и.н. Е.В. Комлева, Новосибирск), дворянского семейства Орловых-Давыдовых (протоиерей к.ф.н. Д.В. Долгушин, Новосибирск), постоянных и временных жителей старейшего сибирского города Енисейска (к.и.н. Т.А. Кискидосова, Абакан), женщин-писателей (асп. А.А. Старышкина, Новосибирск).

В ряде докладов были охарактеризованы тематика русских ежемесячных изданий второй половины XIX – начала XX в. (к.и.н. И.Г. Адоньева, Новосибирск), условия жизни и методы работы профессиональных журналистов и корреспондентов-любителей (к.и.н. Н.Н. Бессонова, Новосибирск; асп. И.С. Козлова, Новосибирск), деятельность социалистической прессы в условиях диктатуры А.В. Колчака (к.и.н. Д.Л. Шереметьева, Новосибирск).

Одна из актуальных проблем, поднятых на конференции, – современные аспекты изучения рукописных и старопечатных книг. Выступления специалистов отличались новизной материала, разнообразием подходов и методов анализа, смелостью концепций. Впечатляющим был доклад д.ф.н. Е.И. Дергачёвой-Скоп (Новосибирск) и к.ф.н. А.Ю. Бородихина (Новосибирск), в котором речь шла о подготовке Сводного каталога рукописей, старопечатных и редких книг, имеющих в собраниях Сибири и Дальнего Востока. Представленный проект явился результатом многолетней экспедиционной, источниковедческой и аналитической работы целого коллектива сотрудников НГУ и ГПНТБ СО РАН.

Прекрасной презентацией и богатым содержанием отличались доклады учеников Е.И. Дергачёвой-Скоп – А.Ю. Бородихина и А.А. Юдина (Новосибирск). Анализ записей на книгах позволил первому выявить неизвестные ранее сведения о боярине Дмитрие Ивановиче Годунове и келаре Троице-Сергиева монастыря Симоне Азарьине, второму на основе владельческих штампов удалось связать бытование некоторых старообрядческих рукописей с территорией нынешней Прибалтики.

Формирование рукописных собраний в монастырях и коллекций частных библиотек представляет отдельную проблему современной археографии и источниковедения. Так, с особенностями нового описания рукописного собрания ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры по-

знакомила д.ф.н. М.С.Крутова (Москва). Об истории книжной коллекции учёных, живших и трудившихся на Урале во второй половине XIX – первой половине XX в., рассказала к.и.н. Н.А.Мудрова (Екатеринбург).

Результаты изучения памятников средневековой литературы были изложены в докладах филологов. Примечательным моментом в работе конференции стало посвящение ряда выступлений памяти о таком важном событии в истории отечественной публицистики, книжной культуры и общественного сознания, как 500-летие приезда в Россию Максима Грека (д.ф.н. Л.И.Журова, Новосибирск; д.и.н. Н.Зайц, Любляна, Словения; д.ф.н. Т.А.Исаченко, Москва). Летописи, гимнии, послания, видения, агиография были предметом анализа новосибирских исследователей (д.ф.н. Т.В.Панич, к.ф.н. Т.И.Ковалёвой, к.ф.н. В.А.Мельничук, д.ф.н. О.Д.Журавель).

Ценный источник по истории Сибири – описание этого края польским исследователем XIX в. Ю.Кобылецким – представлен в докладе к.и.н. Е.Н.Туманик (Новосибирск). Важный вывод о роли кооперации в формировании элементов гражданского общества и гражданской идентичности в дореволюционной Сибири сделала д.и.н. Г.М.Запороженко (Новосибирск). Выступления коллег из Казахстана были связаны с историей организации земства в казахских волостях и уездах Акмолинской области (к.и.н. Г.Т.Каженова, Астана) и миграцией на территорию Акмолинской губернии беженцев из европейской части России в 1919–1921 гг. (Г.Б.Карсакова, Кокшетау).

В докладе д.и.н. В.И.Шишкина (Новосибирск) был представлен анализ делопроизводства по материалам заседаний Российского правительства в период Гражданской войны. Результаты исследования сельскохозяйственной статистики второй половины – конца XX в. предложены д.и.н. В.А.Ильиных (Новосибирск) и к.и.н. С.Н.Андреенковым (Новосибирск).

Не осталась без внимания зарубежная историография. Большой интерес вызвал доклад к.и.н. Д.А.Ананьева (Новосибирск) об оценках американскими и канадскими исследователями конца XIX – начала XXI в. продажи Аляски. Истории насаждения большевиками в 1920-е гг. обновленного церковного раскола в русские религиозные круги на территории зарубежных государств, в первую очередь США и Франции, посвятил свой доклад к.и.н. С.Г.Петров (Новосибирск). Его выступление было основано на недавно выявленных им в архивах письмах русского духовенства.

Доклады молодых учёных вызвали живой интерес, который проявился во множестве вопросов и дискуссии. Так, И.А.Шипилов (Новосибирск) на основе комплексного изучения рукописного наследия переводчика Второй Камчатской экспедиции И.П.Яхонтова впервые дал полную характеристику этой уникальной и многосторонней личности. С.Ю.Акишин (Екатеринбург) реконструировал программу лекционного курса А.А.Дмитриевского по истории богослужения и определил методы педагога.

Новое решение проблемы формирования южнорусского летописного свода XIII в. и его атрибуции предложено В.В.Подпригорой (Новосибирск). И.Н.Никаноров (Новосибирск) охарактеризовал значение сборника «Отеческие завещания» для оформления традиции федосеевского согласия. В докладе Е.С.Дилигул и И.А.Полякова (Санкт-Петербург) представлены результаты кодикологического анализа рукописи из собрания ОР РНБ тихвинского архимандрита (1668–1674) Ионы Баранова.

На закрытии конференции были подведены итоги. За два дня работы конференции было заслушано около 80 докладов. По заключению чл.-корр. РАН, члена Петербургского отделения Археографической комиссии России, постоянно-го участника конференций А.В.Сиренова, новосибирская школа источниковедения

сегодня занимает лидирующие позиции в стране. Общение (формальное и неформальное), обмен опытом создали благоприятные условия для выработки новых междисциплинарных подходов к изучению актуальных вопросов истории России, книжной культуры, религиозно-общественных движений, памятников письменности и разнообразных источников. Исследователи рукописных собраний ввели в научный оборот уникальные материалы.

Возможность многоаспектного использования источников придаёт исследованиям, построенным на стыке дисциплин, комплексный характер, что отвечает современным тенденциям мировой науки. Новые материалы, концепции и идеи способствуют модернизации отечественной науки.

По итогам конференции издан сборник научных трудов, составленный по работам участников форума: «Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. / Отв. ред. А.Х. Элерт; СО РАН, Ин-т истории. Новосибирск, 2017. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 36).

Одно из достижений конференции – укрепление связей между научными центрами Сибири (Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск), Урала (Екатеринбург), Москвы и Санкт-Петербурга. Достигнута цель конференции – определение уровня и корректировка курса современных исследований по археографии, источниковедению и проблемам отечественной истории, апробация результатов исследований, прогнозирование результатов научных поисков.

А.А. ГОРСКИЙ, Д.А. ХИТРОВ*

Пятые Чтения памяти Л.В. Милова (Москва, 9–10 ноября 2017 г.)**

В Чтения памяти Леонида Васильевича Милова прошли на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Мировские чтения — одна из крупнейших международных научных конференций по истории русского Средневековья и раннего Нового времени; за последние годы они стали одним из важнейших форумов, регулярно собирающих специалистов по истории России периода Средневековья и раннего Нового времени из многих регионов России, а также из зарубежных стран. Они проводятся под эгидой МГУ им. М.В. Ломоносова, Отделения историко-филологических наук РАН и РФФИ один раз в два года.

На заседаниях 28 секций обсуждался широкий круг вопросов, однако Оргкомитет при отборе заявок в первую очередь отдавал предпочтение темам, соотносящимся с кругом научных интересов академика Л.В. Милова (фото 1). В конференции приняли участие 119 специалистов из ведущих научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, 35 региональных и четырёх зарубежных научных центров (Париж, Баку, Варшава, Ополе). Были заслушаны и обсуждены 103 доклада, что говорит о высокой ценности Чтений

как площадки для научного общения специалистов. К началу конференции был издан очередной том её материалов — «Русь, Россия. Средневековье и Новое время».

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова И.И. Тучков (фото 2). Затем были представлены четыре доклада: Б.Н. Флоря в докладе «Крестьянские переходы в Северо-Восточной Руси в середине – второй половине XV в.» установил причины запрета крестьянских переходов в Северо-Восточной Руси в середине XV в., а также сопоставил условия крестьянского перехода в Северо-Восточной Руси во второй половине XV в. и в Польше второй половины XIV в.

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников В.А. Аракчеев попытался развить концепцию Л.В. Милова о «неадекватных формах капитала» в России, рассматривая особенности торгово-финансовой деятельности помещика-стяжателя первой половины XVII в. Исследование С.В. Черникова было посвящено факторам служебного роста и формирования

* **Горский Антон Анатольевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Оргкомитета конференции.
E-mail: gor-ks@yandex.ru

Хитров Дмитрий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ответственный секретарь Оргкомитета конференции.
E-mail: dkh@bk.ru

** Проект 17-01-14063.

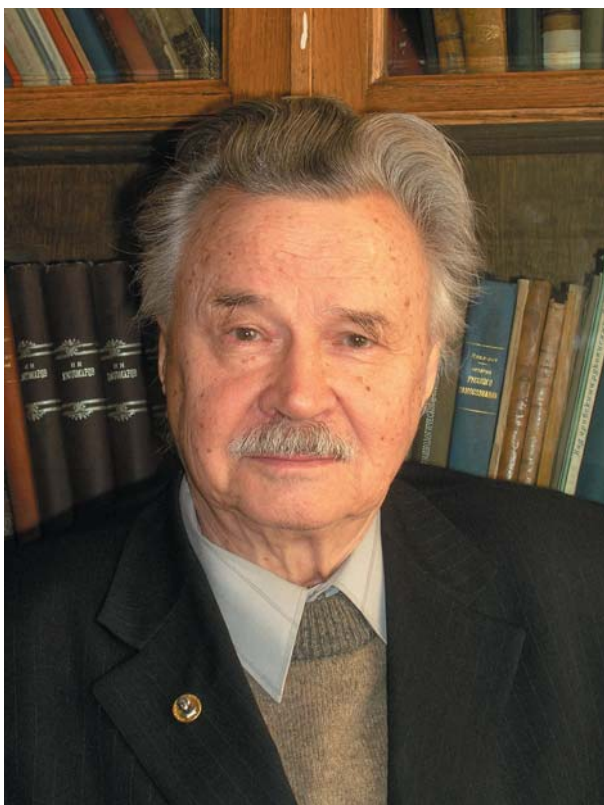

Фото 1. Академик Л.В. Милов

нию служилой элиты послепетровского времени. Автор показал, что русская военная элита, чья деятельность была неразрывно связана с эпохой Петра Великого, сделала свою карьеру, в основном благодаря происхождению, родственным и патронажным связям. Воздействие профессиональных навыков и способностей на рост в чинах было в то время слабым.

В докладе Л.В. Кошман «Градское общество российских городов. Социально-правовой статус. Конец XVIII–XIX вв.» было рассмотрено градское общество как социально-правовой институт в городе Нового времени. Анализ его состава, состояния и трансформации на протяжении XIX в. позволил автору выявить один из аспектов социально-правовой жизни города в пореформенной России.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась дочь Л.В. Милова к.и.н. О.Л. Милова.

По вопросам истории средневековой Руси работали три секции. В первой — «Средневековая Русь. X–XIV вв.» — были

заслушаны четыре доклада. П.В. Лукин предложил новую интерпретацию спорного вопроса о достоверности известия начального летописания (под 996 г.) — о так называемой неудачной «правовой реформе» князя Владимира Святославича, направленной на замену судебных штрафов за убийство смертной казнью. Данные ранних летописей и Жития Авраамия Смоленского относительно внутренней жизни Смоленска конца XII — первой трети XIII в. рассмотрела Е.Л. Конавская.

Факту первого вступления московского князя на великокняжеский стол посвятил исследование А.А. Горский, рассмотревший его в контексте традиций престолонаследия на Руси. Н.С. Борисов в рамках доклада проанализировал предпосылки, обстоятельства и значение переноса митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1300 г.

В секциях «Средневековая Русь. Конец XIV–XVI вв.» и «Источниковедение истории средневековой Руси» рассматривались вопросы политической истории и истории культуры этой эпохи. И.Г. Пономарёва проанализировала известия о постельниках, постельничих и Постельничем пути до правления Ивана III. В.Д. Назаров предпринял системный анализ политического процесса в Российском государстве в 1490-е — 1500-е гг. в контексте комплекса внутренних и международных событий.

Различным институтам политической жизни были посвящены доклады И.Г. Пономарёвой, Д.М. Володихина, А.Л. Грязнова. Недостаточно изученные вопросы истории культуры и русской книжности XIV–XVI вв. рассматривались в докладах С.В. Полежаева, С.И. Хазановой, Л.В. Мошковой, А.С. Усачёва, Т.А. Матасовой, А.Е. Тарасова, Л.П. Горюшкиной и В.Д. Чёрного.

Тематика большинства секций была связана с эпохой XVII–XVIII вв., которой посвятил важнейшие труды Л.В. Милов.

В секции «Источниковедение и публикация источников. XVIII в.» были заслу-

шаны четыре доклада. И.Н.Юркин рассмотрел подходы к публикации переписки М.П.Гагарина с Разрядным приказом, касающейся строительства Ивановского канала.

Классификацию центральных и региональных архивных документов России первой половины XVIII в., касающихся истории Азербайджана, представил Т.Т.Мустафазаде. Характеристику документов поместно-вотчинных архивов с учётом задач публикации в качестве источников по истории социальных отношений и природопользования дал Д.А.Быков. Л.А.Чёрная изучила «надписания» на триумфальных арках Петровского времени и провела классификацию надписей по содержанию, языку и формально-стилистическому принципу.

В ходе работы секции «Общинные институты в России раннего Нового времени» прозвучал доклад Е.Н.Швейковской «Об общине и не только: термин и смыслы». Н.В.Соколова представила результаты историко-семантического исследования лексической единицы

«волость». Изучению общин марийских и новгородских крестьян посвятили свои доклады А.Г.Иванова и А.А.Иванова, В.Н.Никулина.

В отдельной секции были представлены доклады М.С.Черкасовой, М.А.Зинько, Д.А.Хитрова, Н.А.Мининкова об административно-территориальном делении России в XVII–XVIII вв.

На заседаниях ряда секций обсуждались исследования по социально-экономической истории, основанные на изучении массовых источников по истории России Раннего Нового времени. Глубокая источниковедческая разработка таких комплексов источников, как писцовые книги 1620-х – 1640-х гг., офицерские описи монастырских имений и Экономические примечания к Генеральному межеванию, является одним из важнейших достижений академика Л.В.Милова, и эту традицию продолжили его ученики и коллеги.

В трёх секциях, посвящённых исследованию состава, источниковедческих особенностей и перспектив исследо-

Фото 2. В президиуме (слева направо): декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова д. иск. И.И. Тучков, заместитель председателя Оргкомитета конференции чл.-корр. РАН Б.Н. Флоря, д.и.н. Л.В. Кошман, к.и.н. О.Л. Милова

вания комплексов массовых источников XVI–XVII вв., были сделаны доклады А.А.Фролова, Е.Б.Французовой, А.И.Акманова, Д.З.Фельдмана, А.А.Голубинского, Д.А.Черненко, Л.Г.Степановой, Р.Б.Зайтунова. С.С.Минц акцентировала внимание на операциональной природе понятия «исторический источник» и связанных с ней особенностях источниковедения эпохи Постмодерна.

В секции «Демографические процессы XVII–XVIII вв.» были представлены доклады А.В.Жиборкиной, А.Г.Суслиной и М.Л.Богомолова, С.Л.Перечицкой, основанные на материалах учёта населения — переписных книгах и документах ревизий. В докладах И.Г.Акманова, Н.Ю.Болотиной, А.И.Комиссаренко и А.Ю.Кононовой рассматривались вопросы влияния природно-географического фактора на развитие сельского хозяйства XVII–XVIII вв. у народов Европейской России.

Отдельную секцию составили доклады, в которых исследовались массовые источники о торговле и предпринимательстве XVII – начала XVIII в., А.И.Раздорского, Н.В.Башнина и И.А.Полякова, В.А.Ковригиной. В секции «Северное мореходство и морское хозяйство в XVII–XVIII вв.» с докладами о хозяйственной деятельности по берегам Белого моря выступили А.А.Богомазова, А.В.Лаушкин, А.В.Богданова.

Большой комплекс докладов был посвящён вопросам истории управления и сословного строя России в XVII–XVIII вв. В докладах К.В.Петрова, А.Н.Пермяковой, А.В.Сергеева, В.П.Богданова рассматривались вопросы взаимоотношений правящей элиты и государственной власти в XVII в. Продолжением стали выступления на секции о взаимоотношениях императорской власти с обществом в XVIII в. (доклады Л.Н.Вдовиной, Г.В.Ибнеевой, М.В.Калинина, В.И.Морякова).

Участники секции «Органы государственного управления в XVIII в.» заслушали и обсудили четыре доклада. М.В.Бабич

на основании введения в научный оборот неопубликованного проекта Походного комиссариата опровергла устоявшуюся концепцию проведения в 1736 г. реформы центрального управления армией на основе «министерского» принципа. О.Г.Агеева посвятила свой доклад коронационной комиссии Павла I 1797 г. Историю органов управления петровской эпохи проанализировали А.В.Воробьёв и А.Р.Мустафин.

В секции «Местное управление и служилые корпорации XVII в.» доклады Е.В.Камараули, П.В.Чеченкова, Э.Л.Дубмана были посвящены различным аспектам учёта, службы, хозяйственного и сословного положения различных категорий служилых людей в Поволжье и на южной границе России.

На заседании секции «Город и купечество XVIII в.» предметом обсуждения стали доклады Н.В.Козловой о сословном статусе дворовых людей в Москве в первой четверти XVIII в., а также исследования Е.Д.Беспаленок, Н.А.Четыриной.

Вопросы истории просвещения и русской культуры XVIII в. были представлены докладами А.О.Крылова, В.В.Ткаченко, Л.М.Артамоновой, А.В.Белова.

Службе и деятельности дворян в России в XVIII в. было посвящено две секции. В докладе Н.Н.Петрухинцева был изучен состав офицерского корпуса Ингерманландского полка А.Д.Меншикова в начале 1720-х гг. И.В.Курукин, М.А.Киселёв посвятили свои работы отношениям верховной власти и дворянства, Ю.Н.Смирнов исследовал образовательную политику в Поволжье. Доклад Е.Б.Смилянской ознакомил со службой контр-адмирала Д.Эльфисто-на в екатерининской России. В докладах Т.А.Кругловой, Е.С.Корчминой, В.Е.Борисова рассматривались различные вопросы взаимодействия властей с дворянством во второй половине XVIII в.

Традицию IV Миловских чтений продолжил блок секций по военной истории XVII–XVIII вв. Три из них были объединены общим названием «Война как

социальный лифт в раннее Новое время». Эту проблему рассматривали А.А. Селин, И.О. Тюменцев, О.В. Скобелкин, Г. Пшемыслав, А.В. Малов, О.А. Курбатов, М.Ю. Романов, П. Кроль, В.В. Великанов, А.А. Рогожин, Т. Чешельский.

На секции, объединившей доклады по истории внешней политики России XVII в., были представлены доклады К.А. Кочегарова, А.В. Лазаревой, П.И. Прудовского, М.Р. Яфаровой.

Две секции были посвящены формированию территории государства и политике на окраинах в XVII–XVIII вв. Доклады по широкому кругу вопросов, связан-

ному с освоением южных и восточных окраин государства, формированием сословной организации на этих территориях, борьбой с внешними угрозами, сделали А.И. Папков, Я.А. Лазарев, М.О. Акишин, Ю.А. Мизис, В.Н. Глазьев, В.Д. Жуков, Д.А. Ляпин и И.Н. Афанасьева.

Доклады всех секций, представившие результаты разработок новых исторических материалов, вызвали живой интерес слушателей и активную научную дискуссию. Общее пожелание участников конференции состояло в том, чтобы традиция проводить Миловские чтения каждые два года была продолжена.

М.Г. НИКИТИНА*

Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма» (Симферополь, 14–15 декабря 2017 г.)**

Конференция проходила на базе Крымского федерального университета (КФУ) им. В.И.Вернадского. Проведение форума было приурочено к трёхлетней годовщине включения Республики Крым в состав Российской Федерации, ставшего началом кардинальных трансформаций всех сфер социально-экономической и культурной жизни полуострова. Как полиэтничное и социокультурное пространство, Крым имеет богатое историко-культурное наследие, что требует, помимо его популяризации, дальнейших междисциплинарных исследований с вовлечением научного потенциала российских регионов.

В работе конференции приняли участие специалисты вузов и научных центров России (Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Белгорода), представители органов государственной власти и местного самоуправления, в том числе Государственного Совета Республики Крым, Правительства Республики Крым, Ассоциации предпринимателей Республики Крым и г. Севастополя и др.

Основными целями конференции стали актуализация и решение междисциплинарных задач в области истории,

культуры и экономики Крыма, а также подведение итогов целевого конкурса «Крым в истории, культуре и экономике России» (фото). Таким образом, анализ результатов поддержанных научно-исследовательских проектов в совокупности с текущими экономическими реалиями региона и страны в целом приобрёл особую актуальность в контексте организации столь статусного мероприятия.

Пленарное заседание конференции проходило в здании Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития КФУ им. В.И.Вернадского. Открывая конференцию, председатель Оргкомитета подчеркнула, что и геополитически, и социокультурно более двух веков полуостров Крым был и остаётся составной частью русского мира. Общероссийский культурологический фактор оказал Благотворное воздействие на традиции всех национальностей, полиэтничность, мультиконфессиональность. Были заслушаны доклады, затронувшие ключевые вопросы крымской историографии, этногенеза и современного социально-экономического развития полуострова.

Т.Н.Смекалова в докладе «Колонизация и местное население Северо-Запад-

* **Никитина Марина Геннадиевна** — доктор экономических наук, доктор географических наук, первый заместитель директора Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: inecondp@mail.ru

** Проект 17-06-20594.

Фото. Выставка научных трудов, подготовленных в рамках целевого конкурса проектов междисциплинарных исследований «Крым в истории, культуре и экономике России»

ного Крыма в античную эпоху» проанализировала особенности формирования антропогенного культурно-хозяйственного ландшафта периода вторичной ионийской колонизации, что позволило расширить археографию поселенческой культуры Северо-Западного Крыма. На основании сходства материальной культуры населения Северо-Западного Крыма в античное время докладчик выделила особую этнокультурную группу поселений, получившую название Джангульской. Картографирование этих памятников в пределах Тарханкутского полуострова позволяет более объективно представить процессы колонизации данного региона в эпоху эллинизма.

А.Г.Герцен и В.Е.Науменко подвели итоги комплексных археологических и геофизических исследований, проведённых в 2015–2017 гг. Исследование Мангупского городища — крупнейшей средневековой крепости Юго-Западного Крыма, позволило авторам составить современную археологическую карту этого района Крымских предгорий. Их материалы также во многом способствуют решению ряда дискуссионных вопросов истории памятника.

Возможности этнолингвистического депонирования в цифровой среде раскрыты в докладе Р.Я.Гибадулина и Л.С.Селендили «Программный комплекс “Электронный словарь крымскотатарских диалектов”. Краткое описание». Р.Я.Гибадулин и Л.С.Селендили (в соавторстве с И.М.Соломатиным) создали первый «Электронный словарь крымскотатарских диалектов». В условиях отсутствия современных учебников по функциональной грамматике крымскотатарского языка этот словарь может стать оригинальным научно-теоретическим материалом и одновременно электронным учебным пособием по крымскотатарской фонетике, лексикологии, лексикографии, диалектологии, фразеологии и синтаксису. Отметим, что аналоги подобных программных комплексов в других тюркских языках отсутствуют.

Завершил пленарное заседание доклад автора статьи на тему «Трансформация экономической роли и регуляторной политики государства как институциональная основа социально-экономического развития». В докладе проведён обзор сложившихся воззрений на экономические функции государства в системе государ-

ственно-частного партнёрства (ГЧП), охарактеризованы специфика и проблемы ГЧП, выделены наиболее эффективные меры преодоления возникающих рисков в ходе совместной деятельности частного и государственного секторов российской и крымской экономики.

Далее работа конференции проходила в рамках трёх научных секций: «Междисциплинарные исследования и сохранение историко-культурного наследия Республики Крым», «Трансдисциплинарность в контексте социокультурной среды Крыма», «Компаративный подход в экономических исследованиях Крыма».

В исследованиях, посвящённых изучению и сохранению историко-культурного наследия Республики Крым, особое место занимали проблемы истории и археологии Византийской империи, этнокультурной истории Крымского полуострова в эпоху античности и средневековья.

Результаты комплексного исследования нарративных и материальных свидетельств по истории крымских готлов, «страны Дори» византийских авторов представили А.И. Айбабин, Э.А. Хайредина, Д.А. Шалыга. Эти материалы позволяют впервые систематизировать весь круг существующих источников по одной из наиболее дискуссионных проблем истории крымского средневековья.

Реконструкции модели управления византийского Херсона в VIII–XI вв. было посвящено исследование Н.А. Алексеенко. Полученные материалы несут важнейшую информацию о статусе и роли Херсона среди других провинциальных центров Византийской империи.

Обсуждение проблем социокультурного развития Республики Крым затронуло вопросы сохранения крымскотатарского языка и исследования русской культуры первой половины XIX в.

Итоги крупного проекта группы новгородских и крымских филологов по изучению представлений о месте Крыма в русской и европейской культуре первой половины XIX в. подвёл В.В. Орехов. По мне-

нию исследователей, эти представления были далеки от реальности и привели, в конечном итоге, к складыванию искажённого образа Крымского полуострова (по сути, «крымского мифа») у образованной части населения Российской империи и ряда стран Европы. Результатом проекта являются четыре монографии, посвящённые различным аспектам формирования и эволюции «крымского мифа» в среде русской и европейской интеллигенции того времени.

Проблематика исследований в области крымоведения затронута в междисциплинарных секционных докладах по следующим направлениям:

1. Необходимость учёта больших массивов информации, применяемых в разных базах данных. Широко и всесторонне используя крымскую архивную, фондово-музейную, библиотечно-справочную информацию, в меньшей степени — базы данных центральных архивов и национальных музейных фондов, исследователи показали, что активное привлечение массивов информации расширяет хронологический и предметный диапазон историко-культурологических исследований (Е.В. Латышева, Т.Б. Назарчук, Н.А. Алексеенко, А.В. Иванов).
2. Изменение требований к обработке и хранению количественных и качественных данных, характеризующих этнокультурную и особенно современную хозяйственную деятельность в Республике Крым. Обсуждение лексикографических, антропологических, этнополитических исследований в Крыму (научные сообщения Р.Я. Гибадулина, Л.С. Селендили и И.М. Соломатина) с привлечением программных механизмов и мультимедийной техники.
3. Вопросы информационной безопасности. В докладе Е.С. Астафьевой, В.В. Побирченко отмечен ряд негативных факторов, сдерживающих развитие сферы информационных технологий в Крыму. Апробирован ряд эффективных мето-

дов защиты общекрымского информационного пространства.

На конференции обсуждались также пути решения ряда научных проблем в сфере российской государственной экономической политики и региональной хозяйственной практики. М.М. Кузнецов уточнил, что реализация проектов ГЧП крайне актуальна для крымской экономики в плане реализации её предпринимательского потенциала, формирования и развития человеческого капитала.

Остро и злободневно звучали доклады, затрагивающие тему особого экономического положения Крыма, связанного с изменением его геоэкономического статуса. Как отметил А.Г. Барсегян, перезагрузка хозяйственной системы полуострова началась с финансовой сферы. Её внешние ограничения требуют создания специальной низконалоговой зоны с особым правовым и административным статусом. Крайне важна разработка программных механизмов инновационного взаимодействия крымской экономики с хозяйственными звеньями регионов Российской Федерации (доклад А.С. Ванюшкина).

В процессе обсуждения стало очевидным, что не менее актуальными и практически востребованными для Крыма являются вопросы осуществления внешнеэкономической деятельности предприятий в условиях санкционных ограничений (доклад В.С. Селюниной и И.Н. Буценко).

Модернизация крымской экономической модели предполагает внедрение современных организационных моделей управления, в том числе кластеров во внешнеэкономической (доклад А.С. Горда) и агропромышленной сферах (доклад Ю.П. Майданевич), технопарков (доклад И.И. Приходько); СЭЗ (доклад Е.С. Паниной и Е.А. Шутаевой).

В ходе дискуссии акцентировалось внимание на проблеме развития сферы рекреации и туризма. В выступлениях на эту тему определён комплекс мероприятий, способствующих поэтапной реализации

рекреационного потенциала полуострова (доклад Ю.В. Илясовой, Д.Б. Миранькова). Необходимость исследования опыта популяризации туристской отрасли Крыма для рекреационных территорий России и других стран СНГ отражена в докладе В.В. Густенко, Е.А. Шутаевой, В.В. Побирченко. Предложен комплекс организационных, финансовых и кадровых мероприятий по созданию региональной программы развития туризма с учётом опыта зарубежных стран (доклад М.А. Вершининой).

Обсуждение докладов показало, что при проведении крымоведческих исследований важно комплексно применять системно-структурный и историко-хронологический междисциплинарный подходы. Это проявилось в обсуждении ретроспективы развития транспортной инфраструктуры полуострова (доклады Е.И. Осадчего; О.С. Горды; Н.А. Симченко), процессов трудовой миграции (доклад В.В. Корниенко).

Участники конференции обсудили необходимость использования междисциплинарного подхода в исследовании истории, культуры и хозяйственной сферы Крыма, а также вопросы использования различных источников информации в предметных и междисциплинарных исследованиях, особенности моделирования социальных и экономических процессов, развивающихся в Крыму. Состоялся продуктивный обмен авторскими идеями в сфере научного осмысления специфики социальной, духовной и материальной жизнедеятельности крымского многонационального сообщества.

В решении конференции отмечена научная и прикладная перспективность междисциплинарных исследований, охватывающих историко-культурное и экономическое развитие Крыма в условиях кардинальных трансформаций. Подчёркнуто, что форум стал заметным событием в российском научном сообществе.

По материалам конференции опубликован сборник статей.

В.М. САПУНОВА*

Международная научная конференция «Проблемы самоидентификации этноконфессиональных групп в современном мире. Их роль в сохранении уникальных и исчезающих культур» (Ставрополь, 16–19 ноября 2017 г.)**

Международная научная конференция проходила в год 55-летия возвращения казаков-некрасовцев на историческую Родину, в Россию. Казаки-некрасовцы — потомки донских казаков, покинувших территорию России в XVII в. в связи с никоновскими и петровскими реформами. Прожив более 250 лет в иноверном и иноконфессиональном окружении в Турции, одна из южно-русских субэтнических групп в сентябре 1962 г. вернулась в Россию (тогда СССР). Их расселили на территории Левокумского района Ставропольского края. Условия замкнутой жизни способствовали сохранению у некрасовцев общинного уклада жизни, основных блоков духовной и бытовой культуры. Это определило устойчивый интерес учёных различных областей к изучению общины как в период её проживания в Турции, так и после возвращения на историческую родину.

Проблемы этносов и наций в условиях глобализационных процессов, происходящих в мире, изменения этнокультурной идентичности становятся сегодня объектом пристального изучения. Одним из актуальных является

вопрос о возможностях сохранения многообразия культур, поддержания равновесия между этнической и глобальной массовой культурой в условиях глобализации всех сфер человеческой деятельности.

Взаимоотношения русского и нерусского населения, христианства и ислама, коренных жителей и мигрантов, западников и евразийцев, новообрядцев и старообрядцев, а также иные феномены требуют серьёзного комплексного подхода. Он может быть обеспечен совместными усилиями философов, социологов, историков, религиоведов и других специалистов.

Одним из крупных регионов, где сконцентрировались практически все обозначенные темы, является полиэтничный Юг России: Северный Кавказ, в частности Ставропольский край, где наряду с традиционно православным населением проживают старообрядческая община казаков-некрасовцев, крупные армянские и греческие диаспоры (регион Кавказских Минеральных Вод); значительную часть населения составляют горские народы, исповедующие ислам. Усилилась роль казачества.

* **Сапунова Валентина Марковна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического и естественнонаучного образования Ставропольского филиала Московского педагогического государственного университета, заместитель председателя Оргкомитета конференции. E-mail: mou9@inbox.ru

** Проект 17-04-14033г.

В Ставропольском крае зарегистрировано более 20 национально-культурных организаций. При этом каждое из сообществ сохраняет традиционные для своего этноса бытовые, культурные, духовные ценности. Это касается соблюдения традиций при проведении семейных праздников, ритуальных, обрядовых и культовых действий. К наиболее устойчивым формам сохранения культуры можно отнести язык (практически все общества издают газету или журнал), музыкальный фольклор (как на бытовом уровне, так и в дни официальных праздников), религию (не только посещения храма, мечети, молельных домов, но и соблюдение религиозного календаря, знание ритуалов и участие в них).

Всё это позволяет рассмотреть такие вопросы, как бытование традиционной культуры в условиях межэтнических контекстов, роль духовной культуры и фольклора в сохранении этнической идентичности. Однако судьба традиционной культуры, в частности фольклорной традиции в регионе, зависит не только от внешних, но и от внутренних факторов, таких как неспособность к консервации, адаптации к новым условиям. Одной из самых стабильных форм оказалась именно церковно-духовная культура, вбирающая в себя целый комплекс явлений, таких как повседневная и праздничная обрядовость, устная и певческая фольклорная традиция, традиционно-общинный бытовой уклад жизни.

Эти и другие темы составили проблематику Международной конференции, проводимой в месте локального проживания старообрядческой общины казаков-некрасовцев (п. Новокумский Левокумского района Ставропольского края). Правительство Ставропольского края включило конференцию в программу официальных мероприятий, посвящённых 55-летию юбилею возвращения некрасовцев. В организации форума приняли участие Министерство культуры Ставропольского края и администрация

Левокумского района. Конференция проходила в Новокумском филиале Ставропольского краевого музея изобразительных искусств.

Ранее на форумы с подобной проблематикой собирались историки, этномузыковеды, специалисты по народоведению. В этом году главными докладчиками стали специалисты в области философии, политологии, богослужбно-певческих традиций.

Сотрудники Ставропольского краевого музея и его Новокумского филиала под руководством директора музея, заслуженного работника культуры Российской Федерации Зои Александровны Белой провели большую работу по организации конференции. Благодаря З.А.Белой учёные и специалисты смогли встретиться и пообщаться с казаками-некрасовцами: увидеть фрагмент свадебного обряда, посетить богослужение в старообрядческом храме Успения Божией Матери в п. Новокумский, ознакомиться с традиционной кухней некрасовцев. Участники конференции встретились и с представителями общины молокан, также проживающими в п. Новокумский. Это позволило исследователям окунуться в реальную аутентичную среду, существующую и сегодня.

Доклады учёных были посвящены вопросам бытования традиционной культуры в условиях межэтнических контекстов, роли внесистемных сообществ в прошлом и настоящем. Впервые на конференции рассматривались вопросы о роли богослужбно-певческой культуры в сохранении религиозных сообществ, малых этносов в условиях эмиграции, иного этнического и религиозного окружения. Одна из тем конференции – трансляция традиционных культур средствами музеефикации, включения в образовательные программы, маршруты познавательного туризма.

Конференция, собравшая учёных из России, ближнего и дальнего зарубежья, носила комплексный характер в во-

Фото 1. Приветствие Специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкого зачитывает Д.В. Трубочкин, член Совета по культуре при Президенте Российской Федерации

просах исследования уникальных культур, исторического и современного опыта сохранения идентичности. Форум стал площадкой для обмена опытом изучения, консервации, трансформации объектов нематериального культурного наследия. В её работе приняли участие доктора и кандидаты наук из российских и зарубежных вузов: Института философии и Института славяноведения РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ставропольского филиала Московского педагогического государственного университета, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Центра русского фольклора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва; представители Православного богослов-

ского института им. св. Сергия Радонежского и Архиепископии Православных Русских Церквей – Екзархат Вселенского Патриарха в Париже (Франция), лекторы Ясского университета им. Александра Иоанна Кузы (г. Яссы, Румыния), Папского университета Сант Ансельмо (Рим, Италия); представители Русской православной старообрядческой церкви (Рогожский старообрядческий собор г. Москвы) и старообрядческой общины Эстонии.

Приветствие участникам конференции прислали губернатор Ставропольского края В.В.Владимиров; заместитель председателя Совета РФФИ д.э.н. В.Н.Фридлянов; ректор МПГУ д.и.н., чл.-корр. РАО А.В.Лубков. Приветствие специального представителя Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е.Швыдкого зачитал д.иск. Д.В.Трубочкин, член Совета по культуре при Президенте Российской Федерации (фото 1).

На пленарном заседании прозвучали доклады «Актуальные исследовательские вопросы прошлого казаков-некрасовцев:

современная историография и источниковая база», подготовленный д.и.н., профессором Института истории и международных отношений ЮФУ В.Д. Сенем (Ростов-на-Дону) и «Ресурсный потенциал комплекса нематериального культурного наследия казаков-некрасовцев (архивные материалы, живые носители, музейный продукт)», подготовленный З.А. Белой. Участники конференции ознакомились с экспозицией Новокумского филиала, посвящённой истории казаков-некрасовцев.

На конференции работали три секции, круглые столы; специалисты богослужбных певческих традиций разных конфессий провели мастер-класс. Состоялись встречи с носителями нематериального культурного наследия — представителями старообрядческой общины казаков-некрасовцев и молокан. Встречи позволили воочию увидеть уникальность культур, в том числе бытовой, сохранённых благодаря неукоснительному следованию религиозным традициям и обрядам (фото 2).

В выступлениях на секции «Роль внесистемных сообществ в прошлом и настоящем» (рук. — д.филол.н., главный научный сотрудник Института философии РАН М.Н. Громов) были затронуты глобальные проблемы старообрядчества как уникального явления российской истории, раскола и его роли в судьбе церкви и в истории России, сделан обзор зарубежных архивных источников, касающихся истории старообрядческих общин, в частности казаков-некрасовцев.

Секция «Богослужбено-певческая культура и её роль в сохранении религиозных сообществ, малых этносов в условиях эмиграции, иного этнического и религиозного окружения» (рук. диск. Н.Г. Денисов, профессор МГК им. П.И. Чайковского, член Союза композиторов, зам. начальника управления гуманитарных наук РФФИ) была организована впервые. В её работе участвовали как теологи, так и светские учёные. Церковь и церковная

музыка рассматривались как фундамент сохранения национальной идентичности. Были представлены конкретные примеры: русская эмиграция в Париже (о. Александр (Кедров), протодиакон и регент Кафедрального Собора Св. Александро-Невского в Париже, Франция), противостояние румын Османской империи (о. Александр (Барнеа), д-р богословия, лектор университета Ясского университета им. Александра Иоанна Кузы в городе Яссы, Румыния), жизнь старообрядческих общин в Латинской Америке (к.иск. И.В. Дынникова, с.н.с. сектора этномузыкологии Центра русского фольклора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва), вера как один из факторов сохранения обществ в условиях современной Европы (о. Бернард (Л.-Б. Савицки), координатор Монашеского института; профессор, лектор Папского университета Сант Ансельмо в Риме, Италия).

Секция «Вопросы сохранения культуры у малых этноконфессиональных сообществ» (рук. — к.пед.н. В.М. Сапунова, Ставропольский филиал МГПУ) собрала в основном местных учёных и работников музеев. Темы музейных коллекций, посвящённых малым этническим и этноконфессиональным группам, проживающим в регионах, их изучение, экспонирование, популяризация музейными методами, включение в образовательные программы стали основными. Прозвучали доклады о буддизме приволжских калмыков, об истории и жизни современных молоканских общин.

Была выделена тема казаков-некрасовцев: представлены обзор архивных документов их возвращения на Ставрополье, история комплектования коллекций, изучение костюма.

Рассмотрены вопросы интеграции общеобразовательных и музейно-образовательных программ, формирования политекультурного пространства в многонациональных учебных заведениях; представлены инновационные методы и формы туризма в центры локального прожи-

Фото 2. Встреча участников конференции с носителями нематериального культурного наследия – представителями старообрядческой общины казаков-некрасовцев.
Реконструкция свадебного обряда

вания старообрядцев на примере эстонской общины.

На форуме состоялся обмен информацией и опытом в области изучения малых этнических и этноконфессиональных групп, их роли в современном мире. Все участники конференции признали, что казаки-некрасовцы – уникальный феномен самоидентификации и сохранения куль-

туры в условиях иноземного проживания. Учёные предложили проводить такого рода форумы именно в местах локального проживания несистемных сообществ.

По мнению участников конференции форум будет способствовать, пониманию процессов сохранения национальных культур и уникальных культур исчезающих этносов.

А.А. ГРЯКАЛОВ, О.Н. НОГОВИЦИН*

Международная философская конференция «Русский логос: горизонты осмысления» (Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.)**

В Международной философской конференции приняли участие более 200 учёных из научных центров и регионов России (от Калининграда до Владивостока), а также исследователи русской мысли из Армении, Белоруссии, Болгарии, Италии, Китая, Польши, Словакии, Украины, Японии. Успешно работали 9 секций и 2 круглых стола, где прошли глубокие, достаточно острые, но благожелательно выстроенные дискуссии об истории, актуальном состоянии и ответственной прогностике путей развития отечественной философской мысли.

В докладах пленарного заседания были намечены основные ориентиры работы конференции: «наследуемость идей в русской философии XIX – начала XX века» (проф. А.А.Ермичев) (фото 1), «русский логос без русской идеи» (проф. А.Г.Погоняйло), рассмотрены границы со-противо-поставления «русской европейской и европейской русской философии» (проф. А.Ю.Резниченко). Логос исследован в соотношении со стратегиями текста, дискурса и письма (проф. А.А.Гря-

калов), вера и наука рассмотрены в пространстве мысли русской академической философии (проф. Т.Оболевич (Польша)). Темы логоса и поэзиса представлены в объединяющем образе «эйдоса вечности» (доц. Н.Б.Иванов), русская философия принципиально соотнесена с материалистической традицией (проф. А.Э.Савин), современная российская философия противопоставлена западной (проф. И.И.Евлампиев). Заданные в пленарных выступлениях позиции были продолжены и развиты в выступлениях на секциях.

На секции «Классическая русская философская традиция XVIII – первой половины XX в. истоки и тенденции» в первом докладе «Христианское задание русской философии и проблема её начала: К вопросам П.Я. Чаадаева», сделанном проф. А.К.Судаковым (Москва), был предложен панорамный взгляд на русскую философию и её специфику. И.С.Коковкин (Новосибирск) обратил к философскому наследию А.Н.Радищева, В.А.Серкова посвятила своё сообщение В.С.Соловьёву, Т.Симосато (Япония) — П.Д.Юркевичу.

* **Грякалов Алексей Алексеевич** — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: alexalgr@mail.ru

Ноговицин Олег Николаевич — кандидат философских наук, заместитель директора Междисциплинарного центра исследований европейской общественной мысли Социологического института РАН, член Оргкомитета конференции.
E-mail: dkh@bk.ru

** Проект 17-03-14178г.

Фото 1. Выступление проф. А.А. Ермичева на пленарном заседании

Молодые исследователи С.В.Ряполов (Воронеж), Р.Хосокава (Япония) и И.В.Гравина (Тамбов) обратились к творчеству о.Феофана (Авсенева), П.А.Флоренского и А.Ф.Лосева. А.А.Голубкова (Москва) предложила философскую интерпретацию литературной критики В.В.Розанова, а болгарская исследовательница Т.Н.Галчева (София) рассмотрела историю участия П.М.Бицилли в вразийских изданиях.

В докладе Н.А.Вагановой (Москва) проведён сравнительный анализ софиологических концепций В.С.Соловьёва и С.Н.Булгакова; В.А.Куприянов сопоставил версии панславизма Н.Я.Данилевского и В.И.Ламанского; Д.М.Дорохина (Москва) провела историко-философские параллели между идеями С.Л.Франка и католической философией. Влияние учения Г.Зиммеля на становление философских взглядов раннего С.Л.Франка прослеживалось в докладе Т.Н.Резвых (Москва). Вопросы и дискуссии по итогам сообщений позволили не только уточнить высказанные положения, но и значительно расширили содержание докладов.

Секция «Эпохи русского марксизма: философия как идеология в России и СССР» работала под руководством проф. С.В.Орлова, проф. И.М.Чубарова (Москва) и доц. И.А.Протопопова на площадке Социологического института РАН. «Теория ценностей» К.Маркса рассмотрена в интерпретации С.Франка (доклад Г.Е.Аляева (Полтава)), проанализирована гегелевская диалектика в понимании Ленина (доклад И.А.Протопопова). Н.Г.Дебольский представлен как критик Гегеля (А.И.Тимофеев).

Проблема идеального в творчестве М.Лифшица и Э.Ильенкова исследована в докладе В.Н.Суханова (Москва). К этому выступлению примыкает доклад А.С.Сюткина о советской теории субъекта в материалистической диалектике этих двух философов. Об исследовании автономии философского поля и «марксистского логоса» в понимании Э.Ильенкова рассказали О.Ф.Иващук (Москва) и Д.К.Куликов (Ростов-на-Дону).

Серия докладов была посвящена прогностике — представлению идей марксизма в настоящем времени и будущей перспективе. Сюда относится доклад С.В.Орлова «Философия марксизма и концепция информационного общества». С.В.Чебанов представил доклад «Результаты бытования диалектического и исторического материализма как государственной философии». Йоэль Регев (Санкт-Петербург, Иерусалим) проанализировал, как идеи И.Енчмена формировались в ситуации революционных катаклизмов и радикальной секуляризации. А.В.Казённов представил возможное будущее марксизма в современном мире, Л.Г.Лобастов (Москва) актуализировал вопрос о соотношении философии и идеологии.

Существенное достижение участников секции — обстоятельное и свобод-

ное от политической предвзятости обсуждение места марксистской философии в советском и постсоветском обществе, а также раскрытие конкретных проблем её исторического развития.

Секция «Философия за рамками идеологий: от советской эпохи к современности» работала под руководством доц. А.Н.Исакова, проф. Златицы Плашиенковой (Словакия, Братислава), проф. В.В.Савчука и доц. А.К.Секацкого. Общая идея заседания предстаёт как диагностика современности посредством философской рефлексии с учётом философского, религиозного, научного, художественного, идеологического и политического опыта. Как отметила проф. Зл.Плашиенкова, речь о современном социальном субъекте в условиях глобализации особенно значима при обсуждении перспектив русского логоса. Проф. В.В.Савчук в докладе «Поза логоса в цифровой невесомости» обратил внимание на то, что классическая проблема логоса, выходя из камерного пространства филологов и историков в сферы, прежде не соприкасающиеся с ней, «спотыкается» о медиа-реальность.

Участники секции рассмотрели актуальные темы современной философии: образы войны в русском логосе (А.Н.Исаков), внутренняя диалогическая полемичность русской мысли (А.Н.Огарков), творчество Яна Коморовского понято как источник познания русской религиозной мысли в современной Словакии (Зл.Плашиенкова), Нофал Фарис Османович (Луганск) проанализировал русский логос ближневосточного зарубежья, показав, как персонализм Бердяева повлиял на тематическое и идейное пространство арабской философии последнего столетия («арабский Бердяев»), а творчество Ж.-П. Сартра представлено в парадигме послевоенного российского логоса (С.А.Гашков).

Актуализированы темы рецепций традиций русской философии в современном контексте на материале эпистолярно-

го наследия Сергея Дурьилина (Л.В.Иванович, Москва). И.В.Кузин представил компаративистский взгляд на феномен *русской души* в свете «хайдеггеровской истины» в прочтении В.В.Бибихина. Оказался востребован феноменологический подход к анализу эйдоса архитектурного комплекса Петропавловской крепости (В.Е.Семенов). Существенные моменты в современной философской рефлексии представлены в докладах М.Р.Арпентьевой (Калуга), И.Б.Сазеевой (Мытищи), Е.С.Воли (Москва), В.А.Станжевского, А.А.Хахаловой.

На секции «Общественно-политическая мысль в России: вчера, сегодня, завтра» проявилось стремление к целостному анализу заявленной тематики. В заседании приняли участие известные исследователи русской общественной мысли и молодые учёные — философы, политологи и историки: И.Д.Осипов, Л.Ю.Гусман, А.В.Малинов, Н.И.Безлепкин, Т.В.Мусинко, В.Н.Лукин, Н.В.Снетова, Е.Ю.Машукова, Н.В.Махова, Л.Н.Лисенкова, С.И.Калинин и др. Лейтмотивом обсуждения можно считать тезис об отказе от «потребительского» отношения к историческому источнику, необходимости детального исследования творчества того или иного философа.

Секция «Парадоксы русского логоса: свидетельства утверждения» прошла на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (ведущие — проф. А.А.Грякалов, проф., академик РАО А.А.Корольков, доц. Л.Н.Летягин и проф. Л.В.Шиповалова). Намечены пути утверждения мысли и существования — константы логоса в стратегиях рефлексии и творчества (А.А.Грякалов), русский логос представлен в «пространстве непостижимого» (А.С.Степанова), исследованы возможности русского логоса в отношении к темам предела и границы (К.А.Ермилов). Логос рассмотрен в соотношении с этосом отечественной философии музыки (А.С.Клюев), сопоставлен с малорос-

Фото 2. С докладом выступает Т. Оболевич (Краков, Польша). Фото Е. Кравцова

сийским мифосом в творчестве Гоголя (Ю.В. Романенко). Исследованы пути формирования эстетики лица и имени в русской культуре (Д.Ю. Дорофеев), в пространстве логоса проанализированы страдание и аффект (С.А. Мартынова).

Весьма значимые проблемы были затронуты в докладах, посвящённых отдельным проблемам отечественной мысли — от греко-византийских представлений о любви и страхе (Е.Н. Сырцова, Киев) и иудейских мотивов в мысли С.Л. Франка (Т. Оболевич, Краков, Польша) (фото 2) до анализа эстезиса Софии в традиции русской иконописи (И.В. Горина). Исследованы вехи становления русского логоса в первой половине XIX в. (И.А. Батракова), константы логоса (о. Владимир Зелинский, Брешия, Италия) (фото 3) а также вопрос о том, как мыслить медиасредствами русской философии (К.А. Очеретяный).

На секции «Русский менталитет, культура и православие», работавшей на площадке Русской христианской гуманитарной академии, в центре внимания была взаимосвязь традиционных и современных форм развития русской культуры.

Исследованы взаимоотношения менталитета и языковой картины мира (О.В. Герасимович, Минск, Беларусь), православия и ментальности народов России (В.Н. Блохин, Горки, Беларусь), феномен правды в самосознании русского народа (О.Д. Маслобоева).

Проблемы соотношения базовых и конкретно-исторических ценностей рассматривалась в докладе проф. В.А. Щученко, где было подчёркнуто, что постсоветский период характеризуется быстрыми и болезненными ментальными поворотами — в целом социально-перспективными, но окрашенными рецидивами идеализации и романтизации прошлого.

Т.Ю. Серикова (Красноярск) в докладе «Отображение ценностных установок русского православия в современном искусстве» представила конкретные формы творческого диалога на примере работ красноярских художников. Существенной новизной отмечен доклад Е.Г. Мещериной (Москва) о религиозно-этической основе русской художественной культуры XIX в. Актуальные проблемы биоэтики в контексте православной культуры звучали в докладе Т.Н. Кетовой.

Исследователь из Японии Тиаки Куроянаки рассказал об особенностях понимания конфуцианства известным православным миссионером и мыслителем Иакинфом Бичуриным. Проблемы религиозного и культурного символизма были поставлены в докладах В.М. Авдеева, Е.С. Протанской и др.

Важным моментом в организации и проведении конференции было стремление представить возможную полноту действия русского логоса в многообразных полях творчества, поведения и прогностики. В связи с этим были проведены заседания секции «Русское поэтическое высказывание: концептуальная аналитика

и герменевтика» (руководители секции – доц. Н.Б. Иванов и проф. М.В. Михайлова). Поэзия рассматривалась как демиургия, космологический проект поэтического творчества (А.К. Секацкий), как необходимость спасения для субъекта травмы (И.И. Мавринский), как школа молчания (М.В. Михайлова). Эстетический опыт значим как проблематизация стратегий рефлексии: в соотношении поэзии и дизайна (Г.Н. Лола), в концептуальном пространстве рефлексивной драмы (О.Н. Ноговицин), осмыслении христианского опыта соотношения божественного и человеческого (А.К. Черноглазов), в религиозном определении *Зла* (О.Н. Ноговицын) и Божественного провидения (С.М. Капилупи, Рим). «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина представлены как картина истории новоевропейской субъективности (С.Б. Никонова).

Широкая тематическая палитра прозвучавших докладов дополнялась столь же обширным охватом персоналий русской поэтико-литературной традиции: доклады были посвящены философской рефлексии творчества А.С. Пушкина (М.Е. Арндт, А.В. Ильичёв, С.Б. Никонова), Н.В. Гоголя (О.Н. Ноговицын), Ф.М. Достоевского (С.М. Капилупи), А.П. Чехова (С.В. Лагутин, О.Н. Ноговицын), А. Блока (Ф.С. Ким), Георгия Иванова и С. Чудакова (А.А. Сёмина), М. Цветаевой (Е.Е. Таратута), А. Платонова (Н.Б. Иванов), В. Кривулина (Г.И. Беневиц), В. Иванова (В.Г. Богомяков) и др. Достижения в работе секции состоят в проблематизации отношений философии и поэтического высказывания, где создаётся представление о сложной множественности стратегий поиска истины.

В основной замысел конференции входило обсуждение логической проблематики отечественной мысли. Модераторами на секции «Логическая мысль в России» выступили Е.Н. Лисанюк, Л.Г. Тоно-

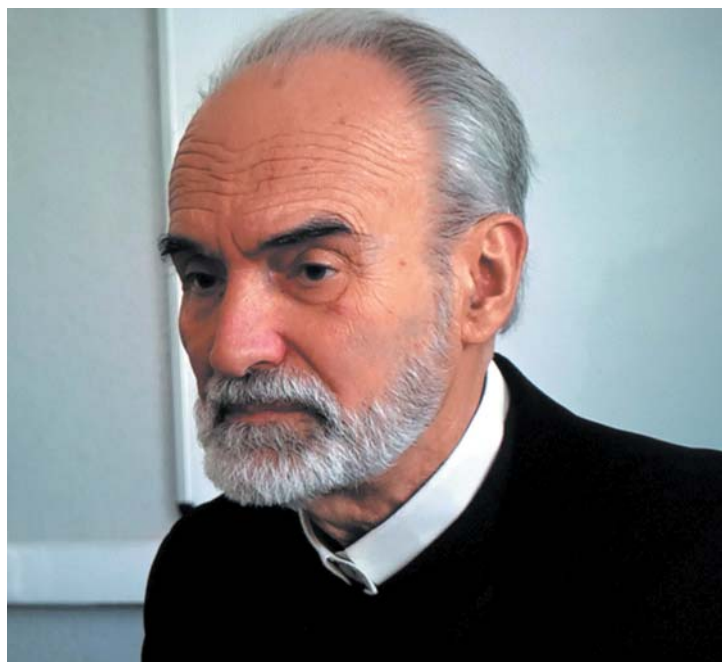

Фото 3. На трибуне о. Владимир Зелинский (Брешия, Италия). Фото Е. Кравцова

ян и О.Ю. Гончарко. Были рассмотрены становление логических знаний на Руси в допетровскую эпоху, динамика развития логики как предмета преподавания и науки в свете более поздних византийских влияний (Л.Г. Тоноян).

Докладчики подчеркнули необходимость изучения истории отечественных комментариев к «Диалектике» Иоанна Дамаскина наряду с комментариями к «Категориям» Аристотеля и «Введением» Порфирия (В.В. Воробьёв), отмечено существенное влияние греческой и латинской средневековых логических традиций на формирование отечественного стиля преподавания логики в XVII–XIX вв. (О.Ю. Гончарко).

Проф. И.Б. Микиртумов рассмотрел понятие неопределённой истины, служащей основанием неклассической логики Н. Васильева. Сделаны доклады о логических исследованиях П.С. Порецкого (И.И. Чернаткин), об алгоритмах оценки аргументов (Е.Н. Лисанюк). Проф. Я.А. Слинин выступил с докладом об оригинальном доказательстве А.И. Введенским модуса *Vocardo*. Проф. Э.Ф. Караваев доложил о становлении логики вопросов в сочи-

нениях российских логиков конца XIX – начала XX в., отметив негативное влияние гегелевского пренебрежительного отношения к логике.

Заседания секции «Античная пайдейя и русский логос» проходили в Русской христианской гуманитарной академии под председательством Р.В.Светлова, И.Н.Мочаловой и Е.В.Алымовой. Работа секции открылась докладом «Крещение Руси: античные мотивы» Р.В.Светлова, показавшего, что описание Крещения Руси в «Повести Временных лет» позволяет говорить о знакомстве древнерусских книжников с античной традицией (в византийской обработке). Таким образом, связь «русского логоса» с «античной пайдейей» прослеживается с самых первых шагов отечественной истории. «Эллинскую образованность» оценивал в своих трудах русский мыслитель и историк философии Сергей Николаевич Трубецкой, творчеству которого был посвящён доклад И.Н.Мочаловой «Феномен сократических школ в “Истории древней философии” С.Н.Трубецкого».

Жизни знатока греческой философии Василия Николаевича Карпова, блестящего педагога, философа и переводчика, одного из создателей «русского Платона», был посвящён доклад «Paideia Karpoviana» С.Е.Золоторёва. Исследование взаимосвязи античной традиции и русской философии продолжил Р.Н.Дёмин в докладе «Античные истоки концепции философской клиники Константина Сотонина».

В докладе С.В.Караваевой «Ф.Ф.Зелинский как переводчик и интерпретатор Софокла» были проанализированы особенности переводов Зелинского – апологета Славянского Возрождения античности. Своё особое переживание античной культуры было и у Ольги Михайловны Фрейденберг, творчеству которой посвятила доклад Е.В.Алымова. Завершилась работа секции обращением к поэзии Марины Цветаевой, к её диалогу с великим древнегреческим драматургом Еврипи-

дом (Е.С.Юрина). Прочитанные доклады и их обсуждение показали, что античная традиция продолжает и сегодня жить в русской культуре, во многом определяя её и открывая новые горизонты осмысления.

Заседание круглого стола «Феноменологическая философия в России» (ведущие – Н.А.Артеменко и А.Б.Паткуль) было посвящено обсуждению актуальных для современной феноменологической мысли вопросов. М.А.Белоусов (Москва) в докладе «О понятии смысла в феноменологии» проанализировал ключевые различия, задающие горизонт феноменологической разработки феномена смысла: смысл/предмет, смысл/созерцание, смысл/переживание.

А.В.Фролов (Москва) рассмотрел вопрос о статусе проблемы мира в контексте современной философии и перспективы феноменологии перед лицом вызовов цифровой эпохи. В качестве базисной проблемы жизненного мира В.И.Молчанов (Москва) проанализировал отношение восприятия и суждения, а также критически анализировал попытку Гуссерля найти основание науки в жизненном мире. С.В.Левшин (Владивосток) показал, что критика феноменологии, оставаясь в рамках устаревшей дихотомии реализм–антиреализм, является весьма поверхностной и не даёт позитивных результатов.

Особое внимание организаторов конференции было уделено состоянию и проблемам успешного развития деятельности философских журналов. Проведено заседание круглого стола «Философский журнал в современной России» (ведущие – гл. редактор журнала «Horizon. Феноменологические исследования» Н.А.Артеменко и гл. редактор журнала «ESSE: Философские и теологические исследования» О.Н.Ноговицин).

Рассмотрены вопросы индексирования в международных базах данных, затронуты темы авторских прав и интеллектуальной собственности, корректных

моделей рецензирования материалов, поступающих в журналы, зависимости организации работы редколлегии от институциональной среды российской науки и образования. Выделена проблема наметившегося стремления административных институциональных структур научно-образовательных организаций к отчуждению авторских прав у авторов статей, печатаемых в ведомственных изданиях, что ведёт к негативным последствиям для развития российского образования и науки.

В ходе конференции была проведена презентация книги о. Владимира Зелинского (Брешия, Италия) «Священное ремесло. Философские портреты». Привлекательность и сложность темы вызвали заинтересованное обсуждение участников.

Итоговый круглый стол «Русское слово. Актуальность и границы философско-

го осмысления» был проведён под руководством проф. А.А.Грякалова и проф. Т.Оболевич. Основные доклады представили о. Владимир Зелинский («Рождение государства из текста. К столетию Октября») и доц. А.К.Секацкий («Рождение государства из духа музыки»).

Значение проведённой Международной философской конференции состоит в создании диалога позиций в отечественном и мировом контекстах, определении перспектив и форм рецепции русской мысли в современной отечественной и зарубежной философии.

Достойным результатом исследований, поступивших на конференцию и активно обсуждаемых на заседаниях, стала их публикация в двухтомном сборнике: Русский логос: горизонты осмысления: В 2 т. / Отв. ред. А.А.Грякалов (СПб.: РХГА, 2017).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-198-201

А.Г. БОБРОВ*

**Лаврентьевская летопись.
Факсимильное издание. СПб.: Росток,
2017. — 352 с.; Лаврентьевская летопись.
Текст. Перевод. Исследования / Подгот.
текста, пер. и исслед. Г.М. Прохорова.
СПб.: Росток, 2017. — 752 с.****

Предметом публикации, перевода и изучения в рецензируемом издании является едва ли не самый выдающийся памятник древнерусской книжности — пергаменная Лаврентьевская летопись 1377 г. Большую половину объёма текста в кодексе, который уже более двух веков хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, занимает «Повесть временных лет», доведённая до 1110 г. Далее следуют южнорусская летопись и продолжение летописного текста владими́ро-суздальского происхождения (до 1305 г.; «Суздальская летопись») [1]. Лаврентьевская летопись — это древнейший точно датированный список не только «Повести временных лет», но и вообще какой-либо древнерусской летописи (более ранняя рукопись, содержащая Новгородскую Первую летопись старшего извода, не имеет точной даты написания).

По Лаврентьевской летописи, тогда принадлежавшей графу А.И. Мусину-

Пушкину, ещё в 1793 г. был опубликован текст «Поучения» Владимира Мономаха, дошедшего до нас в единственном списке [2]. В первой четверти XIX в. предпринимались попытки издания текста Лаврентьевской летописи, однако оба начатых проекта не были доведены до конца [3]. Впервые текст Лаврентьевской летописи был полностью опубликован в 1846 г. и впоследствии многократно переиздавался [4].

Новая публикация Лаврентьевской летописи, подготовленная замечательным знатоком древнерусской литературы и книжности Г.М. Прохоровым и осуществлённая Санкт-Петербургским издательством «Росток», состоит из единообразно оформленных двух томов, оригинально соединённых в комплект при помощи футляра-обложки из плотной бумаги.

Первый том — это факсимильное издание самой древнерусской рукописи. До недавнего времени манускрипт был доступен исследователям (помимо самого оригинала, находящегося на «осо-

* **Бобров Александр Григорьевич** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
E-mail: abobrov1960@yandex.ru

** Проект 17-04-16100д.

бом хранения» и выдаваемого читателям в относительно редких, можно сказать, исключительных случаях) лишь по фотолитографическому воспроизведению 1872 г. Причём это издание было неполным, оно охватывало часть летописного текста до 1110 г. (т.е. только «Повесть временных лет»), и, конечно, в воспроизведении рукописи было технически недостаточно совершенным с современной точки зрения [5].

И только сравнительно недавно, в 2012 г., появились факсимильные издания Лаврентьевской летописи в электронном виде, представленные в сети Интернет (факсимильное электронное издание Лаврентьевской летописи доступно на сайтах Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина (<https://www.prlib.ru/item/342021>) и Российской Национальной библиотеки (http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php)). Новое издание впервые при помощи цифровой фотографии и офсетной печати даёт возможность широкому кругу читателей и специалистов использовать для научных, познавательных и образовательных целей воспроизведение рукописи на бумаге, в цвете и в отличном качестве (фотограф В.С.Теребинин).

Второй том представляет собой издание древнерусского текста Лаврентьевской летописи с параллельным переводом на современный русский язык (с. 6–695) и четырёх исследовательских статей, принадлежащих перу Г.М.Прохорова (с. 697–747). При публикации древнерусского текста был использован интересный приём: его части, переписанные разными писцами (Лаврентием и двумя анонимными книжниками), передаются по-разному: для написанного первым писцом использован крупный шрифт, для написанного Лаврентием — более мелкий, для написанного третьим писцом — подчёркнутый. Это, безусловно, весьма удачное и наглядное эдиционное решение.

В первой статье, сопровождающей текст и перевод летописи («Стихотворное начало приписки Лаврентия»; с. 697–

701), Г.М.Прохоров сопоставил текст записи русского книжника 1377 г. с византийскими и южнославянскими аналогами и показал, что Лаврентий имел определённое представление о греческих стихотворных ямбических писцовых записях и ориентировался на них при написании своего послесловия.

Вторая статья Г.М.Прохорова «Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи» (с. 702–718) посвящена подробному обоснованию давней мысли исследователя об осуществленном в 1377 г. редакторском «вторжении» в уже готовый кодекс с заменой целого ряда листов и переделкой повествования. Эту работу (в первоначальном варианте опубликованную в 1972 г. [6]) автор существенно переработал и дополнил для настоящего издания. Тщательный анализ разлиновки пергаменных листов, характера их вклейки на фальцах в кодекс, чередования почерков и пробелов внутри текста, а также состава тетрадей рукописи позволил исследователю установить, что XXI и XXII тетради (соответственно л. 153–164 и 165–168), содержащие повествование за период татаро-монгольского нашествия на Русь в XIII в. (1223–1240, 1262 г.), подвергались вторичной замене и переделке.

Третья статья, «Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи» (с. 719–738), также частично основанная на более раннем исследовании [7], логично продолжает предыдущую. Здесь Г.М.Прохоров текстологически обосновывает свою мысль о существенной переделке повествования за период татаро-монгольского нашествия именно в 1377 г. с целью «убрать примеры малодушия и показать бесстрашие в борьбе с татарами князей и воевод», связанных с Москвой, Владимиром и Суздалем (с. 730–731), «дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами» (с. 733).

Наконец, заключает том статья «Инициатор создания Лаврентьевской лето-

писи епископ Дионисий Суздальский» (с. 739–747), в которой содержится очерк жизни и творчества нижегородского владыки, по словам Г.М.Проخورова, одного «из ярчайших деятелей русского Православного Возрождения XIV в.» (с. 747).

Исследовательские материалы, помещённые в заключительной части второго тома, позволяют в мельчайших подробностях увидеть, что происходило с рукописью в начале 1377 г., во время её написания и редактирования, живо представить основных действующих лиц — писца Лаврентия и епископа Дионисия. В этом состоит безусловный вклад Г.М.Проخورова в изучение летописания XIV в.

В то же время некоторые вопросы, связанные с историей появления текста Лаврентьевской летописи и последующего бытования рукописи, не были рассмотрены достаточно подробно. Высокий академический уровень рецензируемого издания позволяет ожидать исчерпывающие сведения о публикуемой рукописи и наличие традиционного научного аппарата. Эти ожидания оправдываются, но не полностью.

Так, например, в издании слишком скупо освещён вопрос о судьбе книги в Новое время. Г.М.Проخورов справедливо отметил, что «летопись находилась во Владимире в конце XVI или начале XVII в. После этого она оказалась в собрании Софийского собора в Новгороде (...). В 1791 г. из Новгорода в числе прочих рукописей Лаврентьевская попала в Москву к А.И.Мусину-Пушкину (...) а от него вскоре — в Императорскую Публичную библиотеку» (с. 704).

В середине 1800-х гг. А.И.Мусин-Пушкин преподнёс манускрипт в дар императору Александру I, который передал его в Публичную библиотеку. Собиратель утверждал, что подаренный им императору древнейший датированный список русской летописи происходил из коллекции умершего в 1763 г. П.Н.Крекшина [8]. Впоследствии Д.С.Лихачёв по сути дела опроверг версию Мусина-Пушкина, указав на противоречащее ей существо-

вание копии этого кодекса, сделанной в 1765 г. учениками Новгородской семинарии [9]. Теперь стало понятно, что Лаврентьевская летопись поступила в собрание А.И.Мусина-Пушкина не из коллекции П.Н.Крекшина, а из библиотеки Новгородского Софийского собора, где она числилась под № 38 [10].

В начале 1790-х гг. А.И.Мусин-Пушкин, по всей видимости, воспользовавшись своим служебным положением обер-прокурора Священного Синода, «присвоил» не только Лаврентьевскую летопись из собрания Софийского собора в Новгороде, но и ряд других рукописных книг, в том числе сборник со «Словом о полку Игореве», происходивший, скорее всего, из Кирилло-Белозерского монастыря. Обе рукописи А.И.Мусин-Пушкин получил для своей коллекции при том или ином содействии митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова) (1730–1801), в епархию которого входили и Софийский собор в Новгороде, и Кирилло-Белозерский монастырь [11]. Лаврентьевская летопись сохранилась до нашего времени благодаря тому, что собиратель расстался с ней ещё до нашествия Наполеона, а вся коллекция А.И.Мусина-Пушкина погибла в Московском пожаре 1812 г.

Удивительным образом в издании ни разу не упомянут шифр издаваемой рукописи (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, Основное собрание рукописных книг, Ф.п. IV.2). Видимо, публикаторы посчитали, что шифр Лаврентьевской летописи — это общеизвестная информация, однако даже в статье в Википедии он указан с ошибкой. Можно также выразить сожаление, что в издании отсутствуют указатели имён и географических названий.

Названные недочёты ни в коей мере не снижают высокого уровня рецензируемого издания. Опубликованная в издательстве «Росток», Лаврентьевская летопись является великолепным произведением книжного искусства, выполненным

поистине в древнерусской традиции. В книге прекрасно сочетаются глубокое содержание, изящное оформление и образцовое полиграфическое исполнение, она напечатана на хорошей мелованной бумаге, её приятно взять в руки. Издание, безусловно, на долгие годы станет «настойной книгой» для исследователей, изучающих культуру Древней Руси.

Значительные по объёму и научному значению комментирующие текст статьи, подготовленные Г.М. Прохоровым, представляют собой самостоятельные иссле-

дования, вносящие существенный вклад в изучение древнейшей русской летописи. Они написаны понятным даже неподготовленному читателю языком при сохранении достаточной точности и подробности описания.

Новая публикация Лаврентьевской летописи является итоговым трудом скончавшегося 1 сентября 2017 г. прекрасного учёного и человека Гелиана Михайловича Прохорова [12], его последним подарком читателям, интересующимся русской средневековой литературой и историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Описание рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1: Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская / РАН, Ин-т славяноведения, Археогр. комис. М., 2002. С. 552–555.
2. Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье / Подгот. к изд. и пер. А.И. Мусина-Пушкина. СПб., 1793.
3. Летопись Несторова по списку инок Лаврентия / Изд. проф. Х.[А.] Чеботарёв и Н.[Е.] Черепанов с 1804 по 1811 год. [М., 1804–1811]. — 12 п.л.; не завершено, до 907 г. (изд.: Пушкинская летопись: [По изд. Х.А. Чеботарева и Н.Е. Черепанова 1804–1811 гг.] // Летопись по Лаврентьевскому списку: Изд. третья Археогр. комис. / [Под наблюдением А.Ф. Бычкова]. СПб., 1897. С. 1–40); Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия: Изд. проф. [Р.Ф.] Тимковского, прерывающееся 1019 годом / Напеч. при Обществе истории и древностей российских. М., 1824.
4. Полное собрание русских летописей / Изд. Археогр. комис. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи / [Под ред. Я.И. Березникова]. Важнейшие последующие издания: Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. комис. [Пригот. к изд. А.Ф. Бычковым]. СПб., 1872; Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. комис. [Напеч. под наблюдением А.Ф. Бычкова]. СПб., 1897; Полное собрание русских летописей / Изд. Ист.-археогр. комис. АН СССР; Ред. Е.Ф. Карский. Л., 1926. Т. 1, 2-е изд. Вып. 1: Повесть временных лет: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. 289–488 с.
5. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку / Изд. Археогр. комис.; [Светопеч. воспр. В.Я. Рейнгардта]. СПб., 1872.
6. Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 77–104.
7. Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.
8. Моисеева Г.Н. О «Собрании российских древностей» А.И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. М., 1984. С. 17.
9. Лихачёв Д.С. Археографический комментарий // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 354.
10. Моисеева Г.Н. О «Собрании российских древностей» А.И. Мусина-Пушкина... С. 16–18; Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи... С. 84, прим. 26.
11. Бобров А.Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 528–553.
12. Гелиан Михайлович Прохоров (20 марта 1936 — 1 сентября 2017) [Некролог] // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 65. С. 793–797.

А.П. РУДНЕВ*

**Шолохов М.А. Тихий Дон.
Научное издание: В 2 т. / Ред. томов
А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, 2017.
Т. 1. — 816 с.; Т. 2. — 864 с.****

Первое научное издание одного из величайших произведений русской и мировой литературы XX в. — романа М.А.Шолохова «Тихий Дон» — вышло недавно в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН, к сожалению, небольшим тиражом (всего 300 экземпляров). В состав редколлегии издания входит ряд известных учёных — академик РАН А.Б.Куделин, директор ИМЛИ РАН профессор В.В.Полонский, внук автора «Тихого Дона» А.М.Шолохов, недавно ушедший из жизни член-корреспондент РАН Ф.Ф.Кузнецов, автор фундаментальной книги ««Тихий Дон»: судьба и правда великого романа» (М., 2005). Возглавляет редколлегию член-корреспондент РАН Н.В.Корниенко.

Непосредственно над подготовкой издания работала группа исследователей-текстологов, куда входили Г.Н.Воронцова, Ю.А.Дворяшин, Н.П.Великанова, Е.А.Тюрина, а также уже ушедшие из жизни А.А.Козловский, В.В.Васильев, П.Ф.Бирюков, И.П.Казакова. Научное руководство подготовкой издания осуществлял А.М.Ушаков, он же является автором предисловия к данному труду.

Едва ли можно назвать в истории литературы книгу со столь непростой, точнее сказать, драматической судьбой, как «Тихий Дон», притом что, как справедливо указывается в редакционном предисловии, знаменитый шолоховский роман на протяжении многих десятилетий «был одним из наиболее востребованных читателями и широко издаваемых в нашей стране прозаических произведений» (Т. 1, с. 5). Начиная с 1928 г. и до выхода в свет в середине 1980-х гг. последнего прижизненного собрания сочинений Шолохова, «Тихий Дон» издавался 342 раза, а общий тираж этих изданий составил более 20 миллионов экземпляров — цифра более чем внушительная!

Однако следует сразу же указать, что на протяжении длительного времени «Тихий Дон» издавался зачастую с немалым числом ошибок в тексте: опечаток, произвольных исправлений, явных искажений и изъятий, сделанных не в последнюю очередь по идеологическим соображениям, под жёстким контролем цензуры. В качестве примера можно указать исключение из текста, начиная с 1930-х гг., имён Л.Д.Троцкого, Ф.К.Миронова, С.И.Сыр-

* **Руднев Александр Петрович** — кандидат филологических наук, член Союза писателей России.
E-mail: aprudnev@bk.ru

**Проект 17-04-16191 д.

цова, Н.В. Крыленко, В.А. Антонова-Овсеенко, И.А. Дорошева, которые в те годы были объявлены «врагами народа». Но имели место изъятия и другого типа.

Так, в ряде изданий 1930-х гг., были убраны или существенно преобразованы те или иные части текста ненормативной либо грубо-бранной лексики (например, текст якобы «похабной» казачьей песни, позднее восстановленный М.А. Шолоховым), а также просторечия и областнические малопонятные выражения, провинциализмы.

М.А. Шолохов активно сопротивлялся попыткам литературных чиновников и редакторов под разными предлогами вмешаться в текст романа. Для него было важно, чтобы соблюдался баланс между лексикой указанного выше типа и традиционной литературной речью. О большой работе автора в этом плане свидетельствуют найденные недавно рукописи. Как отмечается в предисловии к изданию, «логика авторских исправлений в рукописях “Тихого Дона” — от первых черновых до беловых автографов — позволяет установить закономерности работы Шолохова над текстом <...> Выбор именно этого, а не иного слова, его зависимость от органичного для эпического повествования стиля, от смыслового и интонационного контекстов, ритма и мелодической тональности повествования, постоянное ощущение автором тонкой грани между литературной и просторечной формами слова — всё это, вместе взятое, составляет систему творческих принципов, позволяющих аргументировать внесение в текст “Тихого Дона” тех или иных поправок» (Т. 1, с. 7).

К сожалению, далеко не всегда писателю удавалось отстоять свои позиции, но принципиально важно подчеркнуть, что он всегда стремился сохранить написанный им и нередко уже опубликованный текст. Как нам представляется, не сбива писателя с толку и развернувшаяся в 1929 г. кампания по обвинению 24-летнего Шолохова в плагиате

и вскоре, впрочем, опровергнутая и даже в те годы названная «злостной клеветой». Однако этот «шлейф», если можно так сказать, тянулся за Шолоховым почти до конца жизни автора, невзирая на всенародное восхищение его талантом у нас и за рубежом вплоть до присуждения ему Нобелевской премии.

Версии относительно авторства романа, возникавшие в разное время, поддерживались и «подогревались» ещё и тем, что долгие годы рукописи «Тихого Дона» считались безвозвратно утрачены вместе с архивом писателя в годы Великой Отечественной войны. Исключение составило только некоторое число разрозненных рукописных листов, которые были переданы самим писателем на постоянное хранение в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге, а также автографы и авторизованные машинописи отдельных фрагментов романа, находящиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства и Государственного литературного музея.

В середине 1990-х гг. журналист Л.М. Колодный установил, что рукописные источники 1-й и 2-й книг «Тихого Дона» находятся у наследников вдовы ближайшего друга Шолохова В.М. Кудашева. В 1999 г. после немалых мытарств они были приобретены Институтом мировой литературы, и это стало большим культурным событием. Специально проведённая графологическая экспертиза (акт экспертизы за номером 1077/010 от 28 июня 1999 г. Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ) неоспоримо установила принадлежность М.А. Шолохову этих рукописей, а также списков, которые были сделаны женой писателя М.П. Шолоховой, её сестрой А.П. Громославской и братом И.П. Громославским и авторизованы самим Шолоховым.

После реставрации вновь обретенных рукописей вышло в свет их факсимильное издание, а в 2011 г. — коллективный

труд «Михаил Шолохов. «Тихий Дон». Динамическая транскрипция рукописи» — своего рода один из подступов к нынешнему изданию.

При подготовке научно выверенного текста «Тихого Дона» перед текстологами ИМЛИ РАН возникла чрезвычайно сложная задача — выбор основного источника текста романа, в котором в наибольшей мере была бы выражена авторская воля. Для этого требовалось, насколько возможно, полное и всестороннее изучение творческой истории каждой из четырёх книг «Тихого Дона» и колоссальная работа по устранению многочисленных разночтений и опечаток, которые переходили из издания в издание и в результате в немалой степени искажали корпус шолоховского текста. В прежние времена такая работа не могла проводиться по причине отсутствия рукописи «Тихого Дона». И только лишь полное, всестороннее сличение всех рукописных источников со всеми прижизненными изданиями помогло устранить эти различия и подготовить текст, с наибольшей полнотой выражающий авторский замысел.

Изучение творческой истории «Тихого Дона», творческой лаборатории писателя оказалось затруднительным ещё и по причине отсутствия в распоряжении учёных ряда материалов. В настоящее время исследователи не располагают ни черновыми заготовками, ни записными книжками, ни дневниковыми записями Шолохова. А немногочисленные и скудные сведения о возникновении замысла «Тихого Дона» отражают лишь какие-то внешние события и факты. Не сохранились, точнее говоря, пока не обнаружены гранки тех или иных изданий романа, листы сверок, наборных экземпляров книг.

«Глубинное же его (замысла. — А.Р.) течение, — отмечает Ю.А. Дворянин в текстологическом послесловии, — остаётся трудно доступным: Шолохов не был склонен посвящать кого-либо в сокровенные творческие его тайны (Т. 1, с. 707).

Приступая к написанию романа осенью 1925 г., 20-тилетний Шолохов, как полагает Ю.А. Дворянин, вовсе не собирался создавать традиционный исторический роман. Главным для него было понять и показать народную жизнь во всей её полноте и сложности в переломные для страны годы. Это погружение в стихию народной жизни предопределило избранный Шолоховым способ показа исторических событий, и в конечном счёте, эпическую природу «Тихого Дона». Отсюда следовали и принципы изображения человеческих характеров, которые должны были быть соразмерны масштабу ключевых исторических событий, во многом перевернувших ход истории.

С точки зрения языка и стиля, которые у Шолохова, по всеобщему мнению, ни на кого не похожи, во время работы над первой книгой «Тихого Дона», как показывают рукописи, автор предпринимал усиленные поиски «органичной формы взаимодействия норм литературного языка и диалектизмов» (Т. 1, с. 730). Однако, как уже было сказано, сложилось это в единый языковой стиль далеко не сразу. Анализ черновых рукописей убеждает, что несоблюдение автором в ряде случаев норм традиционного правописания вызвано стремлением писателя сохранить всё богатство и весь колорит живой народной речи, а вовсе не свидетельствовало, как полагали некоторые критики, о его малообразованности. Это опровергается в свою очередь замечательным описанием сцен и эпизодов романа, происходящих в Москве, Петрограде, на границе с Польшей, в Восточной Пруссии во время Первой мировой войны и т.д.

Примерно в том же направлении проходила работа Шолохова и над последующими частями романа, прежде всего над языком 2-й и 3-й книг. Там были авторские пояснения в сносках к тексту, объясняющие значение местных выражений. Важно учитывать, что к этому времени уже полностью сложилось представление автора о характерах и судьбах основных геро-

ев — Григория Мелехова, Натальи, Аксины, Ильиничны и др. Именно во второй книге хорунжий Мануйлов получил имя Евгения Листницкого, которое окончательно закрепило за этим персонажем.

Исправления текста в беловом автографе 2-й книги романа говорят о внимательном её вычитывании автором и также дают представление о динамике стилистических, в особенности лексических и художественных принципов и приёмов писателя.

Что касается чернового автографа 3-й книги, который сохранился не в полном объёме, он неопровержимо свидетельствует, как Шолохов стремился к максимальной художественной выразительности и точности в изображении событий и характеров — например, в таких эпизодах, как бой группы казаков с немцами, дневник студента Тимофея Ивановича (в других местах он назван Александром Ивановичем, Саней) и др.

Текст 1-й и 2-й книг «Тихого Дона» публикуется по изданию 1933 г. Несмотря на ряд существенных редакторских вмешательств, именно данное издание, как было установлено, в наибольшей мере обладает качествами основного источника. В нём в максимальной степени оказались сохранены особенности творческой манеры писателя, его языка и стиля. Текст 1-й и 2-й книг в научном издании целиком, насколько было возможно, освобождён от искажений и посторонних вмешательств, а также от незамеченных автором неточностей и погрешностей — как в содержательном, так и в формальном смысле.

Что касается 3-й книги, преимущественно посвящённой событиям Верхне-Донского Вешенского восстания, как указывает Г.Н.Воронцова, то её судьбу определила встреча летом 1931 г. М.А.Шолохова с И.В.Сталиным в присутствии А.М.Горького. И.В.Сталин, убедившийся в строгой документальности изображения событий Гражданской войны

на Дону, вынес вердикт: «Печатать будем». Вначале эту книгу автор представлял себе как завершающую, но её открытый финал обязывал писателя довести до конца изображение судьбы главных героев, прежде всего Григория Мелехова. Текст 3-й книги печатается по отдельному её изданию того же 1933 г.

Четвёртая книга, по сравнению с другими, наиболее политизированная, в ней отражены события на Дону 1919–1922 гг., заканчивается окончательным установлением там Советской власти. Она создавалась позднее, в 1935 г., а публикация началась только в 1937 г. и закончилась в 1940-м. Как показывает исследование, авторская работа над рукописью 4-й книги значительно отличалась от доведения до «кондиции» других текстов романа. Работа Шолохова над содержательной стороной этой части «Тихого Дона» просматривается в ней наиболее отчетливо. Здесь был написан целый ряд важнейших сцен и эпизодов (выздоровление Аксины после тифа, а затем её гибель, возвращение Григория на хутор Татарский и др.). В научном издании всё это восстановлено. По справедливому замечанию Г.Н.Воронцовой, язык и стиль 4-й книги заметно отличается от первых трёх книг, «прежде всего своей строгой простотой и ясностью» (Т. 2, с. 835). Она печатается по тексту первой публикации журнала «Новый мир» (1937, 1938, 1940 гг.) максимально свободной от каких-либо искажений.

Исправления текста, которые были осуществлены современными исследователями текста «Тихого Дона», создают в результате верную картину того, что было написано М.А.Шолоховым, выражая логику его творческих устремлений. Таким образом, читатели получили полноценное и полностью освобождённое от ошибок, искажений и изъятов издание великого романа — и это, несомненно, выдающееся событие в современной литературе и литературной науке.

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» — это новый научный журнал, учреждённый в 2017 году Российским фондом фундаментальных исследований. С 1995 по 2016 год это ежеквартальное издание регулярно выходило в свет под названием «Вестник Российского гуманитарного научного фонда». За 22 года были подготовлены и опубликованы 85 номеров журнала.

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», как и выходивший ранее «Вестник РГНФ», — это уникальное полидисциплинарное издание, в котором публикуются статьи по всему спектру гуманитарных наук: по отечественной истории с древнейших времен до наших дней, всеобщей истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, политологии, правоведению, науковедению, литературоведению, языкознанию, искусствоведению, комплексному изучению человека, психологии, педагогике, социальным проблемам здоровья и экологии человека, глобальным проблемам и международным отношениям.

В журнале печатаются **ранее не публиковавшиеся научные статьи**, которые подготовлены **по итогам или в ходе выполнения научных проектов и мероприятий, поддержанных Фондом**. Эти статьи (не отчёты по проектам) должны представлять интерес для широкого круга учёных-гуманитариев.

Журнал «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» включен в состав базы Russian Science Citation Index (RSCI — Российский индекс научного цитирования) на платформе Web of Science.

I. Общие требования

Примерные объёмы статей:

- обзорные статьи по приоритетным направлениям гуманитарных научных исследований (на примере проектов, поддерживаемых РФФИ) — до 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);
- по исследовательским проектам — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами);
- по проектам экспедиций — до 0,4 а.л. (16 тыс. знаков);
- по проектам конференций, а также рецензии — до 0,3 а.л. (12 тыс. знаков).

Во всех статьях должны быть приведены **сведения об авторах**:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень;
- должность и место работы;
- руководитель (исполнитель) проекта (для авторов статей *по проектам организации научных мероприятий* — председатель или член Оргкомитета);
- полное название проекта и его номер (в *рецензиях на книги* указывается только номер издательского проекта).

В текстах статей следует использовать букву «ё», где это необходимо.

Все текстовые материалы должны быть представлены в электронном виде в формате MS Word.

Желательно наличие цветного иллюстративного материала (рисунков, фотографий, карт, диаграмм, графиков и т.д.).

II. Дополнительные требования к статьям, подготовленным по исследовательским проектам

На русском языке представляются:

1. Индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).
2. Код ГРНТИ.
3. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; контактные атрибуты: номер мобильного телефона (*не для публикации, а для оперативной связи редакции с автором*) и адрес электронной почты.
4. Название статьи.
5. Аннотация (от 120 до 250 слов), которая является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.
6. Ключевые слова от 3 до 15 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
7. Текст статьи — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами).
8. В тексте статьи должны быть ссылки на источники (не менее 15–17). Ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. При этом нельзя ссылаться на работы только одного автора, а также только на монографии: должны быть ссылки и на статьи. Обязательны ссылки на публикации последних пяти лет. При ссылках на интернет-публикации необходимо, кроме автора публикации и её названия, указывать название сайта и дату обращения.
9. Список цитированной литературы (автор, название работы, место издания, издательство, год издания и страницы: от и до — для статей или общее число — для монографий) приводится в порядке упоминания в тексте.
10. К статье необходимо приложить цветные фотографии авторов в электронном виде (требования см. в разделе III).
11. Иногородним авторам необходимо сообщить полный почтовый адрес с указанием почтового индекса (для отправки авторских экземпляров).

На английском языке в отдельном файле представляются:

1. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; e-mail.
2. Название статьи.
3. Аннотация (Abstract).
4. Ключевые слова (Keywords).
5. Список литературы (References). Библиографическое описание иностранной литературы даётся на языке оригинала. Для российских публикаций все сведения приводятся в транслитерации.

III. Требования к цветному иллюстративному материалу

Каждая иллюстрация (в том числе фото авторов) должна быть представлена в виде отдельного файла в формате JPEG с разрешением от 300 до 600 dpi.

На каждый рисунок должна быть ссылка в тексте (в круглых скобках, например, рис. 1 или фото 3). Кроме того, в отдельном файле должны быть приведены подрисовочные подписи.

**Редакция журнала
«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»**

Контактный тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003);
e-mail: rovir@rfh.ru

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2018, № 1 (90)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 23.03.2018. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз.